

Пролог

Прощально трубы протрубят
моих иллюзий.
Не собираю все подряд
и пуст мой узел.
Прощай Египет, весь мой род,
и бог мой, Ра мой.
Напет ответ, пришел завет
и в путь пора Нам.
Зовет труба печалью Сфер,
там волны плещут.
Лучом нечаяно Люцифер —
заденет — Вещий.
И будет неба водопад
парад стихийный
И тыча пальцем невтопад
я вспомню Имя.
Взмахну крылами, озарюсь
в сиянье светом.
Увы, я больше не боюсь
скользить к ответам.
Вновь будет внешняя вода
и воздух сдавлен,
Я возвращаюсь в никуда.
порог оставлен.
Там уходящая вода
сквозит сквозь сушу.
Я, вновь шагая в никуда,
влетаю в Душу.
По долгу истины стуча
крылом метели,
Не видя плахи палача,
мы в злобе зрели.
Вдруг, усмотрев неверный путь,
жизнь обрывали.
Еще чуть-чуть — и не вздохнуть.
Увы, сдыхали.
по перетокам Злой Судьбы
добро искали
и в вечном Море Доброты
печаль ласкали.
Измерив милями дорог,
мы справедливость
едва пускали на порог,
уйдя в стыдливость.
И, перепутав Звездный Путь
с остывшим пеплом,
мы поспешили зачерпнуть
все Смерти пеклом.
Невзрачно Времени Вода
шаги считала.
Любовью Вечность позвала
начать сначала.

Глава 1

Уже несколько дней подряд самочувствие оставляет желать лучшего. Меня мучают кошмарные ощущения, которые я точно и описать-то не могу. Тело корежит, а перед глазами частенько мелькают туманные силуэты, блёклые сполохи. Хотя болью в полном смысле это нельзя назвать, но другого описания своим ощущениям подобрать не могу. Телефон «в отключке», как и я, совсем оторван от внешнего мира, выдернула его из сети, а себя из — общения.

На посетителей глаза бы мои не смотрели. И что они со своими проблемами ко мне? Когда я сама не могу разобраться в самой себе.

Какой-то непонятный холод скрючивает меня изнутри, леденеют руки и ноги, хочется забраться под одеяло с головой, уснуть и не проснуться. Вот бы убежать на необитаемый остров от всех этих проблем, которые плодятся, как мухи. Но острова в нужный момент под рукой никогда не бывает. И приходится выкарабкиваться из этого положения без его помощи. С каждым днем это необъяснимое состояние все более обострялось. Вот что интересно: на фоне полного житейского благополучия появилось желание умереть. Да и вообще постепенно начала ощущать себя немножечко мертвой, погасли все чувства и интерес к жизни. Тело отказывалось двигаться. От безысходности я просто легла, скрестив руки на груди, закрыла глаза и смирилась с тем, что пришло время... а чего — я тогда еще не могла себе объяснить. Постепенно скованность тела стала более ощутимой. Душа моя успокоилась и перестала метаться, и мне показалось, что я погружаюсь в сон. Наступила тишина и ощущение движения или падения, а может быть, водоворота — сейчас трудно восстановить в памяти, как это происходило.

То, что последовало за этой тишиной, было столь необычно и реально. Боль не исчезла, а стала ещё более конкретной. Тело находилось сразу в двух реальностях. Я переместилась в иное пространство и время, в прошлое. В те события, которые происходили когда-то со мной, другая жизнь, другое имя и судьба. Это не было похоже на фильм. Все было живым, реальным и осязаемым. Мне оставалось только наблюдать.

Сознание возвращалось вместе со жгучей болью в левом боку и ощущением скованности и стиснутости, хотя дышалось свободно. И я с ужасом начинаю понимать, что жгучую боль и скованность испытывает мое тело. К счастью, ум остается холодным и расчетливым. Так-так, что за теплая липкость под левым боком? Похоже, сочится кровь, которая медленно остывает. Не открывая глаз, я начинаю понимать, что все происходящее мною не запланировано. Более того, я не в курсе того, что произошло. Холодом пустоты вдруг распахнулось пространство, и я вспомнила.

Память!

Она яркой вспышкой озарила ступени, по которым я спускалась в нижнюю библиотеку, туда, где хранились рукописи и труды древних пророков. Что же мне там понадобилось? Не помню. Помню только черные ступени из обсидиана, шорох сзади, за пыльной тяжёлой шторой, и тупой удар в левый бок. Что-то металлическое покатило вниз, опьяняющий запах, и сознание провалилось в черноту. Что же произошло потом с моим телом и где я? Не открывая глаз, слушаю звуки.

Тихо.

Где я? Возникает ощущение, что я нахожусь в большом помещении. Почему помещение? Воздух не движется. Тишина и запах ароматов курения. Медленно приоткрываю глаза и пытаюсь сказать себе, что это сон. Эхом звенит в ушах какая-то фраза. Закрываю плотно веки, пытаюсь поверить в то, что это сон. Но тело болью возвращает в реальность. Открываю глаза снова. Холодная волна неистовости прокатилась гневом в моей душе, по моему естеству. Я, то есть тело мое, забальзамированное, лежит на подиуме в центральном зале дворца. Я, живая и осознающая, не могу прошептать ни звука, только глаза подвижны и могут смотреть. Только дышать и смотреть, а ещё вспоминать.

Луна бледным светом оросила пространство, и я вспомнила все. Но от этого не стало легче, и ужас происходящего начал проникать в мое сердце, дыхание участилось, стон погас в плотно сжатых губах.

Я — старшая дочь, принцесса, жрица, находящаяся у власти в центральном городе. Я из династии Ахи, из той династии, где веками народом правили женщины, передавая знания из поколения в поколение. Сверкающей и всемогущей династии хранителей Междуречья. И я — держательница престола на земле и в поднебесной, ответственная за гармонию в этой точке Геи. Гея — мать наших тел, существо, много времени назад предоставившее приют нашим заплутавшим душам. Геолисима!

Память медленно сочится в мое пространство, и боль непредсказуемости событий начинает терзать мой ум. Имя, мое имя? Я старшая, а дальше... Пустота. Так, что еще может служить мне подсказкой?

Лихорадочно роюсь в памяти, а точнее, в том, что от нее осталось. Крохотные кусочки прожитого мной времени в этом теле разрозненными звеньями из цепи событий начали выплывать, наполняя скорбью душу. Моим народом и экономикой с глубокой древности управляли женщины, правили блестяще и легко, по всему царству разливался покой, порядок и достаток. Мужчины поддерживали связь с Поднебесной, практически все время находясь в храмах, и это была большая честь, если Совет Старейшин выбирал мальчика в ученики к храмовнику. Высшая честь и огромная радость. Радость!

В сознании проплыла фраза: «Да не для всех». А для кого это было горем, кто же печалился по этому поводу, да с такой силой, что его эмоции запечатлелись в моём сознании? Кто? Кто? В голове снова чехарда из слов, фраз, образов и боль, которая усиливается от воспоминаний. Храмовники и жрецы... В их союзе хранилась великая тайна Междуречья, тайна блестящего царствования, тайна содружества и сотрудничества двух начал — мужского и женского, левого и правого, верха и низа. Результатом этого равновесия была гармония на всех уровнях царства. Каждый посильно занимался тем, что соответствовало качествам его личности. Жрицы поддерживали плодородие земель и скота, обилие дождей и ветров в меру, но самым главным искусством жриц было не изобилие, а любовь, которая проходила через их сердца, и заполняла все пространство Междуречья. И от этого слияния их сердец царство наполнялось достатком и славой. И это было единственной защитой от возможных набегов диких племён.

По обычаю престол получала старшая дочь правящей царицы. Но не по старшинству ей выпадала такая ответственность, а по силе и достоинству ее сердца. Малодушные и слабосердечные уходили по собственному желанию из дворца в поселения на окраине царства и жили в гармонии с природой и сферами, не испытывая потребности кем-то управлять, и даже собой. Места их обитания охранялись, и потому жизнь их была до однообразия спокойной и размеренной. Жили как птицы, стаями, создавая общины исходя из личных симпатий, и так же легко уходили в небытие по истечении срока пребывания на Гее. Младшие дочери царицы наделялись малыми царствами, которые располагались по всем направлениям относительно центрального царства, чтобы расширять и укреплять их. Юноши по достижении четырнадцати лет уходили в храмы, чтобы поддерживать и создавать новые жизненные пространства, сохраняя гармонию того, что было выстроено их предшественниками. Всё казалось продуманным и цельным. И то, что наша династия развивалась и расцветала, было обусловлено теми знаниями, которые марсианская цивилизация оставила нам в наследство и коим традициям мы тщательно следовали. Но на Гее условия отличались от тех, в которых была рождена и вскормлена раса птицегуманоидов, наших пращуров. Со временем всё изменялось и мельчало.

Мы все больше и больше очеловечивались, страсти стали касаться нашего рассудка и оказывать влияние на мысли и поступки многих.

Родив меня, матушка в тот же час, бросив свое порядком надоевшее ей тело, отправилась в мир иной, нисколько не волнуясь о судьбе того существа, которое провела в этот мир через свое тело. Выростила меня, воспитав по всем правилам, приемная сестра отца, Тхакенда, бывшая управительница четвертого царства. По решению собора верховных жрецов, она оставила свой пост, передав его молодой преемнице, и всецело посвятила себя воспитанию маленькой сиротки. Четвертым в моей семье родился мальчик. Мать его — царица египетского царства Хетаки, по причинам вполне уместным отдала сына на воспитание в наш Северный дворец вместе с чернокожей нянькой. Очень красивый родился ребенок, таких изумрудных глаз я не встречала ни у кого из людей, только у диких черных кошек можно увидеть такой цвет. Нянька, казалось, ради забавы, а скорее всего, как я теперь начинаю понимать, по дальновидному плану, привезла его в покои одетым девочкой, и все так и остались при мнении, что привезли сестру на воспитание. Было ли это попустительством со стороны отца или коварно использованная магия, но мальчик так и рос принимаемым за девочку.

А я, что же молчала я? Об этом знали только трое: тайный советник, нянька и я. Мое малодушие ли заставляло молча наблюдать за всем происходящим, или это объяснялось присутствием чар египетской царицы Хетаки, где теперь искать виноватых? И есть ли в этом смысл? Если я нахожусь в таких условиях, значит, и во мне есть причина. Вопрос один: много ли этой причины?

Шорох, мягкое прикосновение лап к каменному полу, не имея возможности поднять голову и посмотреть, почувствовала осторожное прикосновение внимания кошки, моего маленького пушистого советника. Это необычное существо, имеющее кошачье тело, с тех пор, как себя помню, всегда

находилось подле меня. Ее серебристые глаза отвечали мне на все вопросы о метаморфозах погоды и о движении подземных вод. Даже в дальних поездках она сопровождала меня. Лохматое создание осторожно приблизилось к подиуму и, встав на задние лапки, заглянуло мне в глаза.

«Коварный человек, коварный. Он всех жадно захватывает. Умная ты, но не кошка. Жаль», — прошепестело в моем уме. Это прошли в сознание ее мысли.

«Помоги мне, что произошло? Я ничего не помню». Настроившись на её волну, я пыталась через сознание маленького зверька увидеть что-нибудь из события, произошедшего со мной.

«Тебе уже помогают, ты только постарайся настроиться на приём сообщений. А я тут поблизости буду».

«Теперь не теряй рассудка и будь холодна, как пламень в ночи, и сохрани терпение и доверие к себе и вспоминай, вспоминай, вспоминай... время вспомнить до рассвета», — прозвучал в глубине ума ментальный голос верховного жреца, по роду отца моего, несравненного Аксипотамуса.

Теперь я вспомнила все! Пространство раздвинулось, цветовые потоки по спирали вошли в мое сердце, неся импульсы воспоминаний, неся помощь моего отца, который в это время находился в центральном святилище храма во главе старейшин. Чтобы помочь мне за короткое время вспомнить все, он открыл свое сердце для моей нестерпимой боли, которая сочилась и заполняла все мое существо, для всей боли: и тела, и разума. Он впитывал ее в себя, чтобы я могла освободиться от скрежета гнева, наполнявшего сознание, чтобы могла вспомнить и довести то, что исправить уже было невозможно, до логического завершения с наименьшими потерями для пространственно-временного колодца. Это было необходимо сделать в интересах не только настоящего, а также и будущего, и даже более того.

Память открывалась еще несколько мгновений, и эти просветы в сознании развернулись, и картины прошлого проступили еще четче. Перед моим внутренним взором возникли голубоватые своды Центрального святилища храма. Единственный раз мне было позволено взглянуть в глаза своей судьбы и мельком — даже не увидеть, а прочувствовать эту нить, называемую жизнью: прошлое, настоящее, будущее. Это произошло во время посвящения на царствование. Оно происходило там же, в центральном святилище храма, у колодца Забвения и Памяти. Колодец Абсур-хи, напоминающий овальный бассейн, был окантован камнем, похожим на гранит, и выстлан по внутренней поверхности единой пластиной в три слоя: золото, серебро, литий. А внутри этого сооружения хранилась светящаяся субстанция, как огромная капля, возвышавшаяся над краями хранилища. Эта жидкая пространственно-временная структура сознания, которая была воссоздана по архивным записям наших пращуров, пришедших на Гею с далекого Кседота. Впоследствии тут, на Гее, названной аборигенами Марсом, уже в первом тысячелетии правления нашего народа.

Колодец Времени. Там записано все: прошлое, будущее, все. К служителям храма, хранителям времени, предъявлялись воистину нечеловеческие требования. Подумать только, какими необходимо обладать качествами личности, чтобы была возможность выдержать и не вмешаться в ход событий, имея на это силу, но не имея права и отвечая не только за свои слова, но и за каждый шорох мысли, за каждый свой вздох. Таким был тот, который приходился мне отцом по линии человеческой, — Аксипотамус. Я увидела его склонившегося над сферой Колодца Времени. Светлые волосы Хранителя спускались до плеч, схваченные золотистым обручем, закрывающим часть лба. Состав сплава этого обруча усиливал каждое сказанное слово до необходимого диапазона, и это же происходило с любой мелькнувшей мыслью. Статное тело, которому не было возраста, и глаза своей глубиной могли соперничать с Колодцем Времени. Я утонула в воспоминаниях и окунулась в детство.

В те времена мне, будущей царице, позволяли присутствовать на церемониях, проводимых в храме. Меня учили царствовать. Это тогда я в первый и последний раз дотронулась до священного камня, который отец носил оправленным в белый металл на правой руке. Камень был похож на небольшое птичье яйцо голубого цвета. И магическая глубина камня, свет отцовских глаз и бездна колодца сливалось в единое созвучье временного портала. Там был вход и выход этого мира. Тот безумный холод промежутка времени я помнила всю жизнь. Холод от камня, ледящее звучание которого прошло через мою руку и мое сердце. Я тогда не отдернула руку, а так и стояла, глядя в глаза главному храмовнику. В моём сознании с огромной скоростью пронеслась цепь моих воплощений, и не только на этой планете. И это был миг и бесконечность одновременно, темнота и свет, ледящий жар. Мне не было страшно, мне не было больно, мне было никак. Меня просто не было. А был полет сознания, в полете и движении, остановка в невесомости.

Тогда, в тот день, главный храмовник, взяв меня на руки, отнес к дворцовому входу и поставил на колонну. Глядя через сердце прямо мне в душу, проговорил: «У тебя, как ни у кого, есть сила и умение выходить из переходов *черных временных порталов* с непомутненным рассудком, запомни это навечно».

Это были первые слова, сказанные им лично для меня.

— Ты когда-нибудь снимаешь этот камень? — спросила я у него.

— Нет, когда я его сниму — это будет означать, что я исчерпал все свои возможности для убеждения тебя.

Он поклонился мне, маленькому созданию, стоящему на колонне, и ушел неслышной, скользящей походкой. А я простояла до заката, глядя на солнце, не шелохнувшись. С последними его лучами я уснула, свернувшись, как кошка, а проснулась от света луны, но уже в своей постели.

И теперь, глядя через пространственные отражения, я вижу, как боль из моего тела, из моей структуры сочится по связующей нити сознания в ум и тело верховного храмовника и любимое и почитаемое мною существо все больше погружается в мою боль, впитывая её в себя. Я чувствую, как от боли холодеют его руки и лицо, сжимается сердце, учащается дыхание.

Вспоминаю. Вспоминаю. Столб. Тело маленькое... мелькание каких-то лиц, событий, полосы эмоций, моих и чужих... «Вспоминай, вспоминай», — собирая волю — собираю память. Вот уже восприятие пространства становится устойчивым и я вхожу в новый объём памяти.

Я царица в полном парадном одеянии, которое указывает на законную власть, положенную по закону перворождённым. Гибкое и сильное золотистое тело, золотая, прошитая серебром одежда и одновременно непричастность, непривязанность к телу и к положению. Лёгкое, волшебное состояние! Но при этом присутствует несгибаемое намерение держать свою линию. Наблюдаю, как я иду по множественным переходам, ступеням и снова переходам в резиденцию Верховного Жреца. Вспоминаю, что на этой встрече настояла я, и что откладывать решение беспокоившего меня вопроса я не могла себе позволить. Мне было важно решить проблему, о которой умалчивать было уже невозможно — это о брате. О моем брате, о том, которого привезли из Египта якобы девочкой. Ему исполнилось уже девятнадцать лет, и все во дворце считают его женщиной и готовятся к посвящению и передачи власти одной из окраинных областей нашей территории. Вот и пришло время всем придворным моралистам повеселиться, как быть мне? Вынести это на совместный совет? Это будет потрясением для государства. Начнутся ненужные разговоры, досужие вымыслы, поползут сплетни. Это всё внесёт сумятицу в умы людей, а там и до крупных волнений недалеко!

Допустить посвящение я не могу, а время уже упущено, и я считаю это попустительством со стороны моего отца, ведь он ведал обо всём, что происходило в государстве, и должен был предвидеть такой исход, но не принял никаких мер. Я пришла на встречу с полным намерением отстоять свою позицию и обвинить Верховного Жреца в попустительстве. Я чувствую свою силу и уверенность. И по полному праву требую принятия жестких мер к брату, называемому Акхипотоменой. У меня единственное решение — выдворить это посмешище за пределы моего царства. И я хочу, чтобы это было не только мое решение, но и одобрение со стороны совета жрецов

Отец ожидал меня, стоя на открытой западной террасе. Он обернулся, услышав мои торопливые шаги. Жестом предложил присесть за овальный стол, стоящий на середине. Внимательно посмотрел мне в глаза, положил руки на стол.

— Ты стала характером очень похожа на мужчину. Несгибаемая воля — это хорошо, но для воина, а ты правительница народа Ахи, тело дано тебе женское, и оно гармонично проводит тот поток, который предназначен для сохранения гармонии именно женской, гибкой структуры пространства. А ты пытаешься совместить два разнонаправленных потока. Целесообразно ли это? — отец смотрел мне в глаза и жестом успокоил волну уверенности в своей силе и правоте, которая всколыхнула мой ум.

— Брат стал посмешищем.

— Но никто же и не догадывается, что он мужчина, и никто не смеется. И почему тебя возмущает, что у твоего брата любовник мужчина? Что делать, если он чувствует себя женщиной? Смирись.

— Пусть чувствует себя хоть кошкой, мне все едино, но не в моем царстве и не на моих глазах. И где он набрался наглости и высокомерия, чтобы решиться претендовать на царствование? Как он может принять свой народ таким, какой он есть, если даже свое тело он не принимает таким, какое ему дано по закону Колеса времени? Кто будет править? Он или его любовник? И что это будет за правление? Что будет с народом?

— Ты правильно мыслишь, но ты отошла от линии наследия женщин Ахи. Сердце твое заполняет гнев, а где гнев, там искажения пространства и событий. Не ты была причиной этих событий, но ты можешь благотворно повлиять на следствия.

И, глядя в мою душу, он снял перстень с правой руки, затем с осторожностью положил его передо мной.

— Ты можешь взять его и принять любое решение, только помни, что оно повлияет на всех нас не только сейчас, но и в далеком будущем.

У меня даже руки не дрогнули, даже мысленно я не потянулась к камню. Только свет из моей души заполнил все вокруг. И я поняла. Не своей волей, не суровым приговором, а потоком любви сердечной, что является частью потока Вселенной, надо спасти царство. Я поняла. И проснулась душа моя, поняв всю иллюзорность власти человеческой.

Поклонившись и поцеловав руки хранителю, я вышла со знанием, как надо поступить. В древней библиотеке, на нижних этажах, есть рукописи одной из основательниц династии, мудрейшей Архиотопеды. Там я найду то, что мне надо для прояснения и решения того, что волновало и не давало покоя. Окрыленная своей идеей, я не шла, а летела по галереям, не замечая ничего вокруг. Вот поворот, еще один. Теперь в нижний зал. А там по множеству ступеней ещё ниже, в хранилище. Я уже предвкушала поток блаженства, который почувствую, коснувшись древних, чистых знаний.

«Кошка, что же ты путаешься под ногами? Ох, потом расскажешь о погоде. Зачем цепляешь когтями за платье? У меня нет сейчас время для того, чтобы настроиться в диапазон твоего сознания и слушать твою ментальную болтовню. Потом поговорим. Я тороплюсь». И, засмеявшись настырности этого маленького зверька, взяла его на руки. Вот ступеньки, скорее вниз, и там, в архивах, старательно записанное сокровенное знание. Дух самой мудрой Архиотопеды там.

Вдруг как будто ветер шевельнул ткань слева, прикрывшую вход, и я ощутила внезапный удар в спину. Резкий незнакомый запах и звон металла по ступенькам, и я погрузилась в беспамятство. Там вечная чернота и безвременье. Зависнув в этом состоянии, ты не осознаешь себя. Не понимаешь, кто ты был, откуда пришёл и куда направлялся. Забываешь ВСЕ! После этого существо никогда и нигде не воплощается в теле, а так и висит, не осознающее себя и всё остальное.

Меня отправили в черный провал. В смерть, в безвременье.

Немой крик в невесомости, крик, от которого рассыпаешься на кусочки, на атомы.

И нечем дышать.

Даже тому, которое бестелесно, нечем дышать. Кусочки тебя закручиваются в спираль, сжимаются, каждую секунду меняя скорость, разбиваются на ещё более мелкие, и это всё ТЫ!

И ледящий душу холод,

вечный,

никогда не заканчивающийся холод, и тьма, холод тьмы и скрежет, раздирающий ткань души.

ТЫ НИКТО.

ТЫ НИГДЕ.

ТЫ НИКОГДА.

Сколько это продолжалось, понять невозможно, это, вероятно, зависит от того, с какого местоположения наблюдается и чувствуется. Снаружи это может показаться мгновением, а для меня была вечность, тянущая душу крючьями.

Но откуда-то из близкого далека пробилась тонкая голубоватая дымка звука, даже не звука, а предзвучья, и не цвет, а предцветье. Возник расплывчатый образ. Что-то знакомое и значимое. С усилием удерживаюсь за этот мираж, цепляясь за его края, вытягиваю себя из липкости чёрного провала. Камень из перстня, это он был проводником от источника этого посыла. Там, где человек не в состоянии сохранить разум, прирученный камень служит ему проводником.

«У тебя есть силы пройти промежуток, ты умеешь, и умела всегда». Это даже не прозвучало, а словно пахнуло. Предзапах.

На тонких цыпочках сознания

В душе тропинку проложу

Из осязанья в вечность знания

Звук в переходах отслежу
И выплывая из тумана
В бытийность из небытия
И из вселенского дурмана
Из нечто Я выходит Я.

Получилось!!!

Я вспомнила в срок. Память вернула мне многое: намерение, уверенность, терпение, безжалостность. Нет, не жестокость — жалость к себе отсутствовала, равно как и к другим. Каждый получает то, что получает по своим деяниям. И никто не виноват в этом. Это жизнь. Жизнь в теле есть великая игра времени...

Звон открываемой двери и гулкие шаги, уверенные шаги. Я уже давно поняла, кто придет первым утром моей смерти. Закрываю глаза и позволяю себе расслабиться, останавливаю частоту дыхания. Вдох — и полчаса, выдох, затишье — и еще полчаса. Шелест шагов и слов. Слышу очень знакомые голоса. Шаги затихли, кто-то наклонился надо мной, чувствую взгляд на лице.

«Я знаю, ты меня слышишь, открой глаза, — пауза, — открой глаза».

Мне надо выгадать время, дождаться... чтобы он даже не догадался о том, что я в сознании, не понял, что на самом деле происходит.

«Не слышит, еще до вечера можешь быть спокойным», — не голос, а шипение змеи.

«О Боги, терпенья мне, терпенья».

Через некоторое время, следуя традиции, откроют ворота и впустят людей попрощаться с царицей, а потом...

В сознание врывается голос, даже не голос, а частота звучания сердца. Мне помогают понять и услышать то, что я не успела прочитать в рукописи.

«Падение с высоты вселенской дает злость и отчаяние, невозвращенцы — это те, кто проклял свой род, свою кровь. Стремительное падение Духа дает затухание памяти, и от звенящего золота сердца остаются только черные головешки. Чтобы проскользнуть во временных переходах, нужен холодный ум, трезвый рассудок и горячее сердце. Удержись от гнева, и ты воскреснешь».

Как удержать понимание, что это все игра, в то время, когда сердце разрывается от боли.

Как принять такую игру, когда предают родные и близкие?

Как отыграться и без потерь выйти из игры?

Волна любви и благодарности, признательности и восхищения мудростью рождается в сердце по отношению к Хранителю Времени, старшему Храмовнику, к тому, кто здесь мне отец. Он всё знал еще тогда, когда ребенком поставил на срез колонны меня у входа во дворец. Знал, но имел силы не вмешиваться в мою судьбу и в ход событий. И только тогда, когда я сама решила простить всех, он принял решение помочь мне.

Скрип дверей и осторожное переступание ног. Пошел народ.

— Внезапная кончина от неизвестной болезни привела нас к такому горю. Подходить близко запрещено, — визгливый голос неприятно резанул мне по сердцу.

— Да, болезнь называется «предательство и лжесвидетельство». Прощаю во все века и времена. За все. Всех.

Я открываю глаза, не в силах сдержать обиду. За колонной, прячась от собственного страха, моя дочь Харохсея. Это являлось тайной, по настоянию храмовников никто не знал, что она моя дочь. Сейчас я не могу вспомнить причину этого. Ей была предназначена через год служба в храме Наблюдения. Нянька Харохсеи испугана до полусмерти таким поворотом событий и не понимает сути происходящего. Я смотрю ей в глаза и вижу усталость и страх, не за себя, за наследницу. От ощущения своего бессилия глаза мои наполняются влагой и по щеке сбегает слеза, оставляя дорожку на раскрашенном погребальным узором лице.

— Вот досада, погребальный макияж испорчен. Хочешь не хочешь, а игра теперь начнется в открытую. Ну что ж, поиграем. Боли нет, страха нет, только покой и холодная безжалостность. Так-так. Вот и любимый братец. Почуял, стервец, неладное. Глаза — как у нагадившего огромного кота. Алчный и похотливый блеск.

— Ну что, дорогой? Как поступишь сейчас? Люди вокруг. Умен, конечно, с такого расстояния мало кто разглядит дорожку от слез. А вот глаза открытые... Ну, хитер, молодец, находчивый. Склоняется, в поклоне закрывая от всех мое лицо. В глазах страх и ненависть. Немой вопрос: «А могу ли говорить»? «Нет», — отвечает, успокоившись, сам себе.

День был длиннее вечности. Со мною простились все, кого впустили. Все разошлись, наступила тишина. Лживая принцесса с накопленной за день злостью с усилием нажимает на раненый бок. У меня боли нет, боль вытекает в открытую реку отцовской любви и растворяется в ней. Брызгая слюной, с шепота срываясь на повизгивание, брат требует принести ему острую ритуальную золотую спицу.

— Я прокалю тебе сердце, ты навсегда забудешь меня и не станешь мстить.

Да, исход игры опять не в те ворота. Все как в страшном сне.

— Отец, что же там дальше, ты же знаешь?

— Решай по ходу игры, главное — сохранить память. Чтобы вернуться, надо помнить — Где, Куда, Как и Кто ты.

Игла соскальзывает и царапает мне шею. Смола, которой заливали горячей меня живую, уже затвердела. Злость и отчаяние брата начинает заливать пространство. Чего доброго, срезонирую на ненависть и я, и тогда она начнет выжигать моё сердце. А это смертельно опасно для Души. Чьи-то шаги по коридору. Он в бешенстве бросается к дверям, загораживая их с наружной стороны. Я знаю, чьи это шаги, маленькой Харохсеи. Она, не замеченная никем, бродит по темноте коридоров. Кто будет обращать внимание на маленького глазастого человечка, тихонько шныряющего по темным уголкам и за всеми подсматривающего? Ребёнок телом, она имела блестящий ум, превосходную память и умение проникать в суть происходящего. Но не судьба ее привела сейчас, а ненависть, которая нашла приют в её сердце. Дети легко впитывают эмоции окружающих их взрослых, особенно родственников. И потом страдают, не умея владеть собой. Лязгнул тяжелый засов на дверях. Теперь никто не сможет ко мне подойти неслышно. Сразу братец всполошится — наверное, там, под дверью, и лёг спать. Да и какой ему сон, ждет, когда всё затихнет. Тёмные дела творят в темноте, поэтому темноты и опасаются люди. А дело-то не в ней, а в человеческой подлости. Свет луны начал заливать пространство. Не желтый и мягкий, как золото, а кровавый, с черными рваными тучами на небе. Такой ночи я не помню над нашей Геей, этот знак говорит о великой беде, спустившейся с небес. Зло опустилось на царство. Полночь. Скоро братец придет меня убивать, необходимо опередить его, и я принимаю решение. Быстро прощаюсь с уже ненужным физическим телом и покидаю его. Выхожу на террасу, залитую лунным светом. Свобода!

Надо только привыкнуть к легкости и подвижности тонкого эфирного тела. Кошка, мурлыча, пытается потереться о ногу.

— Что ты, Я же — тень. Лучше поделись местом в теле, — прошу ее.

— Ты большая и не сумеешь быть маленькой. Иди на задний двор, там в клетке большая кошка, черная Матайя, с изумрудными глазами и когтями, быстрыми и острыми, — прожурчала она мне в ум.

Луна сегодня мне в помощь, хоть и зловещая, но огромная, яркая. Без физического тела трудновато с непривычки и передвигаться, и смотреть. Всё кажется в лунных разводах, нечеткими линиями прорисовывается окружающее пространство. Богиня Ночи высветила мне дорожку оранжево-кровавым светом, и это помогало немного ориентироваться. Тело, которое из мяса и костей, медленно остывало и еще пыталось удержать меня и вернуть в себя. Хорошее было тело. Оно хотело жить. Но там оказался тупиковый вариант Игры. Смерть со злом и забвение себя. Нет, мне необходимо изменить ход событий.

Черная пантера заурчала, увидев меня, и открыла зеленый глаз. Хитро заводила хвостом, зная, зачем я пожаловала.

— Поделись телом, — пропела я ей в ум на кошачьем диалекте.

— А ты не будешь мне мешать? — в ответ подумала черная красавица.

— По возможности нет.

И она подвинулась. Вхождение в чужое тело — занятие для чувствительных существ не из приятных, но лучше уж так, чем совсем без него, пока.

— Человеческие страсти, ум человеческий склонен к излишествам, — прохихикалось теперь в моей уже голове.

— Да, это так, — не могла я не согласиться.

— Теперь у меня есть хорошая охота. То визгливое существо я давно уже заметила. Повеселимся, — и она, а теперь и я, когтем скинула засов и вышла из клетки.

— Сначала утолю голод. Пойдем за кроликами, а потом покажу тебе тропу, на которой будет добрая охота, — и она мысленно хмыкнула на мой не прозвучавший ответ.

— Я тебе тело, а ты мне эмоции для действия, и мы в расчете, — продолжила она уточнять наш договор.

У меня возникла потребность на время ее ужина выйти из тела, что я и сделала, и вовремя. Кровавое пиршество не принесло бы мне никакого эстетического наслаждения, более того, погрузило бы меня во тьму астральную. Но её тело мне будет необходимо еще по крайней мере три луны, пока будут совершаться ритуалы по отношению к умершей царице.

Да, это как будто просто дикий сон, происходящий со мной наяву. Пантера умылась и, свернувшись, задремала.

— Подожду, пока кровь кроликов переварится, тогда и вернусь в звериную шкуру, — решила я.

Дворцовая площадь заполнялась народом. Уже трудно было найти свободное место, но люди все прибывали и прибывали. Мое усопшее тело, забальзамированное и одетое по всем правилам, медленно выносили из Дворца через центральный вход. Звучание хорхе (это такие длинные трубы) наполнило все пространство по всей округе.

Казалось, что, кроме труб, звучать было нечему. Для меня время застыло в единое созвучие. Прошлое, настоящее, будущее, все слилось в единый поток. Где я, что я? Одно тело — там, в центре людского внимания, а я сама, прячась за каменным парапетом, наблюдаю за всем происходящим из тела черной кошки.

Ритуальное шествие углублялось по тропе, которая скрывалась в густых зарослях. Тело несли в усыпальницу, спрятанную от любопытных глаз в недрах горы. Грот с незапамятных времён находился в горе, он вырос вместе с ней. Порода образовала естественную полость, а подземные воды промыли вход. Шествие замыкал мой разлюбленный братец, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Его глаза пытались увидеть что-либо в тенях деревьев.

— Не меня ли ищешь и пытаешься разглядеть сквозь заросли? — подумалось мне, но уже как-то безразлично.

На холме было тепло и сухо. Хозяйка тела, пантера, знала эту удобную лежку давно. Это было понятно по свисавшим с сухих веток клочкам её шерсти. Я уже начинала привыкать к этому пушистому гибкому телу и понимать всю выгоду такой формы тела, одновременно с которой получаешь одежды. Только ныла правая лопатка от свежего удара. Час назад я своими мыслями о неизбежном падении помешала пантере завершить благополучно прыжок с дерева на землю. Привычка к динамике человеческого тела давала о себе знать. И то, что число ног увеличилось, а рук не стало, тоже было весьма непривычно. Время в соседстве с сознанием зверя тянулось по-другому, а как — я не задумывалась. Казалось, прошел миг, а процессия уже возвращалась обратно. Вечерело, синие сумерки опустились на тропу. Мы, покинув укрытие, пошли каждая по своим делам. Черная кошка — охотится на человека с резким, визгливым голосом, а я — навстречу своей судьбе.

От неожиданности братец даже присел, обхватив голову руками. Как тут не испугаешься, когда перед тобой возникает зверь весьма внушительных размеров. Пантера пригнулась, и ее голова оказалась на уровне его лица. Я заглянула ему в глаза.

— Ну что, дорогой, — прошелестела я ему в ум, — ты счастлив? Какое оно, счастье от предательства? — он услышал меня, не совсем понимая, что произошло. Липкостью лжи повеяло из его сознания. Ненавистью и страхом из его сердца. Пантера, почувствовав его агрессию, молниеносно приготовила лапу для удара. Убить его не входило в мои планы. Я едва успела перенести это движение в прыжок в сторону. Животное улетело в колючие кусты, сознание царицы Атихии погнало ее подальше от людей. Над толпой жриц пронесся гул.

— Это знак, это знак опасности, которая нависла над нами.

— Да, если б вы знали, насколько правы, — подумала я, жестко управляя телом животного, ведя ее подальше от них, к скалам.

Сердито фыркая, пантера зализывала поцарапанную морду. Она не думала о моей неуклюжести, ее позабавил страх людей. Неприязни ко мне у нее также не было. Слегка ободранная шкура не причиняла

мне боли, а хозяйка тела об этом даже не думала. Ее радовала вновь обретенная свобода, да и мое соседство тоже устраивало.

Пять долгих лун мы ходили по переходам дворца, тенью наступая лжепринцессе на подол ее платья. Сея этими действиями страхи у заговорщиков и домыслы у тех, кто был прозорлив и наблюдателен. В то время я не могла дать себе полного отчета о цели этого преследования. Ум как-то отодвинулся в сторонку и только иногда делал робкие замечания по поводу моих действий. Находясь в теле животного, я воспринимала мир совсем в другом ракурсе. Мало о чем задумывалась и ничего не решала, произошёл переход на чувственное восприятие реальности. И это не было оскудением восприятия, а наоборот, мир стал текучим и переливчатым, вкусным, заполненным нескончаемым потоком запахов. Пахло все. Деревья, все живое и неживое, мысли людей, оказывается, тоже имели запахи, да еще какие! Думать — оно, конечно, не думалось, но все действия соответствовали моему негибкому намерению. Торжество справедливости. Вот как оно тогда звучало!!!

Коронация проходила в полдень на западной дворцовой площади. Народу пришло намного больше, чем могла вместить в себя эта площадь. А люд шел и шел, молча, не переговариваясь, не глаза по сторонам, как на казнь. Многие думали о неминуемой гибели — какой, они еще не понимали. И бросив все свои важные и не важные дела, двинулись к дворцу, своими глазами увидеть то, что происходит в самом сердце государства. Несмотря на скопление народа, стояла тишина, только пыль клубилась, поднятая тысячами ног. По правую руку лжесестры восседала царица Ахинеда. По левую руку — мать его, Хетаки. Вот они, кудесники, магия и чары в полной силе. Суть и причина всего произошедшего. Неумное желание власти, безудержное стремление к управлению, во что бы то ни стало.

— Ах! — вздрогнула толпа одновременно. Народ просто онемел от такой наглости черной дикой кошки.

Молниеносно перескочив парапет, отделявший ступени, ведущие к портику от крутого обрыва, она приземлилась перед восседавшими заговорщиками. Пантера сидела, как бронзовое изваяние Озириса, и пристально глядела на эту троицу, возмнившую себя богами. Просто сидела. Моя воля и намерение парализовали все послы хищника, чьим телом я воспользовалась. Это продолжалось мгновение и вечность одновременно.

А потом был острый удар в голову. Меткий и смертельный. Меня убили во второй раз вместе с существом, давшем мне приют в своем теле.

— Тебя ждет воздаяние за помощь, — прошелестела я, мысленно благодаря черную кошку, и быстро выскочила из тела, встав во весь рост. Солнечные лучи высветили мою Тень, и не только видящие, но и все простолюдины увидели призрачную суть усопшей царицы. Да, мясо дает плотность тонкому телу. Та пища, которую ела пантера, придала ему видимость, и то, что называют привидением, стояло, вглядываясь в лица тех, кто назвал себя правителями.

— Царица Атихия, царица... — шепот перерос в гул, который, заполнив площадь, поднялся в поднебесье и потряс линии пространства. Бледность и вечный холод промежутка сковал троицу заговорщиков, но мне уже было не до них. Линии замкнулись. Я оказалась вне круга. Теперь счет моего времени пошел вспять.

— Этот круг закончен, и у меня есть время, чтобы сориентироваться, не дать себе соскользнуть на дно временного колодца. Я найду себя во времени и пространстве, помогу себе вспомнить все, и не только себе. А всем тем, кто связан со мной и принимает такое решение — вспомнить себя. Я умею это. Благодарю Вас, Совет Старейшин, великий поклон тебе, несравненный Аксипотамус. Благодарю всех во все века и времена, и прощаю. Простите и вы меня. Я свободна. Свободна от лени, от ненависти, от лжи, от обид и злобы, от всех хвостов, которые задерживают потоки времени от их естественного течения.

Вот уже который день я стою перед распятьем, к которому привязан брат. Стою и смотрю. Нет ни ненависти, ни сожаления... А что же есть? По какой причине намеренно нахожусь тут? Какое такое чувство позволило мне скатиться в тысячелетнюю глубину пространственных линий? Туда, куда многие тысячелетия, надеясь быть услышанной, я буду посылать свой немой крик. Той, забывшей себя женщине, живущей в двадцатом веке нового летосчисления.

Радость явилась причиной моего падения. **Радость оттого, что возмездие свершилось.** Да и не полная радость, а только малая искорка, такая незаметная на первый взгляд. А каков результат? На чаше веков эта малая толика радости уж очень тяжела.

Вот уже восемьдесят человеческих весен и зим, бестелесная, я сижу на срезе той колонны, на которую когда-то посадил меня Великий Храмовник ребенком. Плотного тела у меня нет, только призрачная суть. Уже тогда он знал о том, что могло произойти. Сколько воли в его могучем разуме и любви в сердце, которые спасли мою душу!

И все это время я кричу через промежутки безмолвным криком.

Кричу сама себе.

Где я — та, которая примет решение вспомнить все?

Которая решит поднять с колен, с той позиции, куда ее завела, казалось бы, совсем безобидная искорка радости.

Кто упал с высоты,

Тому крылья ломать,

По оставленным срокам ползти.

Кто упал с высоты,

Свое имя сберег,

Тому свечка горит на пути.

У меня нет физического тела, но эмоции всё равно перетекают в моем лёгком и едва видимом теле. В сознании мечутся магнитные бури пространственных потоков, образуя вихри. Они переплетаются со временем и образуют пространственно-временную паутину, в которой я, та, другая, сейчас нахожусь, шагнув через тысячелетия.

Месть и мстительность... Как это сладко для самости, и все это напитывает Ложное Эго, усиливая его. Брат привязан к распятию не из злобы и ненависти, а в искупление им содеянного беззакония, для того, чтобы уравновесить чашу весов между законом Божественным и человеческим. Для чего я стою перед ним, внимая всему тому, что происходит вокруг и внутри его существа? Что пытаюсь понять и для чего все это запоминаю? Как может эта боль за несостоявшуюся жизнь мне помочь?

Больно! Невыносимо понимание, что, бестелесная, я ничего не могу уже исправить, изменить, разрушить и создать.

Не виню его в содеянном зле, не жалею себя, как безвинно пострадавшую, а силюсь понять принцип Великой Игры, в которой мы все застряли. Благо, времени у меня достаточно, и даже более того. Тело привидения хорошо тем, что не требует для себя внимания. Ему без надобности пища, одежда, кров и почести.

Ветерок ласково пронизал меня, оставив в том месте, где когда-то находилось сердце, тепло, как от прикосновения ладони к спине. Это тепло наполнило мое сознание уверенностью. Также возникло понимание важности происходящего, вернее моего отношения к происходящему. Сейчас, в этом времени, находясь в безумной душевной боли и в бессилии от невозможности все изменить, необходимо простить.

Всех, вся и за все.

Начиная с себя. А это самое сложное для меня, и на самом деле — необходимое. Как простить себя за то, что увязла в гордыне и перестала обращать внимание на очевидное? Есть ли оправдание презрению, которое я начала испытывать к тому существу, перед которым я сейчас нахожусь? Нежелание признать право на существование и такого проявления сути духовного существа — это уже не смирение. Все произошедшее показывает на присутствие неумной гордыни. Ступив однажды на эту стезю, я потянула за собой всех тех, кто мне доверился, а также поддерживающих меня.

Как простить себя за то, что невозможно обратить вспять?

Прощаю. Прощаю себя за все: за гордость и глупость, за верхоглядство и духовную лень, за гордость и гордыню.

Прощаю во все времена и во всех пространствах.

Мое внимание растеклось по промежуткам пространства, через временные порталы, пронизывая сеть веков, прощая себя ту, которая снизойдет по этим линиям.

Прости себя!

Эхом пространства посылаю намерение самой себе, той, которая будет жить в XX-м веке.

Той, которой предстоит вспомнить себя сидящей на срезе колонны и смотрящей в свои глаза через время и пространства. Через жизнь и смерть.

Прости, а простив — вспомнишь.

И так по звучащей спирали покаяния, восходи, возвращайся в поднебесье. Позволяя вернуться к самим себе всем тем, кто с тобою связан, очистив путь от своих обид и проклятий. Воссоздай свой первоначальный облик, облачи свои воспоминания в суть, открой выход...

Болью в пространстве, всхлипом предсмертия, меня вернуло в то место, где я присутствовала привидением принцессы.

Воспользовавшись отсутствием моего внимания в том месте, к уже изрядно увядшему телу брата-заговорщика, приблизился дворецкий казначей, держа в левой руке чашу с водой. Поднеся ее к губам распятого, он подождал, пока тот сделает несколько глотков, и молниеносно вонзил в грудь клинок, ярко сверкнувший на солнце.

Чаша, ударившись о камень, раскололась, осколки разлетелись. Жизнь этого тела, которое так и не доиграло свою Игру, закончилась.

А моя игра только началась.

Прости и ты меня, Дионисий. Ударом остановили твое жестокое сердце, но жестокость не останавливается ударом, он только ее умножает.

Посеянная единожды ненависть дает пышные всходы, такие, что мир содрогается.

Глава 2

Я открыла глаза оттого, что казалось, сердце выпрыгнет из груди, хватая ртом воздух. Как будто вынырнула из воды из-за нехватки воздуха. В пространстве висел непрерывный звон. Он пугал тело, было непонятно, где я нахожусь. Медленно вернулось понимание, я узнала этот звук — телефон, это звонит телефон! А я? Кто я? Я — Лена. Да, я — Лена, и живая. Огромное облегчение и счастье, что все, что я переживала и чувствовала, позади. И никогда уже не вернется ко мне. Мне хотелось, чтобы оно не возвращалось больше никогда. Но суть Игры такова, что все происходит не так, как ты желаешь, а так, как должно происходить.

Следующая волна живых воспоминаний нахлынула на меня вновь через несколько дней. Намного мягче, чем в первый раз, второй раз всегда легче, чем первый. Однако впечатляло это всё не меньше.

Медленно погружаясь, золотой саркофаг оставлял след в моем сознании. Внутри было тесно и мягко. Длинные крылья покрывали мое тело, и я как будто запахла этими крыльями, спряталась, забыв про все на свете.

Саркофаг все глубже и глубже погружался в жидкость. Мое сознание раздвоилось, чувствуя тело изнутри, одновременно наблюдая поверхность этой жидкости. Она пузырится, вот уже пошли пузыри со стороны головы, на поверхности они беззвучно лопаются, и маслянистые капли, попадая на каменную поверхность, прилипают, начинают медленно расползаться в стороны. Тяжело дышать, тяжело быть. Тяжело, на грудь что-то давит.

И как будто повторение старой записи на диске, возникает в сознании вопрос...

— Кто я, что я?

Жидкость мягко плещется, я ее так четко вижу. Слово внимание раздвоилось. Я — внутри, я — снаружи.

Саркофаг большой, около трех с половиной метров в длину, а ширина приближается к двум, и такое ощущение, что он находится в бассейне. Рассеянным вниманием пытаюсь восстановить целостную картину. Бассейн округлый, его окружает цветной бордюр. Если взглянуть в эту цветность, то начинают различаться знаки и фигуры, выстроенные в определенном порядке. Внимание скользит по этим узорам, и в сознании от этого чередования фигурок и знаков появляется сначала Звук, а потом странно знакомая мелодия. Я смотрю свысока, но пока не понимаю, что это и как. Где и почему?

Внимание не идет дальше этого саркофага, натываясь на невидимые границы, которые отбрасывают любую попытку вернуться к своей Памяти, сменяя намерение в тугой клубок жгучей боли. И только мгновение отделяет эту боль от ненависти.

— Ненависть... Ненависть... Ненависть... Что-то это мне напоминает, очень знакомое состояние.

Кадры старой порванной судьбы мелькнули и погасли. Звучание мелодии усилилось, она происходила из Ниоткуда и затихала в Никуда, от ее переливов становилось тесно в самой себе, и тяжелая вязкая тоска разливалась и поглощала меня.

Вспышка памяти обожгла болью и остервенением — похоронили заживо! Тяжесть и печаль удерживали меня в беспомощности своей вязкостью. И она, эта вязкость, заполняла пространство, и вспышки памяти гасли, едва успев озарить мое сознание. Напрягаясь всей своей сутью, прилагая невероятные усилия, вспоминаю... Безысходность, вплавленная в сознание, двигается, как бусинка по нитке. Бусинка за бусинкой, и некуда деться, пока эта нитка не развяжется.

И внезапно огромное пространство распаивается передо мной. Ликование наполнило сердце. Вспомнила!!!

Журчащим ручейком суть произошедшего события наполнила разум, следом возник еще один звенящий ручей, и потоки событий предстали передо мной ясной картиной.

Они начали разворачиваться с того момента, где я увидела себя поднимающейся по ступенькам, и там каждый шаг был наполнен величием и достоинством. И это все было внешне, а внутри — огромное напряжение от долга и ответственности, взваленного на плечи, и вероятно, не по моей воле. Хотя ощущение силы и величия присутствовало в душе, позволяя управлять своими эмоциями.

И вот ещё что необычно моему человеческому восприятию: я чувствую крылья, свои крылья, которые, словно плащ, прикрывают мне плечи и руки. И они волочатся за мной, заметая следы.

Осматриваясь, расправляю плечи, в мыслях смиряясь с тем положением, в котором я есть, и поднимаюсь к месту престола.

— Лобное место, — мелькает фоном в уме. Наблюдаю, как я, расправив крылья, усаживаюсь на трон, который практически без спинки, только для позвоночника есть опора, так как крылья не помещаются, и под их форму приспособлена спинка. И голове удобно.

— Трон!!! Кто я? Кошмар! Почему и для чего тут? Крылья, словно пелерина, прикрывают тело, птичья грудка с перышками, беленькими и мягкими. На длинной шее — голова, напоминающая соколиную, с темными круглыми глазами. Птицегуманоид!!!

— Что это? Игры ума или забытые, вычеркнутые из летописей памяти, реальные события? Но не могут же глюки быть такими реальными! Это необходимо много, много раз перепроверить, рассмотреть ход предполагаемых событий со всех сторон.

И опять я обращаюсь к перилам Времени, которые ограждают мой путь от безысходной беспредельности. Они хрупки и призрачны. Невозможно опереться, но они все-таки вселяют какую-то надежду дойти до самой себя, определяя направление.

И теперь мое блуждание в пространстве-времени не хаотично, а логически направлено. Словно из сердца вырывается пучок света и влечет меня за собой. Теперь мне уже не затормозить, не остановиться.

Я еще по привычке хватаюсь за хлипкие перильца, но они, как песок, проскальзывают между пальцев, да и они, надо сказать, призрачны.

Безнадежность, которую живые существа несут с собой, временами, накатывает на меня. И чтобы полностью не быть съеденной этой сущностью, похожей на плесень, я — та, большая, из далекого будущего, дергаю за нити света это маленькое человеческое тельце. И хвала создателю, что искры разума тлеют ещё в нем. Оно, конечно, поскрипывает от перегрузок, плачет и страдает, но Дух крепко, с умением управляет им.

Тел у меня было множество, различные по форме и по содержанию. Каким-то формам я отдавала предпочтение, раз за разом воплощаясь в них. О некоторых я стараюсь не вспоминать. Но приходится, потому что их не выкинешь из памяти. Это все мой опыт, звенья из единой цепи.

Здесь, в человеческом теле, сито матрицы Ума пропускает легко только осколочные воспоминания. Все, что не входит в ее конструкцию и может повредить, она делает невидимым и недоступным. Огромного труда и боли стоит прикосновение к этому недоступному.

Человеческое содрогается и корчится, отказываясь все это воспринимать.

Уму сразу же хочется поделить все воспринимаемое на плохое и хорошее, на белое и черное. Все, что видишь и ощущаешь. Это внутри.

А снаружи — дикий страх перед всеми теми, кто называет себя людьми. Перед общественным мнением. Страх остаться изгоем, не войти в это стадо или стаю.

Но нити моей памяти не позволяют останавливаться в страхе и увязать в нем. Они тянут это щедедушное тельце через всю протяженность матрицы. Через все ее программы.

Тело эмоций разрывается колючими иголками страха. Физическое тельце прессуется тяжестью перегрузок. И чтобы не потерять тело, остается одно: вычищать и вычищать желания и эмоции. Да и потребности тоже.

Глава 3

И сейчас меня мучает вопрос. Как Мы, великая цивилизация, вернее, осколок этой цивилизации, попались в ловушку людей? Чем нас зацепили и за что? Очень трудно вспомнить отсюда, из тела, которое очень плотное и ограниченное. Тело снаружи ограничено кожей, а гибкость — костями.

МЯСО, КОСТИ, КРОВЬ. Костюмчик для Души и Духа.

Когда-то великая и могучая держава планеты Марс стала затухать. Это, конечно, не было ни для кого неожиданностью, а все шло по Великому плану. Наш срок жития на теле этой планеты заканчивался. И это знали обе стороны — и она, и мы. Человеческое тысячелетие наша цивилизация готовилась к переселению. Все было рассчитано сакраментально и точно. И время взлета первого корабля, траектории движения всей армады и каждого корабля в отдельности.

Навигаторы потратили на это не одну сотню лет. Планета, на которую двигались переселенцы, определена и договор составлен с ее бывшими владельцами. Планета, близкая к созвездию Лебедь. Суэта и паника отсутствовали, каждый знал свою роль, согласованную с деятельностью других и самой планеты. Наш корпус был одним из последних, кто покидал прежний дом. Немногочисленный экипаж обслуживал сложнейшее оборудование.

Каким-то образом произошел сбой в системе наведения на сотые доли мгновения. Осложнения, конечно, ожидалось, но не такие масштабные и необратимые. И эта малая неточность дала значительное отклонение. Двигаясь по рассчитанной траектории, корабль попал в сферу досягаемости Геи. Паники не было, все находились в уверенности, что минуем ее без особых усилий. Мы наблюдали ее серебристо-голубоватое тело, и наше восхищение полилось к этой великолепной, красивой планете.

Вероятно, кто-то из экипажа подумал, что она может стать пристанищем и не надо так долго и далеко лететь. Скорее всего, на неконтролируемости чувств сказались перегрузки при взлете. И вот результат!

Этот выплеск эмоций позволил образоваться прочному притяжению между кораблем и планетой Гея. Плотно обхватив нас в объятия своими чувствами, атмосфера ее втянула нас в себя.

Корабль закружился, пытаясь вырваться, но мы уже попали в западню собственных чувств. На сцепке чувств, наших и этой планетки, произошел вихревой канал — портал.

Она, эта планета, была реальностью более плотного мира, и мы опускались в неё, как на дно воздушного океана.

Все попытки оставшегося корпуса помочь нам закончились неудачей. Времени в запасе было немного, а манипулировать им никто не имел права. Армада продолжила движение к намеченной цели, а мы зависли в объятиях столь гостеприимной красавицы.

На орбите был оставлен технический маяк с автономным управлением, на тот случай, если... но его так и не представилось. Как в резиновую тишь, словно горячая игла в масло, мы врезались в плотную атмосферу Геи. Каждый виток спирали приближал нас к ее поверхности, не оставляя надежд подняться.

Внизу появилась поверхность синего цвета, она была изменчива. Плотность её напоминала плотность нашей родной планеты. Впоследствии мы обнаружили, что только эта часть континента аморфна.

Другие материки были плотнее, жестче и горячее. Планета состояла из жидких и твердых частей, которые дрейфовали и постоянно менялись.

На суше радиация, источники которой непонятны нашему восприятию, и мы решаем остаться на жидком континенте, для нас он был тверд и упруг. Суша воспринимается залитой слепящим радиоактивным светом. Слепит безжалостно и сжигает.

Возможно, мы сначала сели на более тонкий дубль Геи. И только потом, по мере адаптации к местным условиям, наши тонкие и прозрачные тела приобрели форму, напоминающую человекоптиц. В этих телах мы и провалились на более плотную Гею-Землю.

Некоторые объемы памяти стерлись во время прохождения пограничных зон. Неожиданно попали в поток кристаллов, которые задавали определённые матричные программы, соответствующие программе планеты. Кристаллы белые, правильной формы. Слепящие в переходах между дублями планеты.

Сам переход стерся в памяти. Сознание запечатлело его как нечто визжащее и скребущее душу, как будто проваливаешься в бесконечный колодец. Летишь в никуда, не надеясь остановиться. В наших человеческих снах и это ощущение многократно прокручивается с различными дополнениями. То это черный бездонный колодец, который тебя затягивает, или крутой берег у синего моря внезапно рушится под ногами, и ты летишь вниз, или просто падаешь с неба. Может, кто-то воспринял этот переход как-то по-другому. Я это помню вот так.

Миновав все переходные зоны, детально уплотнившись, корабль и мы провалились до более плотного тела Геи, того, которое мы сейчас называем Землей.

Чувства подсказывали, что мы попали в преисподнюю. Тесно. Сыро. Жестокая солнечная радиация и гравитация, которая гнет к почве. Первое тысячелетие мы просто выживали, пытаюсь сохранить тела. Спасало то, что на корабле было достаточно технологий, чтобы обеспечить все потребности наших новых тел. Это происходило легко, мы еще не утратили сакральных знаний.

Но никуда не денешься от чувственных эманаций планеты. И тех эмоций, в которых мы находились. Все постоянно менялось, ландшафт и атмосфера. Впадины поднимались и становились равнинами, а затем и холмами. Жидкость заливала впадины, перегоня живых существ с места на место. Это было необычным и впечатляло.

Все это разительно отличалось от нашей эмоционально холодной и неизменчивой планеты.

Наше сознание со временем пропиталось эманациями Геи, и мало-помалу мы стали похожи на людей.

Форма тел менялась, адаптируясь к условиям этого места во вселенной. Знания стали теряться. Новой, меньшей по объему формы тела не хватало, чтобы удержать их в том первоначальном объеме. Из полной картины мира осталась мозаика с множеством дыр. Но и тогда мы еще помнили свое великолепие. И потерю всего этого.

Наши Души еще долго летели вслед за ушедшей армадой и не были согласны со случившимся, а Дух крепко держался за тела, не давая этим душам подняться.

Так, из кучки заблудившихся существ, взяла начало могущественная земная цивилизация. Сколько красивых легенд ходит по устах людей до сих пор! И ни в одной из них нет ни начала, ни конца. Это осколки той разрушенной мозаики, которую все пытаются тщетно собрать. Чтобы вспомнить себя, свой мир, свой путь. Открыть дверь и выйти отсюда.

Кто я? В этом теле из мяса, костей и крови. Душа, пытающаяся вспомнить себя и всех остальных.

Глава 4

Нет, это бред, конечно, бред. Ум, как назойливая муха, жужжит и пытается спрятать это все обратно в беспредельность. Но уже не в силах справиться с этой мощью.

И вот, через несколько дней, ко мне на прием пришла очень милая барышня. Проблема ее мало чем отличалась от проблем сотен других людей, приходивших до нее.

— Хорошо, дорогая, ты готова увидеть истоки своих проблем?

Она, конечно, ответила «да». В глазах появился интерес и надежда на разрешение ситуации.

— Ты готова будешь это принять, даже если будет необычно и страшно?

Она весело ответила «да». Барышня не первый раз приходила ко мне на прием и думала, что все обойдется, как и раньше — хорошо. Энергия пройдет по ее телу и наступит эйфоричное облегчение. Не

прошло и двух минут от начала сеанса, как она с недоверием воскликнула: «Я вижу, я чувствую, я там. Я ощущаю себя кем-то другим! Это так необычно!» Мы наблюдали одинаковую картин — она изнутри, а я — снаружи. Это было поразительно.

Гор смотрел на свои руки. Длинные изящные пальцы перебирали изумрудные четки и черные коготки постукивали по сверкающим граням камней. Они были нанизаны на живую белую нить необъяснимого происхождения, поразительно верткую и обладающую сознанием ящерицы. Когда-то давно это странное существо попало в услужение родовой линии Гора. И вот теперь радостно обвивает запястье хозяина, скользит между пальцев так же, как много тысячелетий назад скользило по пальцам его предков. Тридцать три изумрудины были схожи между собой как капли воды, и неискушенному взгляду конструкция эта казалась единым живым существом, от которого невозможно было оторвать взгляд.

Завороженная этим искрящимся передвижением камней, девушка, стоящая на коленях перед Гором, казалось, забыла о страхе возмездия, сковавшем ее сознание. Ростиком около метра, съезженная фигурка казалась еще меньше размером, безысходность тяжело согнула ее плечи. Но, как ни странно, даже тень раскаяния отсутствовала в ее сердце. В птичьих глазах Гора блеснул гнев, но тут же погас, вытесненный высокомерием. «Как безумно это существо, погребенное в собственной безответственности и ждущее наказания, как великой милости. Я не позволю свой Гнев, дарованный Богами, изливать на это ничтожество». Это были даже не мысли, а ощущение на уровне иллюзии.

Гор отвернулся от коленопреклоненной девушки. Едва шевельнув пальцами, дал понять, что она свободна, может подняться и уходить. Та, не веря своим глазам, оторопело силилась понять, что происходит. Прощение было столь невероятным для нее в этой ситуации, что даже крупницы радости не возникло в ее сердце. Прислужники, подойдя вплотную с обеих сторон, подняли ее под руки и вывели из Венценосного зала, в котором пребывал их правитель. Попытка поставить девушку на ноги не увенчалась успехом, и некоторое время это существо полулежало как бы в забытии. Потом слезы холодными каплями покатались по щекам, срываясь с подбородка, падали на черную землю. До заката она просидела у подножия храма, глядя на закатное полыхание Священного Светила. Затем резко встала на ноги.

— Хвала тебе, Амон-Ра, я в теле и я живая!

Метнула взгляд на вход храма. Страх еще не отпустил ее, но ненависть уже затопила сердце.

— Вы еще проклянете себя за то, что оставили меня в живых.

Плюнув себе под ноги и перешагнув свою тень, уверенно пошла на юг к выходу из города. Ли Кай было ее имя, и была она из рода рептилоидов.

Еще не один раз после этого мне выпадало увидеть общие жизни с ней. И это факт указывал только на одно — что все эти погружения не глюки, а реально происходившие когда-то события. Мы встречали в памяти и других людей, которые теперь живут рядом с нами. Тела их сейчас были другие, но суть осталась такой же. Как много прошло времени, и как мало мы все здесь изменились. Играем в те же самые игры, не доигранные тогда. И правила уже забыли, и цели стерлись. Остались только чувства и ощущение друга или врага, ощущение долга или несправедливости. Силы, конечно, не те, что тогда, но силы эмоций не ослабели, те же претензии, та же самость, та же жажда власти в уме.

— Править, во что бы то ни стало.

Здесь, в нашей действительности, люди, движимые такими эмоциями, практически не осознают своей симпатии или неприязни к бывшему знакомому. Просто: или любят, или ненавидят, объясняя это каждый по-своему. Они не помнят ни его, ни себя, ни отношений, которые их связывали. Однако в следующей жизни, даже неосознанно, отношения выстраиваются по старому сценарию, возвращаясь на круги своя. И снова предатели предают, друзья вам верно служат, а учителя наставляют. Все как и тысячи лет назад. Только костюмчик поменяли — тело. И суть Игры забыли.

Глава 5

Многие существа, живущие на планете, не подозревают о существовании своей великой всеобъемлющей сути. Зацикленность ума на теле дает узость мышления, а в погоне за исполнениями

желаний — алчный ум. Как отстраниться от всего этого и получить хоть капельку понимания о том, что все страсти, бушующие вокруг, — это только иллюзия, великая Майя. Это все результат предыдущих наших жизней, тех нас, более осознающих свой путь и понимающих принципы Великих Игр Богов. Где сегодня наше понимание, в каких слоях сознания оно осталось?

Находясь в физическом теле, в этой одежде из мяса, мы полностью подчинены его прихотям и нуждам. Лелеем и охраняем его, благодаря раздутому и раскормленному Ложному Эго.

— Что это такое и как оно выглядит?

— А как провальная яма без дна и крышки, в которую сколько ни вали, все будет мало. Что бы это ни было. Любая сфера человеческой деятельности: пища, одежда, жилье, власть, почитание, признание. Хочется поспорить, не правда ли?

И сказать: «А мне всего достаточно».

— Да вам просто не дают этим обладать, а ум выстроил конструкцию якобы отказа от всего того, что недоступно, чтобы не испытывать постоянно боль от того, что Вас как существо жестко ограничили в возможностях, способностях, движениях в пространстве. Даже в собственных мыслях. Что, скажете опять, что это не так? А как вы ответите на это?

Детство. Человек маленький, растет и озвучивает все, как видит и есть на самом деле. Видит своих родителей, ругающихся, и громко объявляет: «Мама страшная и злая, папа плохой и тоже очень злой».

Что происходит потом? Они оба оборачиваются к малышу и начинают читать моральный кодекс семьи: «Не смей говорить плохо о родителях», «Не смей о родителях плохо думать».

Что это? Свобода мысли? Это — ложь, лицемерие. Это — принципы надсмотрщиков в тюрьме.

Существо человеческое находится в тюрьме на этой планете, в заключении у собственного Ложного Эго.

Как его распознать в себе? А вот когда возникают помыслы как бы изнутри вашего существа такого порядка:

— Я хочу; мне и только мне; будет так, как Я скажу; только через мой труп; я не позволю быть этому; он будет мой, во что бы то ни стало, и так далее, — перечислять можно до бесконечности.

Но основное, по которому распознаются директивы Ложного Эго: МНЕ, МНЕ, МНЕ, во что бы то ни стало, и опять МНЕ!!!

Глава 6

Теперь эта, человеческая, жизнь потускнела и стала неактуальной. С того момента, как открылась дверь прошлого, к сегодняшнему дню интерес почти пропал. Так все-таки, кто же я?

Погружение, шаг в ту дверь, что за спиной...

На голове Анукет — украшение из перьев в виде венка. Что-то среднее между волосом и пером, длинные нити, как лебяжий пух. Тело легкое, и кажется, дунет ветер, и я смогу взлететь. Но ноги тянет к земле, и полет остается только для души. Понимаю, что необходимость заставляет меня управлять этой колонией. Может, как самую белую и пушистую, а может, потому что другого ничего не умею, как только управлять.

Царица, хозяйка вод Великого Нила, не желает править, но понимает, что это необходимо. Нас много, и мы переселенцы по роковому стечению обстоятельств, не по собственной воле. Беженцы с Марса, гонимые желанием обрести новый дом, похожий на тот, утерянный, прежний. Легкий, воздушный и восприимчивый. Дом, который заботится о тебе, и ты заботишься о нем.

Мы направились с Марса в поисках похожей планеты. К созвездию Лебедя или Ориона, уже трудно точно вспомнить.

Что произошло? Теперь трудно сказать. Ошибка навигаторов, или упущенные сроки, или наше несоответствие по качествам этим планетам. Итог один: мы теперь здесь, на Земле, вместе с темнокожими существами. У них разумность присутствует, но в таких мизерных объемах, что сожитие на равных даже не предполагается. Такая молодая раса, что различия между индивидуумами практически не наблюдается, в основном управляются коллективным разумом, недалеко находятся на ветви развития от неразумных животных. Слишком разные. Они и мы.

У нас нет такой активности, как у них. Нет жадности и зависти, а у землян эти качества проявлены, и если не остановить, то они начинают хватать и съедать всё, что видят. Завоевывать пространство, завоевывать то, что находится в пределах их досягаемости. Они по-животному агрессивны. Тела у них мускулистые, темные. Похоже, что они потеряли духовную память (это так показалось сначала, пока не столкнулись с ними). Всё оказалось намного проще и одновременно сложнее. Как существа, они потеряли много способностей. Чтобы не разжигать конфликт, а он просто был неизбежен, учитывая столь разный уровень развития, приходится править этими существами, пока они поклоняются нам как Богам. У меня проявилась способность находить с ними общий язык, как в буквальном, так и в переносном смысле. И испытываю к ним интерес и какого-то рода сочувствие, как к неразумным детям. Мне хочется пробудить их души, чтобы у них возник интерес не только к пище и выживанию, а к пониманию тех процессов, которые происходят вокруг них. Помочь подняться над животными инстинктами и обрести чувства более тонкие. В мире происходит уравнивание тех процессов, которые соприкасаются. В нашем случае огромная разница потенциалов Кседотской и Земной культур могла дать взлёт последней или падение первой. Мы не можем позволить себе опуститься до их уровня, чтобы прийти к взаимному пониманию. Поэтому необходимо предоставить возможность поднять их ближе к нашему уровню, иначе конфликт неизбежен. На общем совете решили, что я более чем подхожу к посту правления, а остальные будут советниками.

На орбите до сих пор находится маяк, который пытается противостоять сильному притяжению Геи. Оно очень сильное. Мы залипли в нем. Нет, наш корабль не разбился, он притянулся Геей и потерял легкость.

Те, кто стартовал с Кседота после нас, пришли на помощь, но, похоже, и их постигла та же участь. Сила притяжения Земли сродни черной дыре, хватает все, что попадает к ней, это как огромная магнитная ловушка для существ. Оно притягивает как в жидкость, и из нее не подняться. И вот они за пределами орбиты, пытаются помочь, давая советы, но и они, и мы понимаем, что уже не сможем подняться. Мы не можем подняться, и они тянут время, пытаюсь раздвинуть потоки времени, чтобы мы могли выйти. Но они слишком слабы перед Вселенским Временем и так же безрассудно попали в ловушку. У нас очень много знаний, знаний навигаторов. Получилось, что навигаторов заманили в ловушку. Без навигаторов сложно двигаться дальше. И это время, которое они находятся на орбите, используем для передачи всей информации, которой обладаем мы. Все, что есть на корабле, — ресурсы, используя их, передаем все что возможно.

Глава 7

Стоило мне только раз хорошо копнуть, погрузиться и пережить одно из своих воплощений, и двери в прошлые жизни открылись и перестали закрываться. Многие события в этой реальной жизни, которые происходили и казались неразрешимой проблемой, имели начало и корни там, в далеких тысячелетиях. Поначалу это все увлекало и радовало. Мир для меня из плоского, серого и нудного превратился в цветной калейдоскоп с неповторимым рисунком. Решая очередную проблему и через нее попадая в очередное воплощение, попадала в свое прошлое или наблюдала чужое. Внимание полностью уходило туда, а эта реальность становилась призрачной. Иногда возникало опасение сойти с ума. Пыталась поделиться опасениями, рассказать тем, кто сможет понять меня и что-то посоветовать. Они утешили, поулыбавшись, — ты не сойдешь с ума. У тебя достаточно здравого смысла чтобы разобраться во всем этом. Так оно и вышло. Но всё-таки около года я танцевала на лезвии безумия. Многие друзья и знакомые от меня отшатнулись, предполагая, что крыша моя съедет совсем. И я перестану быть им полезной.

Все оно, конечно, к лучшему. Изменился круг общения. Они отпустили меня из своей жизни, я — их, и жизнь моя началась как бы с нуля. И я всё более утверждалась, что те потрясения, с которыми я столкнулась в этой реальности, на самом деле оказались отголосками тех давно прожитых жизней. Давно в Агни-Йоге я прочитала, что не следует часто заглядывать в колодец прошлых жизней, в нем легко можно завязнуть. Это для неопытного сталкера так и есть. Прожитое событие в прошлом гораздо интересней и масштабней моей здешней серой мышьиной жизни. Даже страшные катастрофы, жизненные и пространственные, дают такое большое наслаждение, что невозможно это забыть. И хочется возвращаться туда вновь и вновь. По сравнению с ними удачи в этой жизни подобны засохшим

цветам, потерявшим и запах, и вид. Спонтанно, можно сказать, по принуждению открывая двери в прошлое, я не знала, что тут жизнь изменится непредсказуемо. Скажи мне кто тогда, что все мои установки и ценности канут, я все равно пошла бы на это. Понять себя как существо — единственная цель.

Прыгать в прошлое — это как смотреть кино, полное страстей, с полным эффектом присутствия и практически безопасное для здоровья. На первый взгляд, казалось, что совершенно безопасное и для жизни. Как тонкий наркотик, оно затягивает в глубину прошлого, переводя человека из жизни в сон. Да, это сродни сновидению, только оно уводит вас не на планы настоящего времени, а толкает в небытие. Небытие — то, чего уже нет в настоящем, но то, которое продолжается где-то в вечности, отражаясь бесконечными повторениями в каждом уголке бескрайней Вселенной. Как круги по воде, волны жизней докатываются до другого берега совсем незаметными проявлениями. Но стоит настроиться на эту волну, и она вновь оживает, наделенная вашей свежей энергией. Они оживают и принимают устойчивые очертания, и вот вы начинаете вспоминать и узнавать тех, кто рядом с вами уже не один десяток жизней подряд. Из тонких бессознательных влияний эти волны преобразуются в весьма внушительную силу, становясь более навязчивыми и реальными.

Многие люди страдают в больничках от натиска этих волн, не в состоянии понять, что же на них обрушилось. Реальность плывет и меняется, они не понимают, кто они сейчас и где находятся, потерявшиеся среди своих бесчисленных воплощений. Ум поддерживает устойчивую настройку на эту человеческую реальность, и для многих потерять ее становится смертельно опасно. Они просто не просыпаются утром. Родственникам остается только закопать оставленное на распад тело. Физическое тело не может поддерживать свою целостную организацию без Духа, оплодотворенного Душой. Где блудит потом этот Дух, в каких измерениях нашего бесконечного мироздания? Этот вопрос для оставшихся здесь родных и близких остается безответным навсегда. Только при встрече где-нибудь в последующем воплощении с бывшим другом у вас появляется шанс поговорить об этом, но и то не всегда, память его может быть утеряна. Не всегда мы помним и не всегда хотим помнить. В одной-то этой жизни часто слышишь: «Забудь обо мне и никогда больше не вспоминай! Я не хочу тебя видеть и знать!» И судьба выполняет этот заказ.

Глава 8

Реальность — она всегда подтверждает себя! Живое и настоящее выныривает из небытия и заявляет о себе. Как бы в веках ни искажали историю, находятся личности, которые одержимы идеей докопаться до истины. Или хотя бы приблизиться к ней. Совершенно случайно встречаю человека, который независимо от моих исследований вспомнил Великий Исход с Кседота (Марса). Не просто, конечно, он вот так взял и вспомнил. Ему потребовались годы работы со своим сознанием, привычками, эгоизмом... и многое, многое другое. И самое интересное, что наши воспоминания похожи в основе своей.

Отчет конструктора

Не хочется мне это вспоминать, ох как не хочется и по-человечески, и душой своей. Великое это было поражение и цена за это огромная. Поражение моей самости в своей сути. Мы до самого последнего момента пытались восстановить атмосферу на Марсе, залатывая дыры в пространстве. Но усилия были тщетны, хотя знаний и дерзости нам было не занимать. Остались в основном инженеры, конструкторы пространства и генетики. Однако наши знания перед беспощадным временем оказались ничем.

Уходили мы, оставляя уже почти пустую планету. Лишь некоторые решили остаться и умереть на ней. Это был их выбор — остаться навсегда на любимом Марсе. Гордость, что продержались на безжизненной планете так долго, переполняла нас. Чувство всемогущества исходило из сердца. Меняя русла рек, прорывая многочисленные каналы и управляя бурями, мы чувствовали себя богами. Не получилось восстановить атмосферу, но ведь это не наша вина, это трусы и паникеры сбежали и

бросили нашу планету умирать. Если б все остались, мы бы смогли спасти свою обитель и жизнь на ней в ее чистоте. Теперь и нам пришлось уходить.

Соседняя Гея выглядела довольно невинно из космоса. Но с ее орбиты непрерывно поступал сигнал предупреждения об опасности. Видимо, паникеры оставили свой маяк отпугивать всех, не посвященных в их планы. Сигнал содержал предупреждение о ловушке на этой планете. О том, что главный архивный корабль попал в поле притяжения планеты и не смог по неизвестным обстоятельствам выбраться оттуда. Нам было все равно в нашем безумном бахвальстве. Чтобы доказать свою правоту, мы почти единогласно решили спуститься на Гею и вызволить этих неумех и слюнтяев из этой якобы ловушки. Нас вел не разум, а фанатизм. Марс был для нас все! И оставлять его было преступлением. Духовная интеллигенция в нашей партии ликовала от счастья. Остаться на соседней с Марсом планете — что может быть лучше?! Продолжить служение ему с Геи. Тот же фанатизм. Та же слепая преданность и игнорирование ситуации, изменившейся необратимо. Зачем лететь так далеко, когда рядом есть пригодная для жизни планета.

Только потом мы поняли, что эта планета не была предназначена для нас. Еще на Марсе, имея птичьи тела, мы перестали летать. На Гее же было сложно просто передвигаться. Сила тяжести для наших неприспособленных для этого тел стала каждодневной пыткой. Сама гравитация могла стать бескровным орудием убийства. Достаточно было просто положить тяжелые камни на ноги приговоренного к смерти и затем лишь ждать, когда трубчатые кости начнут переламываться под весом земных камней.

Мы не нашли потомков экипажа архивного корабля, и даже следов их пребывания. Хотя сорок тысяч лет, разделявшие пропажу того корабля и наш исход с Марса, были небольшим сроком. Мы могли продлевать свою продолжительность жизни, и потомки того экипажа были вполне способны дожить до нашего прилета. Видимо, они решили оставить марсианские тела и ассимилироваться с человеческим видом.

Каждая новая ночь на Гее-Земле посвящалась служению и ритуальному прощанию с Марсом. В религиозном экстазе наша скорбь только увеличивалась. Все мысли направлялись одному — служению родной планете и мечтам о ее возрождении. Однако никакая страсть и помпезность обрядов не могла вернуть утерянную планету. Убраться с Земли тоже не удалось, и скорбь от потери Марса омрачилась поражением перед силой Земли. Ей нужна была новая кровь для подъема своей цивилизации. Предыдущая раса ушла под воду из-за своих беззаконий. За колдовство их лишили разума, и планета погрузилась в невежество, сравнимое с адом. Атланты осквернили звание человека и были вынуждены оставить свой приют на Земле. Осталась лишь небольшая популяция, разбросанная по всем уголкам Земли и наделенная огромными обезьяноподобными телами. Они сумели сохранить некоторые свои сиддхи, но возродить свой род им уже было не суждено. Люди стали постепенно вытеснять их с удобных для жизни территорий. Они вынуждены были уходить все дальше и дальше от мест обитания растущего человечества. Боги лишили их плодовитости, поэтому любая стычка с людьми приносила им невосполнимые потери. Несмотря на остаточные телепатические способности и возможность влиять на волю отдельного человека, им трудно было взять под контроль большую группу людей. Возможно, последние потомки этих деградировавших атлантов сумели дожить до наших дней. Возможно, их люди называют йети.

Нашим предназначением, по замыслу Духа планеты, стало быстрое возрождение следующего поколения сынов Геи и подъем их цивилизации на новую высоту. Но мы были замкнуты в своей фанатичной преданности Марсу и не хотели ассимилироваться с людьми. Тогда нас постигло вырождение. Наши женщины стали меньше нести яиц. Новые птенцы рождались все меньшего роста, их интеллект становился слабее. Когда численность нашей расы сократилась до критической, всем стало понятно, что остался только один выход — войти в тела человеческие и развивать цивилизацию в человеческом виде. Однако наше пренебрежение к людским телам быстро сменилось приятным удивлением. Производство потомства у людей, то бишь секс, намного превосходило своей чувственностью наши прежние ощущения. Находиться в человеческом облике было довольно приятно. Сила человеческого тела, его выносливость и приспособленность к условиям Земли открывали новые перспективы. После тысячелетий нахождения в мучительном состоянии борьбы марсианской птицы с гравитацией тяжелой планеты наконец-то наступило отдохновение. В итоге мы вышли из своих

скальных убежищ и дали знание людям, отдали свой хлеб им. Так в Египет вошел первый Фараон (тот, кто не кланяясь смотрит вперед).

Структура нашего общества представляла клановую модель. Ее мы и перенесли на человеческий социум. Правление было основано на принципе сменяемого служения обществу. Сменяемость осуществлялась в каждом цикле по установленной очередности. Перед окончательным входом в человеческие тела на совете кланов Верховные жрецы решили сохранить установленную очередность. Каждый клан определял самостоятельно своего представителя на трон. Правящий клан оставался на земле. Следующие в очередности кланы исполняли роль жрецов и прочих управляющих органов власти. Отошедшие от власти уходили на эфирный дубль Земли и обеспечивали поддержку сверху, строя небесный Египет. Все следы пребывания марсианских тел на поверхности Земли было решено уничтожить, чтобы поддержать легенду у нарождающейся цивилизации о божественном происхождении правителей-фараонов.

Так продолжалось пять тысяч лет. Люди постепенно обретали наши качества и знания, а мы, как ни прискорбно, ассимилировали их качества и образ мышления. Править стало также приятно, как и находиться в телах людей.

Конец благословенному правлению наступил, когда клан Кроноса отказался принимать смену и передавать трон следующему клану Грога. Небесный Египет также раскололся. Горг — старейшина кланов на тот период в небесном Египте — также отказался от передачи власти. Его стало заботить сохранение власти не только на Небе, но и на Земле. План был достаточно прост: отдать трон на земле людям и добиться от них полного повиновения своей воле. Люди его также предали и стали править сами. Потом пришли римляне и рассеяли по земле последних из нас.

Переворот в Небесном Египте совпал с моим пребыванием на троне в роли Тутмоса третьего. После мумификации тела мне не суждено было попасть на Небо. Мой клан там уже истребили, и мне, как духу, пришлось скитаться в поисках тела. Выбрав небогатую семью, я родился мальчиком. Первый ребенок в семье имел право на духовное служение. Когда немного подрос, я упросил отдать меня в школу жрецов. Что они и сделали в соответствии со своей верой. Семья в этом случае получала религиозное благословение и могла рассчитывать на рост благосостояния, дарованный богами за жертву первого сына.

Достигнув семнадцати лет, я все еще пребывал в роли послушника и старался ничем не выдавать своей марсианской принадлежности. Волею случая в одну из ночей я стал свидетелем обсуждения заговора против главного жреца. Неосторожный шорох выдал мое местопребывание за колонной, и я был схвачен охраной храма. Дальше было две недели пыток. Убивать меня по каким-то причинам не стали, а постарались стереть память о той ночи. Когда стало понятно, что я даже имени своего не могу вспомнить, мне выжгли рабское клеймо на лбу и бессознательно выбросили ночью на большую дорогу. Первый же торговец, ехавший на рынок, подобрал мое тело.

Рассвет я встретил в скрипучей повозке. Помню его радостное лицо с редкими гнилыми зубами во рту. Торговец широко улыбался. Я силился и не мог понять, что его так радует. Дошло до меня это, когда он выставил меня на продажу. Купил меня какой-то финикиец. Много раз меня потом перепродавали. Ближе к тридцати годам я вместе с другими рабами прибыл в Грецию. Там меня купил один богатый человек.

У него была молодая жена, а я был достаточно безобразен от многочисленных побоев. Он дешево купил надежного слугу для дома.

Ксанф считал себя философом. Но все знали его как болтуна. За годы, проведенные в рабстве, я постепенно вспомнил то, чему меня учили в школе жрецов. Меня часто выручала та иносказательная мудрость, которой пользовались жрецы в общении с народом. Вот и теперь в доме у Ксанфа я позволял себе исподволь отпускать короткие реплики по тем или иным вопросам. Жена Ксанфа была хоть и молодой, но очень умной женщиной. Чувствуя мой ум, она прониклась симпатией ко мне и стала проявлять заботу обо мне. Ксанф тоже быстро уловил выгоду для себя в общении со мной. Он стал цитировать мои высказывания среди друзей, чем вызвал их недоумение. Вскоре, конечно, они прознали, где Ксанф берет свою мудрость. Кроме того, что Ксанф был весьма недалеким человеком, он еще любил прихвастнуть в обществе. Еще он умудрялся каждый раз ставить деньги на свои глупые пари. Другам было весело подтрунивать над Ксанфом, а на выигранные деньги они могли хорошо погулять.

Однажды, после изрядного возлияния, речь зашла о том, кто сколько может выпить. Ксанф не мог устоять перед искушением вступить в спор и начал всех уверять, что может выпить хоть море вина.

Находчивый Перикл, который и начал этот спор, не замедлил подсунуть пергамент Ксанфу для расписки. Ксанф был уже настолько пьян, что не смог даже дописать последнего слова. На радость Перикла, заявление Ксанфа оказалось совершенно невыполнимым.

На следующий день у дома Ксанфа собралась целая толпа народа в ожидании очередного представления. Весть о невыполнимом обязательстве облетела всю округу. Публика пришла потешиться над незадачливым Ксанфом. Когда Перикл вошел в дом и предъявил расписку, Ксанф выпучил глаза от удивления. Его рукой было записано заявление, что он обязуется выпить море. Про вино слов не было.

Эта была не первая ситуация, когда он просил меня помочь ему выкрутиться из подобных проблем, и однажды я сторговал у него за это вольную. Однако Ксанф все тянул с этим и не хотел меня отпускать.

В это время возбуждение снаружи у дома нарастало. Перикл ходил и потрясал пергаментом. Сумма была немалая — тридцать динариев. В итоге я дал спасительный ответ Ксанфу, за что на этот раз получил вольную.

Город мне этот нравился, и я решил осесть на окраине неподалеку от виноградников. Я остался доживать свою старость в этом месте, а люди стали приводить ко мне своих детей на обучение. После этой жизни я вовсе перестал грезить и о Египте, и о Марсе, как о несбыточной мечте.

Глава 9

Очень красива эта жестокая планета, конечно, по нашим меркам. И существа, населяющие ее, жестокие, они пытаются убивать все, что им непонятно или наводит страх. Они управляются эгоистичными полубогами с их же согласия, отдали им свою волю. С содроганием наблюдаем, как эти существа продолжают убивать свой рассудок, свой разум, погружаясь в животное состояние. Тела их со временем становятся плотнее и плотнее, некогда легкие и послушные, превращаются в твердые и ленивые. Мир крови, мир убийств.

Уже давно наши армады ушли. А с орбиты ещё много лет передается информация, та, что поможет этой горстке потерянных адаптироваться, приспособиться и выжить. Приходится править людьми, чтобы они не вмешивали своих богов в разборки, их интерес надо перенаправить в другое русло.

Строить иллюзии насчет изменения людей, наверное, глупо. Вот они, стиснутые рамками программы, какие это люди? Животные, обладающие речью! Они так много хотят, вырывают друг у друга золото, камушки, пищу. Так много обращают внимания на мелочи и не видят себя самих. Это бесполезное занятие, они будут такими, какие есть, и наше правление и наше вмешательство только отодвигает то море крови, которое грядет в человеческом мире. Мы приложили все возможные усилия для передачи нашей культуры, потому что нам было некуда деваться. И здесь мы будем строить то, что строили там, откуда ушли. Срок нашего проживания на Марсе закончился, планета стала гаснуть, и холод сковал ее недра. И мы ушли. Теперь вот Гея, живая, как океан, с непокорным, переменчивым характером, дающая приют таким различным по своей сути существам. Ее атмосфера — как океан. Для нас она такая же плотная, как для людей вода, вязнешь в ней, телом, мыслями, намерением. Гея, планета-сновидица. Она легкая снаружи, вязкая и липкая изнутри.

Тяжело двигаться в жидкости, она, как плотный ветер, сбивает с пути.

Какое наследие, какие поступки, и снисхождение по спирали человечества, и атомные бомбы. Кто-то дальновидный предлагает уничтожить их всех, как деградирующих существ и вернуть их к своему духу, пока еще не поздно. Спустя время линии пространства сильно перепутаются, и вернуться к себе они смогут только с огромным усилием. И уже сейчас они привязаны к этим телам из мяса и костей, отождествляют себя с ними, а Боги помогают им в этом, привязывают, выдавливая с Небесного Плана, вдавливают в тела.

Много внимания и сил уходит на погашение конфликтов, которые люди не устают создавать. Понятно, им они необходимы для развития, а нам это все уже становится опасно.

Совет старейшин предлагает кардинальное решение.

Песчаная Буря продолжительностью несколько суток, чтобы тела задохнулись, и это будет выглядеть как естественная планетарная катастрофа. Они считают, что всё происходящее здесь, дает созревание идейной катастрофы, именно здесь расположен рассадник духовной и душевной заразы.

— Это нужно сделать, — большинство из Совета считает такое решение наиболее целесообразным. Но я не могу подчинить свои чувства, душу научным выкладкам и расчётам. Есть какой-то необъяснимый интерес к этому человеку. Можем же мы, не уничтожая их, построить такое гармоничное общество, что со временем их мышление и навыки просто сотрутся и сольются с нашими. Человечество тогда превратится в великую расу. Я вижу нашу мощь, нашу силу, знания, а с другой стороны — их активность. Есть причина, по которой, я считаю, мы не имеем права вмешиваться в судьбу молодой расы. Потом я, наверно, пожалею и подумаю, что это надо было сделать. Но, вероятно, под влиянием личного интереса и своих заблуждений. Мнения разделились. Трое требуют уничтожения людских тел, и нас двое, придерживающихся другого мнения. И это требование, их решение на ментальном плане уже начинает уничтожать людей в реальности.

Идет мор. И люди в панике. Я при этом присутствую, наблюдаю, я чувствую их боль. Мрут все, без разбора, без видимой причины. Недавно совершенно целые и здоровые тела просто падают и иссыхают. Они боятся, цепляются и взывают к своим богам, и Боги приходят на помощь, заграждая от ментальной программы уничтожения, восстанавливая их тела из сухих мумий.

И теперь они бегут ко мне за защитой.

— Царица, царица. Защити. Нэф!

Это мое имя. Я в птичьем обличи.

В глазах неистовая мольба. Глядя на них, я понимаю: «Да, это их выбор, довести все до абсурда, до войны планетарной». Они молодая раса и им надо все это пройти. И я не имею права уничтожать то, что предначертано. Я настаиваю перед Советом на решении отойти на позиции наблюдателей. Настаиваю. И беру ответственность на себя, хотя понимаю, что это для нас гибель. Это потеря связи с теми, кто ушел, и кто еще на орбите.

Последние корабли срываются с орбиты Марса и уходят в бесконечный поиск своего дома. А мы уже здесь на Гее, прибыли и нашли свое пристанище, хотя и не по своей воле. Теперь это наш дом, и мы в ответе за свои действия, мысли, воплощенные идеи и поступки.

На Марсе остается один корабль, и сколько времени он там продержится? Остаться — это гибель. У каждого свое время, свои знания. А это молодая, только что оформившаяся раса. Мы в своё время пошли по пути мудрости. А они выбрали путь деградации. Эта раса, наверно, наше отражение, наш антипод. И не просто так притянула нас эта планета. Есть в этом какой-то глубинный смысл. И я решаю, что пусть будет то, что будет. И наши поселенцы принимают решение рассеяться по всей планете. На месте падения остались немногие. Остались советники, остался принц. Теперь предстоит долгая работа. Закон принимают такой, что поможет выжить и не деградировать. Знания, которые начинаем забывать, надо записать на долговременных носителях. На камнях, металле и на матричных носителях. До какой степени деградации дойдём, ещё не известно, а выходить из цепи перерождений необходимо, и это невозможно без точных знаний. В корабле осталось много исправной техники, которая способна работать тут, лазерные установки, которые выжигают на камнях любой узор, программные анализаторы, активаторы погоды.

Если невозможно удержать от гибели, то можно помочь пройти с меньшими потерями, можно помочь сохранить Дух. И устанавливаем пирамиды, такие, как на Марсе, в тех местах, где скрыто много энергии, чтобы они, люди, раньше времени не взорвали эту планету. И каждый входящий в пирамиду будет помечен, и будет ходить с этим знаком. И сделаем усыпальницу, люди боятся мертвых тел. У них есть такие предрассудки.

Пока у нас есть возможность строить, будем строить памятники себе. Чтобы, однажды проснувшись, вспомнить все. Вызовем песчаную бурю, чтоб не было видно, как это делается, созовем множество людей в каменоломню, сделаем много ненужного, чтобы ввести в заблуждение особо дотошливых.

Создаем песчаную бурю и уплотняем в камень поднятый песок с помощью установок. Там, где должна быть пирамида, образуется смерч, который ненадолго зависает воронкой над выбранным местом, затем плавно спускается, образуя чашу из крутящегося песка. Песок уплотняется в камни и образуется пирамида. Послойно. Надо много песка и нужны еще песчаные площадки. А людям внушаем, что они прилагали невероятные усилия для добывания каменных блоков. Транспортировали их от мест разработки до строительной площадки. Так легенда уходит в века.

Прошло немного времени с начала моего правления, сотни сотен, а может быть, тысячи лет. На течение времени не обращаешь внимания, когда его много, и не происходит потери памяти при смене тел. Много менялось. Тело уплотнилось, уменьшилось, стало более жестким и дерзким. И привычки изменились. Я уже привыкаю к этому миру, он уже не кажется чужим и жестким. От гравитации только тяжело, обувь не спасает, постоянно болят ноги.

Тело уменьшилось и уже не так выделяется среди людей. И лицо стало приобретать человеческую форму. Ох, какие страшные черты у человеческих лиц.

Теперь выстроены дворцы с высокими потолками и просторными залами. Есть где укрыться от палящего светила, нависшего над Геей. В жилищах можно расправить крылья и просушить кожу, которая прет под сложенными крыльями. И такие длинные, длинные дни, сутки, месяцы.

Солнце, солнце, солнце. Перья сохнут в этой атмосфере, истончаются, становятся хрупкими. Некоторые из наших переселенцев начинают болеть, и помочь им не в силах никто, даже человеческие боги.

Прохлада поддерживает нашу жизненную энергию. Солнце слишком жгучее для наших тел, оно для грубой человеческой конструкции. И наши тела уплотняются под палящими лучами Солнца. Мы решаем, что кто-то будет договариваться с этим существом о том, что бы оно пекло не так, не так давило на Землю своей энергией. Оно давит.

Жрецы вступают с ним в контакт и просят его иногда переходить и дольше задерживаться на теневой Земле. Там прохладно, но там еще и сыро. Те из наших поселенцев, кто уходили туда, погибли, сгнили заживо. Там тело начинает гнить. Наши тела, заболевая, отказываются служить нам.

Соол! Солнце! Оно не может так быстро переместиться и измениться. Это необходимое давление его лучей для расы людей. По договору с Богами, оно держит людей около земли и стирает им память. И невозможно изменить договор с расой людей.

Насколько возможно, Оно пошло на уступку, единственно возможную. На Теневой стороне задерживаться немного дольше, чем обычно.

И новая напасть. Лед стал таять. Тают льды, меняя ландшафт планеты.

Мы не можем уйти из тел, не осуществив свое намерение. Построение новой цивилизации.

Память усыхает, и тело меняется, восприятие скудеет.

Теперь я женщина с маленькими крыльями, которые прячу под одеждой, где они не так усыхают, под цветной, блестящей одеждой. Тот же трон мне стал велик. Да, тело стало меньше, а забот намного больше. Намного больше. Надо удержать хозяйство в благодати. Возродить искусство. И зерно. Земледелие. Научить людей выращивать зерно. Поскольку это чистая пища.

Мы смирились с тем, что вот эта планета и стала нашим домом, что прикованы теперь к ней цепями кармы. И здесь наши тела стали пленом для Души и Духа. И стало понятно, что очень долго будем вырождаться, а затем возрождаться на этой планете. Оказались крепко привязаны к ней. Души привязаны цепями к прожитым тысячелетиям. И насколько это возможно, насколько у нас хватает времени, пытаемся облагородить ее, распространяем знания, где только позволяют нам возможности. Растения, камни и воздух. Чтобы человечество дышало знаниями и видело их. Знания, которые будут будоражить умы, которые будут мешать им жить по-скотски. Которые будут звать высоко в небо. Мы сделаем это местом силы, местом воскрешения памяти, и всяк приходящий будет вспоминать себя. И мы, пройдя сквозь тысячелетия, придя сюда, вспомним себя и не сможем больше уподобляться скоту. И каждый раз, радуясь, будем видеть это, и будем вспоминать себя, вспоминать свои истоки. Вспоминать, откуда пришли, и помнить путь, куда ушли наши сородичи. Этот путь всегда будет в нашем сердце, и он всегда будет звать нас. Глядя на небо, мы будем видеть мерцающие точки, называемые звёздами. И они откроют в памяти те каналы, благодаря которым мы когда-нибудь всё вспомним. И когда вся Земля проснется, и сбросит нас, и цепи расплавятся, мы найдем себя. И позовем с собой тех, кто к этому времени будет пламенеть в духе.

Как только удастся полностью вспомнить, тогда освободимся от пут земных воплощений. И мы сорвемся с ментальной орбиты Земли и уйдем. Я знаю, это случится. Будет не очень просто всем вспомнить себя. Я делаю все, что в моих силах. Собрав силы и намерение, оставлю Память, остановлю ее от падения. Распылю по времени так, чтобы не было возможности стереть и была возможность все восстановить. Зоркое пространственное око будет следить за этим. Глаз. Глаз Гора. Гор это сделает. Он

освободит в своём сердце канал передачи памяти по временным промежуткам. Он освободит канал для ума и сердца. Люди вспомнят и придут к нам. И у них есть два выхода: или идти по пути войны, все разрушая на своем пути, или по пути воспоминания того, что помним и знаем о себе.

Это теперь моя Земля — мое царство, я полностью отвечаю за то, что делаю. Все получится. Снова похороню свое живое тело, и буду делать это много раз. Чтобы болевой заряд этих воспоминаний будил мою душу и память возвращалась ко мне при следующем новом рождении. А там, во временном пространстве, есть еще другое царство, то, которое помню, — верхний Египет. Наши души, покинув плотный мир, направились туда. Лучшие. Вспоминая себя, открыли верхнее пространство, поместив в него сознание. Раз невозможно было подняться с Земли, то воспарили в верхние слои. Мы всегда есть там. Многомерны и бесконечны склады памяти. И я есть там. В верхнем и нижнем. И пока есть соединение их, люди-птицы будут жить этими иллюзиями, будут туда восходить.

Много тысячелетий удерживается соединение между этими царствами. Как бы человеческие Боги ни бесились, как бы ни хотели захватить власть, им это не позволено, так как это истинное царство. В свитках времени хронокопировано всё: что, где, когда, кто и для чего! Потому что знаю, где предстоит встреча, и надо только собрать всех, кто вступил на эту Землю в птичьем облики. Необходимо им вспомнить себя, так как тут их души, энергия, их сознание. Им нужно поднять себя с Земли. Уходить из плотных слоев, подниматься из грязи, вспоминать свои крылья. Я вижу их высоко, в полёте.

И когда смотрите на птицу, помните: всё, что вам необходимо, записано в ваших сердцах, и направление, и ваш путь! И только тяжесть сознания приковывает ваши тела, приковывает вас к почве, к пище, к кармическим связям, в которых вы запутались.

Вы можете облегчить свой путь. И возможность двигаться по пути всегда при вас. Он у каждого есть.

Нам нужна только наша суть, только те, кто пришли в том исходе, чужого не надо, оно просто станет лишним грузом. Имея в запасе время, мы сделали все для этого возвратного прихода. Информационных сообщений на Земле достаточно: в записях, рисунках, на камнях, легендах и в сновидениях.

Теперь надо проснуться, всего лишь проснуться, открыв изначально сердце своё, а глаза откроются сами собой. Уже пора. Тяжело удерживать эту связь. Посторонитесь, противостоящие. Устала я вас уговаривать отойти и не мешать выходу из этой обители страданий. Надо соединиться с собой, а не вырывать куски из того, что сегодня кажется вкусным. *Иначе пропустите свои сроки, и тогда прохода уже не будет, вы не сможете так быстро подняться.*

Глава 10

Замерзшая вода упала с неба
И стала мягким снегом
И прикрыла ковер умерших листьев.
Ветер, не узнав меня,
Плюнул мне в лицо...

Сон, нескончаемый сон. Как шуршащая стена из бумаги, скрученная медная труба, плевков ветра в лицо и холод.

Ты, Ветер, ты слоняешься по планете миллионы лет.

Я знаю тебя. Помнишь, мы встречались с тобой у большого каньона, ты развеял мой прах. Мое тело тогда сожгли. Душа моя, оторванная тобою от земли, вопила от страданий и злобы, а ты пел о том, как бескрайна пустыня и холодны закаты. Я желала возмездия и выла от бессилия, а ты пел и свирепел от сознания своего могущества. Ты поддерживал меня, мой дух, мы были оба бестелесны, только это для меня было мукой и сожалением, а для тебя — свобода и мощь. Ты не понимал моей боли, но сострадал, закручивая бестелесное сознание на качелях смерча. Я обвиняла тебя в том, что ты раздувал огонь моего костра, а ты не понимал моей печали. Огонь, огонь, восклицал ты с восторгом!

Сколько я скиталась с тобой по планете?

Вчера выпал снег, я вышла на улицу, ты узнал меня и плюнул снегом мне в лицо.

Как не сойти с ума от этого? Много есть теорий о том, где и как записана вся информация не только о человеческой цивилизации, а вообще обо всём. Но всё это кажется бредом, пока сам не прикоснёшься ко всему этому и оно не станет таким же реальным, как повышение квартплаты. И погружение в прошлые жизни ни для кого не проходит бесследно: если ваша этика «хромает», то, погрузившись в одно из своих воплощений и не умея контролировать свой ум, вы обеспечиваете себе множество проблем. Необходимо сначала тут, в этой иллюзии, научиться прощать, различать, где ум, а где чувства. А ещё научиться различать чувства и эмоции — это не одно и то же!!! И многому, многому другому, чтобы не навредить, в первую очередь себе.

Опять знакомый до боли холод изнутри. Под его силой пальцы скрючиваются, цепенеет душа, цепенеет тело. Заморозили. Мало того, что не первый раз в теле застряла не по своей воле. Теперь ещё не совсем понятно где нахожусь. В каком времени, каком измерении? Мои красивые белые крылья, они покрыты инеем и ограничены пространством этой золотой коробки. Не расправить во весь размах, не поднять лицо к небу, не затрубить во всю силу. Воля, где ты моя, потерянная! Для чего все эти сложные перипетии судьбы? Как-то так дико, привычка у кого-то странная — живую и в саркофаг. Надо разобраться с причиной и что за всем этим кроется. И саркофаг отлили по форме замороженного тела. Как это было? На ментальный вопрос пришёл моментальный ответ: голографиком на дисплее моего ума. Цифровая матрица, вводят координаты. Шлеп — и форма готова. Камеру наполняют газом. Фреон.

Изморозь на перьях. В теле воды мало, потому-то оно живое осталось.

Пытаюсь хоть чуточку осознать произошедшее, но все опять неожиданно и непонятно. Чувствую, как стягиваются покровы тела, все съеживается, натягивается, и опять надоевшая боль. Очень холодно. Эта жидкость в бассейне поддерживает вечный холод.

Саркофаг плавает в этой жидкости, и надо же, какие шутки судьбы: внутри опять моё тело. Здорово придумали! Похоже, я в этом бассейне очень много времени мотаюсь из безумия в беспомыслие. Если тут зависла какая-то моя часть, то где-то меня нет? А где?

Переношу фокус восприятия на расстояние, чтобы поточнее определить своё местоположение. Над всем этим холодильным сооружением купол, сферический, вытянутый вверх. Из центра сферы по всей окружности свисают мягкие ребристые выступы. Они волнисты и наполнены переливчатым светом, с них стекает хрустальный звук, как с сосулечек, капая в моё сознание. Силой этого звука и удерживаюсь я в неподвижности и беспомыслии. Светло. Голографическая цветовая мозаика, навязанные умело узоры уведут опять моё внимание от обнаруженной проблемы. Тут надо решать очередную головоломку, а взор зацепился за узорную вязь, и чувства поплыли в цветистую многомерную иллюзию. Ниоткуда голографиком появилась многоконечная звезда, своей навязчивой пульсацией отбивая моё намерение понимать происходящее и произошедшее.

Рывком возвращаю себя в то место, где плавает в холоде золотой саркофаг. Свет от круглых светильников словно поглощается той странной, на мой взгляд, жидкостью в бассейне. Она темна, блестяща и непрозрачна. А ещё она лишена каких-либо эмоций, вот она есть — и вроде её нет. Ослабляю привязанность к телу, что-то похожее на круто скрученные энергетические жгуты, и перемещаюсь в то место, откуда можно понять всю картину произошедшего со мной казуса детальней и полнее.

Шахта, в которой сооружен купол, расположена в горе, вниз от ее подножия. Это очень глубоко, и порода не вырыта, а просто выдавлена в обе стороны: вверх и вниз. Вверху образовалась гора, а внизу, под шахтой, грунт невероятно сжат до хрупкой плотности металла. Кажется, что, убери напряжение, которое породило эту конструкцию, и сжатая порода, как пружина, подпрыгнет вверх.

Змея, закрутившись кольцами над долиной подле горы, караулит вход в нее. И соответственно охраняет это тело. Большая, воздушная, парит в пространстве, своим призрачным телом наполнив воздух долины. Всякий, кто приближается к этому месту, оказывается в ее владении, попадая под истечение тонких гипнотических эманаций. Даже тот, кто имеет сведения о якобы сокровищах, скрытых в недрах горы, попадая под воздействие этого стража, забывает о том, для чего пришел сюда. Чтобы обнаружить присутствие Змея, необходимо обладать духовным видением, а пройти, минуя преграды, возможно только для того, кто обладает мощным неумным намерением. Там мое тело. И здесь, на Земле, и в этом десятом по счету сновидении.

В сознание врывается сообщение, никак не связанное, как мне кажется, с моей темой. Но оставлю его, не стану стирать в памяти. «Пирамида Хеопса, там, на диске, есть информация в восточном углу.

Анды. Шестьсот метров глубина. Пиренеи. Северо-юг. Раскол. Юг северный». Что за бред? Может, просто пространственно-информационные помехи. Или переводят мое внимание на откровенную чушь.

Уже с дерзостью прыгаю обратно и открываю перетоки памяти. Как там оказалось тело, я пока не могу вспомнить, для этого необходимо собрать свое рассеянное внимание в единый пучок. Но те, кто устроил все это, знали свое дело.

Внимание вытягивается из пространства медленно, нитка по нитке. Для начала подетально воссоздаю картину обстановки в том месте, где плавает саркофаг с моим телом. Фокусировку сбивает Змей, в его функцию входит наблюдение за моими попытками вспомнить себя и разрушить их. Создается волновая радиация, которая искажает параметры пространства и незаметно сбивает настройку внимания. Волновая радиация, как ее миновать? И где ее источник? Запрос послан, и теперь надо позволить ответу проявиться без искажений. Освобождаю свой ум от мелькания обрывочных воспоминаний, опустошаю его, жду.

Появился пространственный тоннель, отодвинув помехи за свой предел. Мгновенно эфир очистился и проявился источник радиационных волн. Голографическая, многомерная многоконечная Звезда, разноцветная, пульсирующая в четко заданном ритме. Следующая задача — пройти сквозь пульсар и выйти на настоящий источник, то есть к создателю данного пульсара. Сосредоточившись всем вниманием, которое на этот момент есть у меня в наличии, кидаюсь в источник жесткой временной и пространственной матрицы. Белое жесткое сияние слепит и жжет, возникает ощущение полной остановки и зависимости от этого излучения, параметр воли падает, и начинаешь чувствовать себя бездушной тряпкой.

Глава 11

Сколько это погружение продолжалось в реальном времени, определить трудно, благо, на работу, жестко ограниченную временными рамками, ходить не надо, и потому для меня день плавно перетекает в ночь, а ведь обычно отрезки времени мы, люди, определяем относительно дня и ночи.

Вынырнув из этого безумного сияния и пока не приблизившись к конструктору всего этого сооружения, я позволю высказать свое мнение насчет света и сияний, тех, которые наблюдают «видящие», «целители», «экстрасенсы» относительно людей, приходящих к ним за помощью или подсказками. И мое наблюдение отнюдь не дилетанта, а как раз с профессиональной точки зрения. Люди, не совсем понимая сути разного рода пространственно-световых эффектов или конструкций, выдают как будто бы не подлежащий сомнению диагноз, который искажает понимание клиентом как себя, так и других. И в дальнейшем при соприкосновении с похожим накладывается на это уже готовое клише.

Так вот, по моим наблюдениям, по сопоставлению с реальными фактами, тем, что наблюдается в тонкоинформационном энергетическом мире, с полной ответственностью заявляю: нет однозначного толкования эффектов «свечения» и «темноты», наблюдаемых вокруг или около человеческих объектов.

Очень часто «яркий свет», трактуемый как признак исключительной духовности, а иногда и святости, не что иное, как *очень высокий уровень гордыни*, иногда даже граничащий со смертельным уровнем для этого человека. Еще это может обозначать, что наблюдаемое *существо жестко атакует окружающих агрессивными намерениями*, скрытыми в его душе, особенно тех, кто поступает не так, как ему угодно! Иногда *под прямым свечением*, выступающим как прикрытие, *скрываются «грязные» астральные делишки*. Это примерно как прожектор, бьющий в глаза лучами света: хорошо видно всех входящих, ослепленных лучами, им же ничего не рассмотреть, и тогда с ними можно поступать по своему усмотрению.

Ну, а теперь о «темноте». Принято бояться, пугать ею клиентов и творить злые наветы на конкурентов по оккультному бизнесу. Небрежно, в разговоре, брошенное мнение: «Да там одна чернота», — и мнение поползло, творя, соответственно, уже натурально черные дела.

Для начала надо прояснить, что «Темнота» и «Чернота» — совершенно разные вещи. Пример: вы входите в комнату, где не горит лампочка. Темно, ничего не видно. Нужен свет или видение, с

помощью которого можно ориентироваться и рассматривать помещение. Иначе вряд ли можно составить мнение о самой комнате или ее интерьере и не наступить на черную кошку, спящую там. Дабы она спросонья не покусала, испугавшись вас, слепого и неуклюжего. Так, вот, *темная комната* и *черная кошка* — это не одно и то же. Простите, если кого задела за живое. Если хотите считать себя «белым и пушистым» — это ваше право.

Глава 12

Часто не хочется нырять в пучину пока непонятого явления, но надо. Образ золотого саркофага так и не исчезает в сознании, а это значит, что многие проблемы, которые проявляются в этой жизни, катят именно оттуда, из прошлого.

Наблюдаю яркий-яркий луч, и он маячком примагничен к моему вниманию, подавая сигнал о любом перемещении точки зрения.

— Луч, приведи к своему хозяину!

Начинает проявляться цветовая мозаика, четко структурированная переплетением символов.

— Где-то я уже наблюдала подобную конструкцию, и насколько помню, ситуация тоже была не из простых.

Одна вершина звезды идет на конус, а там притаился крохотный маячок. Считывается биение сердца Земли, и это поддерживает структуру ловушки для тела. Купол не дает моему тонкому телу уйти. Совершенно герметичный. Снаружи нет никаких признаков того, что нечто сокрыто в ее недрах. Это просто гора.

Гора вся искрится, вся в сиянии, как огромный айсберг. Аналогично этой, мы вышли через индийское поселение на другую гору, в ином пространстве и времени. Вероятно, между собой они чем-то связаны. Возможно, одной необъяснимой пока историей, через слепящее свечение.

На ту, другую, гору идут люди, она исполняет все сокровенные желания, но у них забирается личное время и это идет на то, чтобы продлить удерживание того существа, которое замуровано и обездвижено, там, внизу. Эта Гора тоже охраняется Змеем. Вот она — реальная гора, ее не придумаешь. Хозяева ее пользуются энергией того, кто внизу спит, чтобы давать и исполнять желания людей. Сколько людей спешат в это место, чтобы получить желаемое.

О **цене** мало кто задумывается, настолько огонь желаний управляет сознанием. А если уж кто оказался в очереди, и назвав свое имя, получил **личный номер**, то шансов на выход у того уже нет! Он вступает **во власть чужой воли**, не имея права слова и мнения. У подножия все люди еще полны надежд и веселья, молоды и свежи. По мере продвижения вверх тускнеют их глаза, опускается голова, словно потяжелела от полноты раздумий, разговоры затихают, слышен только топоток бредущих, вроде бы за своим счастьем. Чем же платят они? За исполнение сокровенного желания у каждого человека забирается время. Примерно около двадцати лет его личного времени.

Приходят, поднимаются и идут на гору молодые, с горы иные нисходят стариками. Поникшие головы, тупой взгляд в землю и заплетающиеся ноги. Никто не виноват: каждый отвечает за свои поступки, слова, решения и мысли! Каждый раб — и хозяин своих желаний.

Пальцы, что-то с ними не так, то ли они разморозились, вернулась чувствительность и теперь ломит от боли.

Терпеть, терпеть, жизнь часто возвращается через врата боли, надо только принять ее и не убежать, испугавшись, опять в забытьи! Пальцы касаются важных каналов передач, и через них начинаю входить в диапазон истины происходящего.

Чужое время залепило все, и Змей следит, восстанавливает свои силы, не пускает к ключу.

Саркофаг, отпусти меня. Я возвращаю свое личное время себе и отпускаю чужое, во все века и времена.

Простите меня, если что-то не так.

Глава 13

Потерянные

Кто Я? Кто Я? Кто Я?

Тот великий дух, наполнявший пространство своим могуществом и начавший строить *Свою Игру* тут, или я часть того, который и не думал снисходить сам полностью, только направил свой взгляд вниз, и с ним малую толику себя. Возможны и другие варианты, скрытые пока от понимания, но более точно определяющие суть вещей происходящих.

Неразделимо на самом деле Прошлое, Настоящее и Будущее. Все присутствует в одной точке, и все движется, и все изменчиво и стабильно в одной из своих основ. И каждый шаг, каждая мысль любого живого существа имеет влияние на положение вещей в этом мире.

И то, что память стала возвращаться ко мне, закономерно. Я уткнулась в пограничную точку пространства, ниже которой падать нельзя, иначе из этой плотной, дурно пахнущей действительности выкарабкаться будет почти невозможно.

Жизнь в плотном теле засасывает и требует огромных душевных вкладов, практически ничего не давая взамен. Только страдания.

Как понять этот мир, вспомнить и разобраться во всем произошедшем со мной. Потрачено множество времени на то, чтобы хоть немного суметь открыть глаза и начать понимать положение вещей и свое место в этой определенной *кем-то* Игре. Самое интересное, что, возможно, мной же. Но с этим надо разобраться по возможности скорее.

Нарастающий внутренний ритм начинает все больше вовлекать в свой диапазон и управлять кажущимися, на первый взгляд, случайностями.

Радостно от этого пока не становится, но движение по восходящей спирали прослеживается четко. Прошло время, когда внимание заострялось на личности человека, с которым сталкивала Судьба, предлагая решить тот или иной ребус. Затем понимание поднялось до того, что главным на повестке дня становился мотив поступков, как чужих, так и своих. А вот теперь, позволив себе проснуться от вековой спячки и приложив колоссальные усилия для того, чтобы удержаться в таком состоянии, я вижу Игру.

Чем отличается обычный человек от животного? Только тем, что у *человека-животного* есть шанс вспомнить себя и начать восхождение к Богу. А так — только что можно назвать его цивилизованным животным. Те же самые потребности (безопасность, воспроизводство (секс), добывание пищи, своя нора), что и у животного. Если животное ест только то, что дает ему силу, то человек пищей разрушает себя в большинстве случаев (ожирение, язвы и так далее).

И все. Для чего жил? Для того чтобы есть, прятать тело в уютной одежде, жилье, иметь секс.

Вы говорите, для детей?

То есть чтобы дети пили, ели, носили удобную модную одежду, передвигались с комфортом на хороших машинах, имели качественный секс и так далее.

И все?

Для чего живете, товарищи, господа животные? Для того, чтобы этот мир иллюзии, эта твердыня была нерушима. Вы поддерживаете ее своими желаниями.

На чем стоит это болото людской ненависти и злобы, где убийства становятся развлечением для Ваших желаний?

— Я хочу, а все остальное по барабану, — девиз, с которым идут по жизни многие.

Это все не обвинение, а скорее размышления о том времени, когда мне пришлось из всего этого выкарабкаться ценой своих смертей. Смерть — хороший советник.

Глава 14

Я нахожусь в расщелине миров, в этой тугой паутине осознанной неподвижности, и пустота сознания вторит гулким эхом, откликаясь на посылы тех, кто когда-то находился в телах, в других телах, не человеческой конструкции. Да, очень печально знать и утверждать, что ты подобен Богу и тело твоё создано по образу и подобию, а на самом деле наблюдать за собой невозможность легко двигаться, перемещаться в пространстве и времени, да и элементарно не иметь возможности заглянуть с

сегодняшней позиции в Будущее. Подумав это, я ловлю себя на мысли, даже не столь на мысли, сколько на отголоске чувствования... Если б я знала то, что произойдет, возможно, в будущем, в силу моих привычек, или это можно уже назвать характером, не стала бы что-либо предпринимать и пытаться изменить. А просто сидела и ждала того, что неминуемо. Вот в таком эмоциональном сне я пребываю здесь, и все мои воспоминания с трудом протискиваются сюда, в этот мир. Мир не помнящих себя существ. Потерянных во Вселенной и одиноких в собственных Снах. Блуждают они по Магистральям Игры, натываясь друг на друга и не видя выход в самих себе и в тех, на кого натываются, не позволяют себе понять, что тот, другой, с которым столкнулись лицом к лицу, это и есть дверь. Твоя дверь в Память. Открыть ее просто, только надо остановиться, задуматься и поднять глаза.

— Кто ты, Путник, и как давно бредешь по этим избитым дорогам вселенной? Избиты в кровь твои ноги и сердце. Но ты все равно пытаешься идти. Глаза твои ослепли от слез неудач, а горло пересохло от предсмертных хрипов. Откуда ты, Путник? Из какой переделки до сих пор не можешь вылезти? Круг, который ты нарисовал, давно уже стал твоей колеей, и череда воплощений хвостом зависла над этим начертанным твоей Судьбой Кругом.

Да, твоей Судьбой, птицей Кхарту, которая крылами удерживает Огонь воплощений, дабы дать тебе наиграться до изнеможения, до потери сознания. И пройдя по ступеням своих прежних желаний до самых низин, познав измененность и самость, погрузившись в плотность Майи, полюбив ее как родную — разочароваться во всем и отвергнуть все это, оторваться от нее, оставляя окровавленные куски на ее пьедестале, потому что всеми фибрами души ты прирос к ее могучим стихиям.

И опять, Путник, ты бредешь незащищенный, открытый всем ветрам, которые сдирают лохмотья с тебя, очищая тело и разум. Только вот эти остатки одежд приросли к телу, а ветер рвет их без жалости.

Больно, как больно. Вспоминать себя, как больно быть спящим, да еще и слепым. Продираясь сквозь шипы памяти, ты изодрал в кровь свои белые крылья. И их кровавые кусочки устилают пройденный тобою путь, по которому придется возвращаться назад, к себе. Другой дороги нет.

О Путник! Что ты напугал! Ты перепугал пути, зашел не в свою игру и застрял по чужой прихоти. Забыл, в какую сторону открываются двери. Потерял ключи, и себя вместе с ними. Я заглядываю тебе в глаза, но там только Боль Темноты и Вопль Безумия. Там вереницы рабов идут по пустыне, и их отрешенность и тяжелая поступь отдается эхом в моем сердце. Я открываю сердце, так как знаю верный способ постичь истину: если отказывают все чувства, если ум не может постигнуть происходящее, а глаза ослепли от Огня Столетий, — Открой свое сердце, оно скажет Правду.

— О, кто ты, Путник?

Безмолвие потопило меня, зазвучав в сознании Колоколом Памяти.

— Это ты сама. Протяни руку и позволь подойти к собственной тени и войди в нее. Свет и Тень. Невозможно постигнуть одну без постижения другой. Не войдя в Тень, ты не сможешь постичь качества Света.

Люди караваном двигаются по песку, он осыпается под тяжестью, и сквозь него проступают камни. По крайней мере, это кажется камнями на первый взгляд. Если присмотреться, то можно заметить некую закономерность в их чередовании. Кое-где проступают каменные площадки, имеющие правильные очертания. Сквозь туман в сознание начинает вползать Память...

Вот я бреду седым стариком, одежда которого едва прикрывает тело. Одежда, некогда роскошная, давно истлела, и ветер, резким порывом дернув за рукав, оголяет мне руку, ту, в которой зажат нож с рукоятью, усыпанной красными камнями.

За спиной, невдалеке, полузасыпанные песком каменные ворота, от которых остались только столбы. И по цепочке следов можно проследить то, что путь начинался из этих ворот, бывших когда-то входом в храмовую библиотеку. Когда-то в очень далеком сне. И смутные воспоминания чередой возникают в моем сознании.

А как же вернуться к Изначальной Себе, когда обнаруживаешь, что все твои жизни нанизаны, как бусины, на бесконечную нить времени. Они закручены в огромную спираль без начала и конца. И я, как четки, давно начала перебирать эти бусины, но им нет конца. Вот ещё одна, неизвестно какая по счету, я начинаю вглядываться в нее. Еще смутно маячит отражение предыдущей жизни-бусины, где на фоне заходящего солнца виден силуэт сидящий на срезе колонны женщины. Более пристально вглядываюсь в перламутровую поверхность — и нахожу там себя.

Смотрю на свои руки. Какое тут у меня тело? На этот раз оно мужское.

Все вокруг суетятся в панике. Обнаруживаю, что и я бегу по направлению к какому-то строению, которое расположено в западной части. Сердце бешено стучит и готово выпрыгнуть из груди, мысли, натыкаясь, друг на друга, рассыпаются и в голове образуется звенящая пустота.

— Как все это произошло? Где была охрана, и вообще, все настолько невероятно, что думается — это не должно случиться со мной, это просто кошмарный сон, который исчезнет, надо только открыть глаза. Но сон не заканчивается, бежать становится труднее, и я смиряюсь с тем, что это не сон.

Тяжелая, обитая металлом дверь немного приоткрыта. Хорошо, что не надо тратить силы на нее. Миновав огромный зал, оказываюсь перед двумя входами в галереи. Куда же теперь? В какую сторону? Резко поворачиваю налево, в ту, которая темная и из которой тянет холодком. Пробежав совсем немного и услышав тоненький прерывистый голосок, понял, что направление выбрал верно. Направо — еле видимая лестница, ведущая в нижнюю галерею. По ней, быстрее, быстрее. Вот, он, люк, который нужно открыть. Каменный пол и тяжелая плита, которая закрывает проход в подzemелье. Голосок, который определял направление моих поисков, затих. Сердце сжалось в камень от предчувствия неминуемого горя. Я знаю, что у меня нет уже времени. Но мне нужно успеть. Во что бы то ни стало, успеть. Ломаю длинные ногти и обдирая пальцы в кровь, подцепить край плиты, поднять хоть чуть-чуть. На помощь торопится верный слуга Насхват. Он засовывает в щель кусок резного дерева, сорванный с мебели. Оттуда снизу раздается жалобное скуление, от которого ломит сердце и перехватывает дыхание. Это скулит маленькая смешная собачонка, которая следовала по пятам за моей дочерью, не покидая ее ни на минуту.

С огромным усилием поднимаем плиту. Насхват отбрасывает ее, а я уже шагаю в темный проем, нащупывая ногами лестницу. Крутая, практически отвесная и скользкая. Мысль: хватит ли ступеней. Могу и упасть на каменный пол, разбиться, и тогда уже никому помочь не смогу.

— Все получится, я найду ее. Мое сердце подсказывает мне, что она еще жива.

Остальные слуги и охранники побежали в обход. Через центральный вход по узким длинным коридорам попасть туда же, но более длинным путем. Там ходы как по лабиринту, закрученные, пересекающиеся друг с другом. Пройти и не заблудиться может только тот, кто знаком с планом. Мне надо быстрее. Слава Велителям! Ступени все были на месте. Ноги скользили и срывались, руками я цепко держался, подстраховывая каждый свой шаг. Наступив на пол, я оказался стоящим в жирной маслянистой жидкости. Нефть! Это здание было полузаброшено именно из-за нее. По трещинам в грунте нефть начала просачиваться в подвал, все выше поднимаясь по уровням. Нижнее подземелье еще много лет назад замуровали, сделав отвод по направлению к равнине.

Темнота была неполной. Поверхность жидкости блестела. Жутковатый блеск как бы звучал о смерти в ушах. Ноги отяжелели от страха. Я еле добрал до старого заброшенного алтаря, где раньше, много веков назад, приносили жертвы. Нагая лежала на жертвенном камне. Ее роскошные волосы были запачканы черной жидкостью. Из надрезанных вен на руках и ногах сочилась последняя кровь. Я знал, кто это сделал. Приступ дикой ненависти охватил меня и придал силы. Взяв Нагию на руки, двинулся к шедшим по коридору жрецам. Их голоса уже были слышны, они находились где-то рядом. Вот девять ступеней вверх, и я поднимаюсь, выходя в просторный зал. Навстречу торопливо бежал главный жрец с перекошенным от страха или от быстрой ходьбы лицом. Я еще не понимал сути происходящего. Но голос сердца твердил: все кончено, все кончено. Передал тело дочери четверым служителям, они побежали в действующий храм. Я, опустошенный душевно, опустился на пол. Ноги не хотели идти. Ум лихорадочно пытался понять, как такое могло случиться. Когда и где я ошибся. Эхом прозвучали слова верховного жреца:

— Если не успеем до рассвета, если Боги не помогут нам, она уйдет.

Теперь, глядя на это через призму тысячелетий, я понимаю, что случилось. Хоть и не полностью. Проживая жизни, мы связываемся друг с другом паутиной отношений, которая впоследствии сама задает рисунок дальнейшей игры. Ищем предателей, чтобы отомстить. Получить то, что не дали, или отобрать.

Та, которая была царицей Хетаки, пройдя круг земных воплощений, на этот раз родилась в нашем клане. И приходилась двоюродной сестрой моей дочери. Они не были похожи внешне.

Хетаки, а теперь она Нерилла, смуглая, черноволосая и черноглазая девушка. А Нагия — белокожая с копной золотистых волос. Но что-то внутри их душ было так похоже, что близкая степень родства не оставляла сомнений. В то время еще не была забыта способность вычислять, откуда пришел человек и насколько тяжела его душа. Жрецы, используя ритуалы, могли помочь существу очистить душу. Ритуал был смертельно опасным для человеческой жизни. Но на это немногие смело шли, чтобы очистить свою линию рождения.

Восемь жрецов через мнимую смерть физического тела отправляли через черный провал искупать свои грехи. Уравновешивать чашу весов содеянного и испытывать те страдания, которые оно причиняло другим. Испытывать их не телом, а душой. Мало кто решался на это. Тот, кто уже не мог жить с грузом памяти о содеянном зле и пониманием, куда это приведет. У Хетаки был трезвый расчет. Она не хотела жить в нищете ни в следующей, ни в какой другой жизни. Она не хотела служить ни людям, ни богам. Ей нужно, чтобы служили только ей. А для этого нужно иметь хотя бы легкую душу, не говоря уже о чистоте. И она решилась на проведения ритуала. Но змея всегда останется змеей.

Это стало очевидным позже.

Бежать становилось невыносимо тяжело, ноги заплетались, не слушались и одежда, стискивая тело, мешала двигаться. Волей-неволей пришлось перейти на шаг, несмотря на то, что только одна мысль заполняла мой ум, только одно стремление поддерживало меня: «Успеть, во времени успеть». Винить себя за то, что так и не смог выбрать времени, чтобы посетить то место, в которое устремилось в этот миг все мое существо, было бессмысленно.

— Что толку от того? Что изменится? Ничего, только потеряю время, которое уже на исходе.

Песок забивал глаза, а сухой горячий воздух обжигал гортань. Я гнал свое тело вперед, теперь уже не плавно, а рывками, боясь того, что придет конец его ресурсам и оно упадет замертво. Бестелесный, я помочь уже буду не в силах. Открыть ворота в храм, нужны руки, спуститься подземным переходом в зал книгохранилища — потребуются ноги, а прочесть — глаза. Нет, тело, дорогое, не умирай, выдержи, не подведи своего хозяина. Помоги.

— Поздно, поздно... — в висках пульсировало истинное понимание этой Игры. Но теплилась Надежда, на какое-то мистическое чудо, на помощь откуда-то сверху, от тех великих существ, которые, возможно, наблюдают сейчас за всем этим. О Боги! Молю Вас, остановите Время, дайте шанс, хоть малую искорку, неужели я не заслуживаю вашей милости!

— Как же я расточительно относился ко времени, разбазаривая его во все стороны. Думая, что на все про все хватит его. Откладывал на потом то, что крайне важно сделать тут же, без промедления.

— Как же так, я видел, я понимал то знание принципов движения времени, этих промежутков между спицами колес кармы. И мало что предпринял. Многому попустительствовал. А важное просто забыл! А теперь понимание принципа временных переходов и направление звучания черных провалов мне не просто требуется, а это жизненно необходимо, и не только для меня.

И благодаря моему попустительству умирает самое любимое мною существо, та, на которую поставлена суть этой игры. Дочь и наследница престола. Та последняя ветвь когда-то блиставшей великолепием династии Ахи. Та изумрудная чаша, что должна была наполниться мудростью веков, раскололась, и в своей попытке склеить ее я опоздал, хотя пытаюсь это скрыть от самого себя.

Это не мысли мелькали в воспаленном уме, это понимание всего происходящего затопило мой рассудок, и сердце сжалось от непереносимой боли и от понимания, что настоящее горе еще впереди.

Полуразрушенные ворота возникли как будто неожиданно. Замок был цел, но снаружи покрыт ржавчиной. Ключ на удивление легко вошел в замочную скважину и так же легко провернулся.

Теперь внутрь...

Как время безжалостно к нашим физическим телам, так оно безжалостно к формам, сотворенным руками человеческими.

Песок толстым слоем покрывал храмовую площадь, вход в него полусасыпан, и никаких признаков жизни. Песчаная ящерка, не торопясь, протопала мимо меня, скрывшись в своей норке. Она спокойна и ее не гложет вина. Ненависть к себе ослепляет и лишает меня сил, которые и так на исходе. Безрассудство и попустительство. Мое.

Непослушными ногами нащупываю ступеньки, засыпанные песком, они с трудом распознаются. Провожу рукой по выпуклостям на стенах, и они начинают светиться белым холодным светом. Тут мне

все знакомо и понятно. Память о детских годах, которые я провел в стенах храма за чтением древних рукописей, ярко вспыхнула в моем сознании вкупе с надеждой.

Глядя на настенные символы, вспоминаю, за каким по счету поворотом этого, сегодня кажущегося бесконечным, перехода, вход в хранилище.

Вот, это! Белый круг на стене, перечеркнутый двумя крестными линиями, и указатель поворота. Вход ниже на три локтя от северной стены. Руки нащупывают кольцо. Где-то за поясом нож, торопливо вытаскиваю его левой рукой, правой отгребая песок с защелки люка. Ножом можно открыть, если точно попасть в прорезь. Бьет озноб от потери энергии, руки трясутся. Цельюсь. Нож точно в прорези щеколды... Вспышка темноты — и дикая спираль провала сознания в потемки вечности.

Кто Я? Что Я? Когда Я?

Лишь ветер поет на невидимой свирели мелодию прощания. Только ветер перемен сквозит сквозь века, задевая наши сердца и заставляя ум человеческий ныть от бессилия.

Не шагнуть в этом теле в бездну безвременья, не протянуть руку помощи, потому что не только подать некому, но и увидеть нечем.

Только холод пространственных переходов заполняется и болью через сердце пытается забиться в человеческий ум.

О Велители Вселенной, я лишь пылинка у ваших ног, та частица Мироздания, от которой отвернулась Великая Богиня Судьбы. В чем задержался, в сомнениях своих или в глупом здравом смысле. В Иллюзии Великой этого плотного мира или в своих снах на плоскости зеркальной поверхности, в которой отражен смысл мироздания.

В каких мирах находятся те звезды, что рассыпаны в этом пруду безмолвия.

Где мой путь, да и где я сам.

Ступени крутящегося колеса вдруг замерли, и ощущение твердой поверхности вновь повергло меня в глубочайшую тревогу. Я не понимал, что со мной и в каком мире я присутствую.

Звенят колокола, гудит горячий воздух.

Прозрачен и высок тот звон.

Когда я возвращусь,

Дадут мне в руки посох

И будет даль кипеть со всех сторон.

И вновь я босиком, и холод режет спину,

И мысли на ветру седую бородой.

Достанет ли ума не проклинать чужбину?

Договорюсь ли я сама с собой.

Вернуться ли спешу

Иль тороплюсь успеть я,

Подняться ли стремлюсь иль падать не хочу,

На месте ли стою,

Ползу ли на вершину,

Я колесо судьбы отчаянно кручу.

Ты опоздала на 22 тысячелетия. Те звезды, что когда-то были твоим домом, давно уже померкли и сошли в небытие.

Ты опоздала, ты не пришла вовремя, ты не пришла ко времени. Не в тот поток направил тебя кормчий. Оглянись и очнись.

Ты так и сидишь до сих пор на срезе колонны в лучах заходящего солнца. Куда ты смотришь? Что ты ищешь в человеческом сознании, там ничего нет, кроме хлама мелочных, эгоистических слюнопусканий.

Вернись к себе, оставь ненужный инструмент — тело. Вернись к себе.

Глава 15

Щелчком меня вышибло из безвременья в какое-то другое местоположение нашей Вселенной. И опять новая история!

Плодородная равнина простиралась до самого того места, где смыкался индиго-лиловый небосвод с белой полоской песков. Темными холодными ночами звезды, казалось, были рассыпаны полукругом по земле у горизонта. Только далеко на северо-востоке владение Барназалиса упиралось в подножие гор, некогда бывших сине-черным каменным великолепием, а теперь разваленных и поросших красноватым низкорослым «сакаши», так местные жители называли эти непроходимые заросли. Те немногочисленные поселенцы, которые отваживались здесь остаться и разбить пока временные лагеря, были безрассудно дерзкими. Они держались особняком, никого не подпуская к своей территории, но и не вмешиваясь в дела других.

Равнина была красива и плодородна. Где-то далеко на юге возводились храмы живущему еще пока в этом плоском мире правителю, при жизни объявившему себя божеством, изменившему свое имя, полученное при рождении. Мальчик, рожденный Амендхотэпом, сросшимся со своим братом-близнецом голенью левой ноги, прошедший круги ада человеческих отношений. Выживший, несмотря на все злодейство придворных интриг. Впоследствии, получив власть, обезопасил себя, под самый корень выкосив, как сорную траву всех интриганов и заговорщиков, их семьи и родственников. Вообще всех, к кому не имел симпатий. Отделил себя от родословного древа тем, что отрекся от наследия и традиций, передаваемых из поколения в поколение. Отказался от жреческого наставничества оригинальным и страшным способом. Замуровал всех служителей культа в стену живыми, но не полностью, а оставив головы обреченных торчать из этой стены, чтобы продлить страдания казненных. Да и в назидание всем остальным, оставшимся в живых, но не согласным с правителем. Отрекся и от имени, данного жрецами по времени и сути его рождения. Нарекся Эхнатоном, провозгласив себя потомком Амуна-Ра — божеством, сошедшим на эту грешную землю. Разрушив прежние храмы и все, что могло напоминать о прежней власти, начал возводить новые культовые памятники себе. Народу для этой затеи потребовалось немерено, да и не просто тупой рабочей силы, а опытных мастеровых. И из всех подвластных правителю земель безоговорочным приказом сгоняли всех, кто хоть как-то разбирался в строительстве.

Поубавила эта затея подданных в провинции Барназалиса. Пришлось отправить туда немало крепких и опытных строителей и «тургов» из каменоломен. Безвозвратно. Когда еще вырастут и переймут мастерство те смешные детеныши с тонкими руками и ногами, которые пока весело и беззаботно играют. Старший военный архитектор, носящий имя Асмерагос, смотрел на детей, облепивших огромный необработанный камень, лежащий внизу, в тени, падающей от многоступенчатого строения.

Он восседал на «тугане» из редкой породы дерева, имеющего глубокий красноватый цвет. Мастер, который имел честь изготовить его, пропитал изделие маслом плодов изумрудно-зеленого колючего кустарника, и у дерева появился черный отлив. При свете луны «туган» казался высеченным из того редкого камня, который иногда торговцы привозили из далекой страны, и плата за него была несказанно велика.

Сегодня был великий праздник «Разделение Года». Полнолуние. Луна была тяжелой и мрачной, что предвещало бури и засуху, по меньшей мере, в период созревания урожая. Бог ветра собирался пригнать с юга, где камни растрескивались от солнца, а воздух обжигал, горячий суховей, названный жрецами «Сара», что означало «истребляющий». И сегодня, в этот день, готовилось жертвоприношение Богу дождя, чтобы он милостью своей вступился за род людей и не дал суховею испепелить этот край благодатной и щедрой долины, которая простиралась на многие-многие луны пешего пути.

Асмерагос отвел взгляд от кроваво-коричневой луны и поправил подол одеяния, прикрывающего его изуродованную ногу.

— Боги милостивые, хоть кость была цела.

Левая рука совсем была потеряна. Лекарь тогда, в походе, не смог помочь ему. Да, смерть смотрела на него во все глаза, но, верно, не подошел срок встретиться с ушедшими предками в Мир Мертвых.

Воспоминание прервали звуки музыкальных инструментов, оповещающая о начале ритуала жертвоприношения. Рогатых домашних животных привели на площадь еще затемно, привязав возле

жертвенного колодца. Они испуганно пятились назад, пытаясь освободиться. Но участь их была уже предрешена, дабы спасти людей от голода и вымирания. Огромные надежды возлагались на милость Богов. Животных, по правилам ритуала, топили во рве с водой, принося в жертву Богу дождя.

Верховный Правитель восседал у самого края тридцать девятой ступеньки, на легком переносном «тугане» без спинки.

В этот день он должен был спуститься вниз ко рву, пройти по левому краю и принести в жертву одну из фамильных драгоценностей, самую любимую и дорогую. Снять с шеи украшение и бросить его в воду. И насколько он будет искренен в выборе подарка Богу Дождя, зависел исход церемонии. Эту ночь все ждали с огромным трепетом. Сам великий богоподобный правитель сходит на землю.

Стража внизу стояла по обе стороны рва, чтобы никто из зевак не зашел за границы жертвенника. Стражники как изваяния, застыли внизу. Отражение луны золотым блюдом лежало на поверхности воды и плавно покачивалось, вторя волнам.

Вой жрецов падал с верхней площадки многоступенчатого сооружения. Они просили у Бога Дождя милости для людей. Оросить долину дождем божественного внимания, порадовать всех присутствием своей Милости. Они, скрытые от взоров любопытных, совершали таинство, и только звуки молитв нарушали спокойную тишину. От их пения накатывало необъяснимое чувство, ноги тяжелели и как будто прирастали к земле. Жрецы пели до тех пор, пока не подул едва ощутимый прохладный и свежий ветерок, знак того, что люди были услышаны Богами.

Вздых облегчения прокатился в толпе: «Ну, на этот раз повезло, значит, не так уж много зла в душе правителя». Обряд продолжался до первого луча восходящего Солнца.

Восемьдесят шестой раз в этой жизни Асмерогос встречал «Разделяющую Луну». Он был полон сил, несмотря на искалеченную ногу. Люди этого времени приобретали немощь только где-то к сто девятой луне, если доживали. Это была очень красивая, но малочисленная и вымирающая раса. Все попытки возродить ее были безрезультатны. Ничего не поделаешь, судьба народа так же неумолима, как и судьба отдельного человека.

Это были гибкие люди с длинными руками и ногами, незлобивым нравом и открытым сердцем. С глазами, яркими, как самоцветы, зеленоватыми, очень редко синими, это сказывалась кровь чужого народа с гор.

Только у жрецов глаза были цвета луны и такие же круглые: ночные люди. Они сильно отличались и телом, и душой. Да и люди ли? Сухие, молчаливые, как тени, скользили, никем не замечаемые. Никто о них не имел достоверных сведений, даже домыслов никаких. Эта тема вслух никем не обсуждалась. Бесшумные, призрачные, они несли свою службу, правитель этого государства — свою, и всех устраивало такое положение вещей.

Правитель медленно спускается по ступенькам. Через каждые четыре ступеньки расположена большая площадка, на которой он останавливается и садится на «туган». Белое одеяние его — как крылья ночной бабочки. Черные сандалии, красные украшения на ногах в виде бус.

— Так скучно наблюдать за ним, а тут разболелась рука, хотя ее и нет. Но болит.

Асмерагос глазами искал лекаря.

— Нет его нигде. Церемония. Обязанность. Титул... Устал. Но нет наследника, которому передал бы сан. Теперь до самого последнего дня... обязан служить.

Асмерагос закрыл глаза и стал думать о том, что приятно его сердцу. Захотелось развеять тоску от обязательных для присутствия и порядком надоевших церемоний. Мысли незаметно потекли во вчерашний день. Выплыл образ смешного котенка с толстыми лапами, которого он оставил себе. Охотникам отдал за него фамильное украшение с пояса, все равно некому его передавать по наследству. А этот маленький звереныш что-то уж сильно пришелся к душе. В народе Зверя этого ценили. Вырастая, они любили хозяина и подчинялись ему, но только хозяину, очень правильно определяя друзей и недругов. Верный страж и надежный друг. Страшный, хитрый, умный зверь. Желтые умные глаза, черная кроткая шерсть. Сильный и одинокий — как он сам.

— Вот и встретились снова, дикая черная кошка, — эта фраза независимо от воли архитектора прозвучала из его уст.

Ему смутно что-то припомнилось. Какой-то кошмарный сон: он стоял и смотрел на черную пантеру, бездыханную, лежащую у его ног. Сон был навязчивым и повторялся часто.

Гудящая стрела, выпущенная твердой рукой. Во сне он припоминал, что хотели убить его, но почему-то попали Зверю в висок.

— Конечно, Сушар не охотник, и не он поднял зверя и нашел логово с котенком. Приобрел у кого-то за бесценок, — продолжал размышлять Асмерагос, пытаясь отмахнуться от воспоминаний о навязчивом сне.

— Сушар как змея — нельзя ему доверять. Он и так чует и знает больше, чем ему положено знать. Желтоглазый Сушар, не лежит у меня к нему сердце, хотя плохого он мне ничего не принес, пока... А там — кто его знает.

Глава 16

Да, моему Высшему Я наплевать, как я себя чувствую тут, в теле. Есть ли пища, тепло, друзья и живу ли по-человечески.

Оно ведет свою Игру, которую отсюда нельзя просчитать, только по неуловимым признакам эта Игра всплывает в сознание, и только через несколько проигранных кругов ты начинаешь понимать, в чем заключалась суть того шага, который был произведен в самом начале пути. И все, что происходит и будет происходить, все это уже предусмотрено, и вероятность изменения чего-то, возможно, и имеется, но только в каком месте подойти к ней, этой вероятности? Чтобы понять сегодня свой следующий ход (назовем это целью), необходимо вспомнить предыдущий. *Как понять свой смысл жизни, если ты, как слепой щенок, не знаешь, откуда ты и кто твоя стая. Не помнишь даже предыдущую свою жизнь.*

И опять ступени, которые не первое тысячелетие кружатся передо мной, как желтые листья, отжившие свой срок, но ветер перемен поднимает их снова и снова, пытаясь реанимировать их былую насыщенность и красоту. Кружение быстрое и красивое, даже гармоничное, с первого взгляда, но оно ничто по сравнению с тем, что называется просыпанием. Когда листочки только разворачиваются и не совсем известно, что развернется, можно только догадываться о том, какая игра еще впереди.

А эти осенние листья, конечно, несказанно красивы, их многоцветие радует глаз, но Игра завершилась, роли известны и неминуемо разложение по составляющим. Тлен. Пепел. И тянет в сон, в тот, из которого уже не проснуться. Вы думаете, что это о смерти? Нет, она более честна, она Воин. Все знают, для чего она приходит.

А вот Сон... Кто же объяснит, что же это? Да, да, слышала — маленькая смерть. Так, да не так. Это надо вспомнить, прочувствовать. Умирание без смерти, что это?

Вы поднимаете голову и заворуженно наблюдаете, как на фоне голубого неба срываются с веток листок за листком и каждый по своей траектории устремляется вниз, пусть дуновение ветерка даже подхватит его и поднимет вверх, но его Игра уже закончена и финал известен.

Вниз, а там много уже таких, вроде бы похожих, но по-своему неповторимых разноцветных листьев — Игр.

И каждая жизнь человечья похожа вот на такой маленький листик, уже не нужный, но еще красивый. Падая друг на друга, они создают ковер, и ветер с удовольствием метет их по своей прихоти.

Люди — листья, все записано там, на листе... откуда ты, когда умер, сколько жил, почему не помнишь себя. Нет только одного — Для чего? У каждого есть своя точка зрения на это, и возможно, каждый и прав, как и далек от истины.

Для чего я проживаю каждую жизнь, и предыдущую, и последующую? И то, какие объяснения нахожу для себя приемлемыми, никак не освещает истинного моего положения. Но точно знаю, что Я — то Высшее, которому наплевать на то, что тут чувствую я-низшее, ведет особую, свою Игру, и точно знаю, что дала согласие на многое из того, которое происходило и происходит в так называемой моей жизни.

Но почему же Больно? И с каждым разом эта боль все утонченнее и изощреннее. Часто не сразу можно объяснить, отчего она.

Положение примерно того барашка, которого растили с любовью, лечили его избитые копытца, чтобы он мог добираться до сочной высокогорной травки, оберегали от волков.

И подходит время, когда эта забота исчезает, возникает отстраненность, и расчетливые движения пастухов вызывают смутные, неприятные чувства. Становится одиноко, потому что в загоне ты один, и методичный лязг точимых ножей тебе ни о чем не говорит, но от этого становится смутно грустно.

Когда еда поспела, ее любят по-другому. Да, барашек тоже ел травку, не жалея ее, только как это воспринимать: как утешение для него или оправдание для них, точащих ножи.

И вот опять я слышу этот звук, кто-то точит нож, и от него не становится легко и радостно.

А может, все-таки я не барашек?

Глава 17

Есть такое понятие, как «Участие». Очень часто определение «Безучастный» является обвинительным, сродни «Бессердечному», а даже иногда еще добавляется — «Злой». Когда-то и мне казалось, что это так, и если ко мне относятся безучастно, то, по меньшей мере, ненавидят меня. Как глубоко я заблуждалась — и полагаю, что я не одинока. И опять получаю подтверждение тому, что если я что-то не принимаю или возмущаюсь по какому-то поводу относительно действий конкретного человека или же явления, то всегда нахожу аналогичные поступки свои, относительно кого-либо. Действия, очень часто в тот момент скрытые для моего понимания.

Конечно, у этой истории есть конкретные действующие лица, и для того чтобы не тревожить их еще раз, не буду называть имена, даже указывать время действия.

Так вот: некоторое время назад мне стало понятно, что желать что-либо для кого-то — это эгоистично в малой мере, а по большому счету — это желание управлять этим человеком.

Так как наши желания всегда исполняются (так все устроено в мироздании), только не тогда, когда мы хотим, а тогда, когда возникает некий момент истины, и тогда часто *исполнение давнего желания идет вразрез с сегодняшними планами*, и не только слегка меняет нашу судьбу, а иногда смертельно пугает все!!!

И это свое собственное желание, которое взращивалось вроде исходя из собственных потребностей и понимания собственных нужд.

А вот когда пожелания исходят из уст даже горячо любимых людей, и возможно, с самыми благими намерениями, то это практически не приносит счастья объекту пожелания, а скорее наоборот.

Почему? Да потому что мы, люди, всегда желаем другим того, чего самим недостает, в чем обидела нас судьба, и нам кажется, что если объект нашего пожелания будет иметь это, то он будет счастлив. И в полной уверенности, что это доставит счастье другому, мы направляем энергию нашего желания в адрес того, которому мы хотим доставить «счастье».

Вот яркий пример: женщина, выросшая сиротой, выходит замуж за умного, порядочного человека, семья которого не принимает ее. Постоянное желание семейности, тесного круга родственников проносится через всю жизнь, так как сильно привязана к мужу, она его теряет, и не важно — ушел ли он к другой женщине или в мир иной.

Спустя время ее дочь разводится с мужем, который весьма неплохой человек, только качества характера и вкусы их настолько различны, что диву даешься, как столько времени уживались.

Итак, они освободили друг друга от навязывания своих вкусов и привычек, и каждый стал понемногу пытаться осознать сам себя и найти свой путь, освобождаясь по пути от обид и сожалений. Но сердце той пожилой женщины наполнено болью потерь, накопленных с детства.

И кроме как Игры мать-дети-мать она ничего принимает. И теперь, видя как дочь выходит из этой Игры и не чувствует сожаления, а наоборот, чувствует себя свободной и ожившей, становясь свободной от страданий, привязанностей, она в растерянности: как так, ей, дочери, должно же быть плохо от потери мужа.

Где-то глубоко есть зависть к свободе (мы все отчасти завидуем свободным и богатым).

И мать ЖЕЛАЕТ дочери: я хочу, чтоб ты сошлась с мужем и вы зажили счастливо, я так этого хочу, он такой хороший.

Все в этой фразе красиво, лилейно и на первый взгляд правильно. Но!!! Дочь от этих слов криком визжит.

“Нет! Рядом с ним я медленно умираю. Не надо мне этого желать, твои желания портят мне судьбу и жизнь”. На что обиженная мать парирует: “Я мать, и мне лучше видно, что тебе надо, плохого мать не пожелает”. И еще: “Я же тебя родила, и ты должна меня слушаться”.

Обязана – об**В**язана!

Как это, похоже, не правда ли?

Вот и участвует она в судьбе, но не в своей, а в чужой, строит жизнь «так, как надо», — а в это время своя судьба остается без присмотра. Но когда-то объект материнского внимания вылетает из семейного гнезда — это в лучшем случае, худший — это тот, когда до конца дней своих родители играют судьбами детей, потому что так удобнее — не надо ничего делать самому, а только править, то есть раздавать указания. Такое маленькое задрипанненькое царство, которое есть у каждого.

Наверное, в этом описании узнаются некоторые знакомые ситуации. Много, похожее описано в веках, но мой долг — попытаться разъяснить: почему же так происходит.

Тут на самом деле страдают обе стороны. Хорошо управлять ребенком, который зависим от взрослых, хорошо и легко. Если что — можно наказать лишением: сладостей, телевизора, новых вещей, свободы и так далее. А что делать, если это дитя выросло и стремится к независимости?

А это предусматривается заранее, и один из способов — сделать его больным и проявлять излишнюю обеспокоенность его недугом, но сначала этот недуг надо запустить в действие.

А как? Побольше накопить в себе, в своем сердце обид и горечи и скинуть это на собственного ребенка — пусть расхлебывает, а когда его болезнь перерастет в хроническую, тогда лечить, лечить, лечить.

Можно построить большой дом «для детей», и пусть они там живут, заводят семьи, но принадлежать он будет, конечно, тем, кто его построил, то есть родителям. И тогда при любом случае, когда эти выросшие чада не проявят должного почтения, можно с полным правом сказать: «Вон из моего дома».

Вопрос, на какие средства строился этот дом. Возможно, что немалая сумма отрывалась от нужд этих самых детей, и возможно, благодаря этому было что-то упущено в воспитании или образовании. Много, много способов держать в зависимости взрослых детей. Вспомните остальные сами, и я уверяю вас, найдется немало любопытного.

А ведь начали мы с попытки понять, что же такое «Участие». Если продолжать рассматривать это понятие, отойдя от житейского плана, а перейдя на конструктивный уровень, то написание этого слова дает совершенно иную точку зрения.

У-Частие. *У части.* Я нахожусь у чей-то части, то есть кто-то разделен на части. Мной ли он разделен или сам до этого додумался. Звучит это дико. Но что же я там делаю?

Вероятно, я тоже не ЦЕЛЬНЫЙ. Может, я разделен на части и разбросан по разным направлениям, там, где я пожелал *у-частствовать*, или же мне внушили необходимость этого действия как единственно верное и нужное решение.

И вот я там *у-частвую*, то есть контролирую какую-то определенную часть кого-либо, занимаюсь чужими проблемами, напроць забыв о своих делах, о своем долге. Помогаю в чем-то другому человеку, сам увязнув в грязи, горе и неудачах. А ведь на самом деле пытаюсь управлять так, как я считаю правильным, верным и истинным.

А в этом мире все зеркально отражается, и конечно, кто-то, а может, тот самый, кем я управляю, тут управляет мной, с полной уверенностью в правильности своих действий.

Посмотрите, какая получается картина: все заняты решением чьих-то проблем, для того чтобы решить свою проблему.

И все это запутывается с незапамятных времен. Тысячи раз мы делили себя на части, для того чтобы подставить одну из частей (а может, и несколько) кому-нибудь другому, а тот другой — еще кому-нибудь, и так до бесконечности. Представьте, что мы имеем на сегодняшний день!!! Паутина!

Великая Вселенская Путаница! А все мы — Великие Вселенские **Путаники**.

Глава 18

Игру-то я свою вспомнила, да вот только не все рады, что это произошло. Задаю себе вопрос — почему? Множество ответов возникает на этот простой вопрос.

«Возможно, я еще не готова к развороту событий, и у меня мало навыков, внимания, силы, в конце концов».

«Есть такая вероятность, что Игра начата не ко времени или не вошла в силу».

«Наверху нет достаточной поддержки. Уже нет или же еще нет».

«Очень сильное сопротивление того или тех, с кем я нахожусь в оппозиции».

«Моя Игра разрушает многие другие, так и не состоявшиеся Игры, а они очень плотно заполняют пространство».

«Инициативу пытаются перехватить и заполучить Мою Игру себе в руки не очень чистоплотные Игроки или предыдущие не хотят открывать свои позиции для доступных позиций и идей».

«В пространстве просто негде пропихнуться, и пока место на площадке не расчистится, пока не отыграются предыдущие Игроки, Моя Игра не сможет развернуться и показать себя».

«Указом сверху «Велено» сдерживать меня, по непонятной мне причине».

«Быть может, мне дается время для написания того, что давно уже силуюсь написать, да все не хватает на это личного времени, а это для чего-то необходимо».

«Может быть, мне необходимо еще чему-нибудь научиться или вспомнить о каких-либо знаниях».

А еще есть такое дело, как кармическая проработка, и опять, возможно, это один из самых главных ходов на сегодняшний день.

Очень часто понятного мало, остается только делать ходы и смотреть на все остальное с той позиции, на которую шагнешь. Ладно, и каков мой следующий шаг? Завтра будет утро, решу!

Портят мне Игру?! Ну а кому ее не портят?!

Скрещенные особым способом руки покоились на груди. Четыре пальца плотно сжаты, правая кисть перекрывает левую, а большой палец правой кисти — под левой кистью. Большой палец левой руки заходит в «замок» между большим и указательным пальцами правой руки. При этом в правой руке зажат Анкх, а в левой — нечто напоминающее цветок нарцисса. Тело недвижимо и не испытывает никаких потребностей в каких-либо движениях. Нет, на этот раз до саркофага дело не дошло. Тут нечто другое.

Глава 19

Быть может, я слишком привязалась к своей Игре и не мыслю без нее своего существования. Может быть и такое, я не исключаю этого, хотя нет заметной привязанности. Но то, что вокруг происходит, на что я наталкиваюсь в ходе совсем простых действий, наталкивает меня и на другую мысль. А может, это то, что я называю, Своей Игрой, очень значимо было тогда, в то время, когда я действовала, совершенно осознавая свой замысел, хочется назвать его Великим. Хотя с сегодняшней позиции величия в этом ну ни капли. Все очень просто: я ищу и, мне кажется, нахожу способы проснуться в этой Иллюзии и понять наконец: «А кто же я!». И по какой причине я тут маюсь, в этой Майе? Делая малюсенькие шажки, натываясь на непонимание причин, распутывая себя от паутины привязанностей, конечно же, я сталкиваюсь с Паутинами других существ. Так как нити привязанностей, переживая тысячелетия, все перепутались, создавая крепкие сети с узлами из узлов. Это то, что называют Кармическими Узлами.

Так вот, моя цель — распутать как можно больше этих узлов. А ежели начинаешь распутывать Свое, то неизменно натываешься и на Чужое, так как это все взаимосвязано. И тут начинаются удивительные вещи! Казалось бы, вот оно, решение вашей проблемы, я готова помочь распутать этот крепко слитый в единую конструкцию узелочек, и начинаю это делать, иногда прилагая невероятные усилия. Но! Как ни странно, я начинаю встречать довольно устойчивое сопротивление со стороны тех, на кого я натолкнулась и кому предлагаю выход. Если бы это происходило иногда, так, изредка. А это происходит практически на каждом шагу.

Из этого явно зреет вывод: вокруг меня люди не хотят избавляться от своих страданий.

Они хотят испытывать Боль, Ненависть и Обиды. И крепко держаться за это.

Как страшно многим из них потерять эту свою Игру. Ну что за цирк. Вот очень распространенный случай. Многие узнают себя с той или иной стороны. Родители и Дети; Мама и Сын; Мама и Дочь. Как-то я мало наталкиваюсь на заевшую пластинку Отец и Дочь (Сын).

А вот Женщины роль Матушки не хотят отпускать до конца жизни. Говоря это, я понимаю, что могу навлечь на себя «праведный» гнев многих и многих женщин. Простите меня, но как бы мы ни хотели от этого отвернуться — это Правда. И то, что такая постановка вопроса вызвала у вас гнев, а может, и ненависть — это подтверждение того, что я ткнула в очень большую точку. Простите меня,

истинно это моя работа: найти боль, потом причину боли, затем способ, чтобы эту боль отпустить, а уж потом залечивать рану. Невозможно лечить ее, не вытащив занозу. И становится легче после этого, намного, иногда возникает ощущение, что вырастают крылья.

Есть очень хороший и совершенно простецкий способ продиагностировать себя на предмет скрытых проблем. Вы ведь знаете, что корень всех внешних проблем кроется внутри нас самих. Так вот: все что вокруг кажется Вам возмутительным, злым, ненавистным — это абсолютно все находится внутри вас и как на сферический экран проецируется нашей вечной Душой. Проецируясь и оживая, доставляя неудобства и хлопоты, Боль и Смерть. И это не потому, что Создатель не любит нас, Людей, а для того чтобы смогли найти свою проблему, увидеть ее снаружи, так как заглядывать внутрь себя уже давно разучились.

Да и что там разглядывать, скажете вы, — там потемки. И это тоже правда. Как осветить комнату, в которой все окна и двери давно заросли паутиной, да еще плотно закрыты. Как ее осветить, не зная, где включается Свет. А иногда даже и не подозревая, что он есть. И наша судьба выносит все это наружу, расставляет по жизни, чтобы мы, споткнувшись, ударившись обо что-то или об кого-то (а это намного большее первого случая), попробовали задуматься: А почему?

Есть такое мнение: если я об кого-то ударюсь, то больно только Мне, Мне и только Мне. А попробуйте ударить одну руку другой. Нет, нет. Вы это сделайте прямо сейчас, оторвитесь от повествования... Ну и как? Только одна рука чувствует удар! Вот так и в жизни. Больно всем. И это все необходимо решать, иначе Боль уйдет вглубь и станет Судьбой, Злой Судьбой. Потому что Вы свою Судьбу запомнили Болью, которую без зазрения совести присвоили. Мы же присваиваем все. Все, до чего может дотянуться рука, нога, взгляд. Все тянем к себе и стараемся не выпустить. Чем больше, тем лучше. Если так много пережито и так много ПЕРЕЖИВАНИЙ, то как долго их можно ПЕРЕЖЕВЫВАТЬ.

И кого же вы жуете, добрые люди? Понимаете, если вы не отпускаете обиду на кого-либо, иногда на себя самого, Вы КУШАЕТЕ этого человека или нескольких. А очень часто это близкие и родные вам люди. Вот так и ЕДИМ друг друга, не выпуская изо рта, белые вы наши и пушистые сопланетники.

Глава 20

Оставь этот мир! Хватит за него цепляться, надеяться на него, строить планы, иначе он убьет тебя. Сначала лишит тебя Воли, потом съест Намерение, погасит Радость. За ней уйдет Счастье, а ты не будешь понимать, что произошло, начнешь искать его в этом мире призрачных Надежд, заглядывать в глаза любимых и наталкиваться на пустоту и холод, спрячешься в себе, создав вокруг себя Дом. Хороший, крепкий, еще красивый и прочный. Там будут двери, такие же прочные, как стены; внутри будет покой и уют, это на какой-то миг заменит тебе Радость и некое подобие Счастья возникнет подле тебя. Теперь-то ты его не потеряешь, крепко взяв в свои руки, оградив от посягательств завистливых соседей, спрячешь подальше.

В чем состоит твое Счастье? В крепком доме? Дружной семье? Надежном друге? Здоровых детях? Преданном любимом человеке?

Собрав все свое внимание и направив его на предмет своего счастья, ты, конечно, попытаешься опутать его Заботой, замечая все мелочи, все изменения, происходящие с ним, каждый раз тревожась об этом больше, чем за свою жизнь. Всеми фибрами души погружаясь в то, что дает тебе Счастье. Милый Дом, какой ты надежный, просторный и большой. Не стыдно сказать всем проходящим — Это Мой Дом!!!

Глава 21

Я двигаюсь в кромешной тьме, которая не только распластала свои крылья вокруг меня, но и пытается просочиться в мой ум, чтобы заполнить его своей беспредельностью. Погрузить через него мое сердце в безвременье. И каждый следующий свой шаг делаю с глубокой настороженностью, проверяя надежность того, на что я буду опираться в следующий момент, всеми доступными мне средствами и способами. Хотя, сколько их у меня, в кромешной-то темноте? Да, конечно, есть то, что

является в какой-то мере ориентиром, но я настолько свыклась с темнотой, что перестала ее воспринимать как нечто враждебное.

Я иду вдоль стены. Когда она возникла, мне пока неизвестно. Невозможно из того положения разобрать ее форму, понять, как глубоко она уходит в землю и насколько простирается ввысь. Моя рука ошупывает выпуклости и знаки, выбитые на стене. Я пытаюсь сосредоточить на этом свое внимание и наконец-то понять, что за это знаки, понять суть начертанных иероглифов. Я прикасаюсь к ним снова и слышу шепот этих знаков, или как будто тихая песня начинает звучать сквозь них. Ум пытается подбирать аналогии происходящему, но все они далеки от настоящего чувства. Одно я понимаю — стена мне сродственна, я чувствую язык этих знаков. И еще посещает уверенность, что в создании этой грандиозной конструкции мое сознание было когда-то задействовано.

Кто ты — стена? И кто я, ослепленная от презрения к самой себе. Проклинаю сейчас свою несостоятельность в распознавании того, что было сотворено с моего же посыла. Какие-то отрывочные воспоминания скользят перед умственным взором, вспыхивают какими-то ощущениями в теле и заставляют учащенно биться сердце. Как будто слышится красивая речь и возникает такое чувство, что вот-вот сейчас пойму, о чем это. Я настраиваю свое сердце на эту волну, напрягаю слух, и ум начинает бешено метаться в поисках подходящей интерпретации. Но это приводит только к головной боли и отчаянию.

Левой рукой я отыскиваю следующую выпуклость на гладкой поверхности этой стены. Мне кажется, что я постоянно двигаюсь горизонтально влево вдоль стены. На самом деле это может оказаться движением вниз или вверх, четкого ориентира нет, точка отсчёта давно потеряна. И она может находиться где угодно от меня. Наверное, точнее будет сказать, что движение происходит возле этой конструкции, возможно, даже и не снаружи, а внутри нее, иначе откуда такая беспросветная темень, густая, вязкая, заползающая в душу. Звуки гаснут в ней, едва успев родиться, мысли приобретают причудливую форму и становятся неузнаваемыми.

Останавливаюсь и прислушиваюсь к этой вечной темени. Чувства подсказывают мне следующий ход. Укладываю правую ладонь на гладкую скользкую поверхность, усыпанную выпуклыми знаками. Осторожно прислушиваюсь к своим ощущениям, пытаюсь уловить хоть малейшие изменения в окружающем пространстве. Ничего! Прижимаюсь лбом к холодной поверхности. И в следующее мгновение темнота исчезает, и голова будто проваливается через что-то рыхлое, а тело ещё удерживается стеной в своем измерении. Открываю с опаской глаза и обнаруживаю, что голова находится в другом пространстве, наполненном ощущением предрассветной тишины. Раскидываю руки и пытаюсь обнять так называемую СТЕНУ, прижимаюсь к ней всем телом и смиряюсь со своим положением, перестав чего-то ожидать или хотеть. Остается только одно намерение: Осознать и Понять.

Вижу всплеск мерцания впереди. Пространство вздыхает ОХ, погружая меня в молочно-белую пелену. Внутри тела возникает вихрь и проносится в сознание, и точно такой же вихрь, только закрученный в другую сторону, появляется снаружи. Я оказываюсь в потоках движения сразу нескольких пространств, в круговерти временных форм сознания.

Мне казалось, что я зависла в пустоте, там, где нет ничего, и меня в том числе, есть только присутствие внимающего сознания... Так же из Ничего возникло мерцание, к которому я стала приближаться с бешеной скоростью. Ощувив вхождение в него, я поняла, что попала во владения Памяти. И тут же вспомнила, что в таком состоянии оказывалась неоднократно. Это нечто, напоминающее мне стену в кромешной темноте, было переходом временного портала.

Я держусь за прозрачные перила Времени, пребывая в полной безызначности, и не понимаю в какую сторону сделать шаг. Мое тело, там, в Отражении Земля, мечется в полусне, не осознавая происходящего. Открываю глаза и вновь удивляюсь нереальности всего окружающего. Не так давно все было насыщено яркими красками переживаний, запахами и эмоциями, а сейчас все вокруг как будто размазано по плоскости, без объема и радости восприятия.

Там, в реальности земного тела, я могу посчитать отрезки времени, называемые сутками, их уже минуло больше пяти, или нет, если считать с самого начала этой пропасти, то больше двадцати. Пропась — это то, где пропадают, не успев или не сумев пролететь до следующего края берега. Пропась — это забвение самого себя, когда теряешься в понимании смысла собственного существования и границы жизнь-смерть совершенно размыты. В таком состоянии мне сложно находить общий язык с нормальными людьми, они не понимают меня, толкуя про свое, привычно-

обыденное, переливают свои эмоции и крутятся в наслаждении от переживаний событий, которые уже давно прошли.

Я не могу им даже посочувствовать тогда, когда они говорят об утрате своих близких, которые перешагнули порог, называемый Смерть. Потому что со своей точки зрения не наблюдаю этого порога. С той точки зрения, в которой я нахожусь, границы между тем, что называют Жизнь и Смерть, не существует, одно плавно перетекает в другое, капля за каплей. Успев только родиться, существо сразу же медленно и неуклонно начинает перетекать в Смерть. Все же об этом знают, но старательно закрывают глаза на это и плотно затыкают уши, чтобы не слышать шагов смерти.

— А как же! Как мы будем играть в Горе и Потери.

— Хотя, что оплакивают? Тело. Потерю того, что ходило, ело, говорило, моргало глазами. И многие, за всю жизнь этого Тела не удосужились заглянуть ему в глаза и понять его Душу. Может быть, от безразличия или неумения, а возможно, из-за неосознаваемого страха. Ведь порой за ширмой человеческого тела скрывается Нечто. На самом деле не просто разобраться, кто и что населяет это вроде бы человеческое тело. Иногда, начав взаимодействовать вроде бы с человеком, внезапно понимаешь, что проник в совершенно чужой мир, который имеет совсем другую реальность.

И кого винить! А некого. Слепы и глухи, вот и спотыкаемся друг о друга в сотый раз, не давая выхода себе и другим.

Я бьюсь о стены этого реального мира, они плотные и упругие, и чем сильнее пытаюсь прорваться сквозь них, тем изощреннее становится защита.

— Как же умудриться выскочить из стен этой тюрьмы, не окосев от боли и сохранив рассудок. Нет, ненависть ко всему этому позволить себе иметь я отказываюсь. Она еще глубже затянет в этот мир страданий, зацепит своими щупальцами за сердце, да так, что каждый вдох будет отдаваться дикой болью, и тогда ты пересташь свободно дышать, а затем двигаться, а потом и думать. Опять наступит Безвременье, потеряется и чувство времени, и ритм времени, и жизнь замкнется вокруг интересов тела. Получается духовный дефицит, где только боль и тяжелый труд, и не важно, какая боль — физическая, эмоциональная или ментальная, от которой даже думать больно. Это пойманность. И не думайте, что кто-то виноват в этом. Нет! Это вы сами поймали себя за свой любимый хвост. Тут все до предела гениально. В этой тюрьме никогда не было стен, цепей, ошейников и наручников. Все это создали сами прибывающие в этот законченный мир. Создали и создают неустанно тем, что ненавидят себя и других, выливают в пространство души обиды и горечь поражений, зависть и сожаления.

Люди заполняют все свободное пространство своими желаниями. ТЕЛА, ТЕЛА, ТЕЛА!!! Но не ДУШИ.

Я преклоняюсь перед гениальностью Создателя всего Этого! Где-то, ближе к окраине Вселенной, он создал место, куда попадают потерянные Души, и многие века они влачат свое существование, играя в одну и ту же Игру. Умирают, забывая себя напрочь, чтобы родиться и в сотый раз повторить уже неоднократно прожитую заигранную пластинку **жизни**.

Душа моя стремится уйти из этого круга, но для начала надо вырваться, выпрыгнуть из накатанной глубокой колеи предыдущих воплощений. А чтобы вырваться, надо Вспомнить, в чем погрязла!!! Вспоминая шаг за шагом, в обратном порядке, медленно подбираясь к выходу. Вот новая дверь, но проходишь её и понимаешь, что она опять не последняя, не та, через которую тебе предстоит выйти. Да и прежде чем сделать шаг, надо понять, а в каком направлении та, следующая дверь, о которой я сегодняшняя не имею даже представления. И опять... Сонные потемки, где все на ощупь, все приблизительно, непонятно и неузнаваемо. И казалось, уже я, научившаяся двигаться быстро, нахожусь в ступоре, буквально, в подвешенном состоянии.

Если ко всему этому подойти с «нормальной» и «человеческой» точки зрения, то ничего страшного, тем более опасного не происходит. Даже можно сказать наоборот: жизнь спокойно течет своим чередом, успевай только радоваться. Но голос сердца бьется в тревоге:

— Паутина, опять паутина. Опять липкость и сонливость, опять тупое благодушие: что воля — что неволя. Нет, нет! Рвется душа из этой липкости, которая пытается впиться в сознание. Нет, нет! Мечется в поисках причины этой липкости.

Сон — это хорошо? Да? Многие и многие страдают оттого, что не могут устроить себе десятичасовой сон, пьют таблетки, пилюли, не задумываясь о том, что пытаются поддержать в себе состояние, близкое к смерти. Как тяжело проснуться в этом мире, где в кумирах ходит Сон, о котором люди практически ничего не знают. Изучают сны на уровне «сонников».

— Какая глупость, ведь это опять ловушка. Толковать там нечего, надо опять проснуться в этом так называемом сне и попытаться понять, кто ты там и что собой представляешь.

— Вы все зачитываетесь «Посланиями ангелов», всевозможными посланиями с Сириуса. А что происходит под вашим носом, глазом или ухом, не удосужились понять и распознать. Почему? Да потому что не задумываетесь об этом, и мало кто об этом говорит и пишет. Наверное, очень удобно рассуждать о далеком Сириусе и гадать, кто пришел с этой планеты, а кто с Марса, придумывать небылицы и не уметь реально расшифровать то, что привиделось тебе прошлой ночью.

Сон — это был или сновидение? Астральные ли блудни или чья-то иллюзия накрыла тебя с головой, и ты второй день не можешь очухаться от нее, засыпая на ходу, идешь через дорогу, не замечая несущихся на тебя машин. Ты не можешь разобраться в том, где находится реальность. Она в сейчас или во сне? **Обманутый и брошенный ты — человек!!! Самим собой!!!**

Глава 22

Смотря с какой позиции смотреть на все происходящее... Да, застряла в непонимании, и вместо активных действий, предполагаемых по плану, возникшему в уме, приходится бездельничать. Хотя, возможно, то, что называется бездельем, на самом деле и есть необходимый поступок. Можно сколько угодно возмущаться по случаю слепоты относительно своего будущего. И возмущаться, возможно, есть чем. Почему другим могу подсказать необходимые шаги для продвижения, и эти подсказки оказывают реальную помощь. А себе?! И с другой стороны, может, все это точно запланировано, или точнее, предусмотрено мной же, только той — другой, более осознающей последствия каждого своего шага. И то, что могут прийти только те, кто услышит, поймет и сделает, то есть только те, кому можно помочь. Происходили такие маловероятные случаи, только удивляться оставалось. Некая барышня несколько дней искала мое местонахождение, имея точный адрес и ориентиры, но так и не нашла. Надо сказать, что расположение здания таково, что и ребенок найдет без труда.

И впоследствии выяснилось, что она имела весьма эгоистичные намерения относительно другого человека: устранить соперницу, лишив её жизни. Хотя формулировала просьбу как о «помощи в очень сложной ситуации».

Задумывались ли вы о том, а кто живет в вашем теле. Я о том, если ваше тело женское, то сколько процентов качеств, присущих женскому аспекту, в настоящем времени наблюдается у вас? А что такое женственность? Нет, не сексапильность и привлекательность, а именно — женственность. Наверняка есть знакомая, о которой говорят: «Ни кожи, ни рожи, а отхватила себе классного мужика, везет же некоторым. Да и он, дурак, на нее надышаться не может. А вот я, такая умная, красивая, волевая, но вокруг меня только захребетники да лодыри. Все норовят использовать меня как кормушку. Почему мне “отстой”, а таким как она попадаются нормальные мужики».

Некоторые ответы на этот вопрос есть, и они не возникли сами по себе, а только когда появилось понимание всего происходящего, когда тщательно порылась у себя в уме, в эмоциях и чувствах. Когда наткнулась на понимание принципа мужское–женское. Ян и Инь.

Начнем с того, что наше человеческое тело — это инструмент нашего же Духа и Души.

И форма тела строго соответствует тем задачам, которые Дух, воплощаясь в теле, пришел решать на эту Землю. И энергии, направленные на достижение определенной цели, тоже не с потолка взяты, а конкретные, предусмотренные именно конфигурацией этого тела. Как вы думаете, что будет, если взять телефонный провод и пропускать через него ток напряжением пятьсот вольт? Не приспособлен этот проводок для такого напряжения. А что вы хотите в случае с телом?

Форма женского тела предназначена для проведения эманаций определенной частоты и скорости, соответствующих женскому, Иньскому аспекту. А что же соответствует ему?

Постарайтесь вспомнить. Да, да, да — Смирение. Что вы почувствовали, прочитав это определение? Внутреннее сопротивление? Да, это обозначилась как раз эта скрытая проблема, которая не дает счастливо жить. А что это понятие означает для вас? Произнесите вслух. Какие картины тотчас же возникли перед глазами?

Как описала одна женщина: «Замученная работой, не смеющая сказать слово против воли мужа. Это рабство ненавижу, — кричала она, — никогда я не буду такой, лучше сдохну».

А Смирение (см. методичку) — это когда женщина С–Миряется, тогда она начинает понимать и чувствовать мир, объединяется с этим миром, перестает его бояться.

Глава 23

Огромный страх потерять свою Игру болью бьется в моем сердце. Холодеет спина от возможного вхождения чего-то чужого в творение, созданное мной, ценой стольких потерь. Конечно, конечно, не бывает потерь без приобретений, и наоборот, но уж слишком заманчивы были они для меня. Исцарапано переменах сердце, но не потому, что не хотелось меняться. А, как видно, приросла к тому, что давило. Страх потери Игры — он, тщательно прятанный от других, и сейчас находится в потемках, только напряжением себя выдает. И я понимаю, что в нем скрыто что-то важное, возможно, много пропущенного из-за невнимательности и верхоглядства. И вот вспышка понимания осветила мою принадлежность к этой Игре. Она поглотила меня. Все мое существо наполнилось ее эманациями, и Игра стала неотличима от меня самой. Как это произошло? Постепенно и незаметно или же одним скачком, как передвигают стрелки на часах, когда хотят перевести время на час вперед.

Ум не может сразу постичь то, на что натываются чувства. Надо перевести чувство на понятный язык предложений и фактов.

Страх затянул тугим узлом солнечное сплетение. Он так туго сплетен, что не видно волокон, из которых он создан, только нити событий тянутся к нему, поддерживая своими лучами вновь созданную конструкцию. Мир держится на страхе. Вы не поверите или не согласитесь? Это ваше право. Возможно, у нас разные точки зрения, а может быть, и зрение разное, у вас в плюсе, ну, а я, как всегда, смотрю в минусе.

Но и там тоже есть истина. Страхи, страхи, страхи. С каким наслаждением люди боятся и пугаются. Такой всплеск всевозможных ощущений! От легкого пощипывания чувств и мурашек по спине до полного отупения и онемения, вплоть до смерти.

Вы слышали — от страха умирают!!! Не от болезни, не от боли, не от потери руки или ноги, а от страха. Ох, как велик этот страх! Что же это такое, как же он владеет нами, заставляя вновь и вновь погружаться в себя, кормить себя и, пожирая нас, незаметно создает иллюзию, что он бесконечен.

У меня нет намерения навязывать вам свое понимание и видение, я просто разбираюсь в том, что опутало меня или же я сама намеренно в этом оказалась.

Проигрывать тоже надо уметь!

Если бы не было проигравших, то у кого выигрывать было бы. В таком случае Игра в сражения, боль, потери, не состоялась бы. А не пережив боль падения, невозможно в полной мере насладиться взлетом. Мы двигаемся, вращаясь вокруг предполагаемой оси, при этом то взлетая, то падая, переходя из одного состояния в другое. Словно некто бесконечно огромный то вдыхает нас, то выдыхает. Вдох-Выдох, Вдох-Выдох. Вдохнул, и мы взлетаем и парим. Выдохнул — летим вниз. Кто-то при этом позволяет себе разбиться в лепёшку, а самые умные планируют, расправив крылья, ждут следующего вдоха. Кидает нас судьба из одной крайности в другую, а из той, другой — обратно в первую. Только и всего.

А то многообразие, которое мы наблюдаем, тоже исходит из этого Вселенского принципа. И когда тут, в человеческом теле, забыв об Изначальном Замысле, я пытаюсь гнуть только одну, понравившуюся мне линию, получается, что я останавливаю Вселенское движение своим собственным эгоизмом.

Сделав *вдох*, я *вдыхаю* опять, это приносит мне ощущение полноты и блаженства, и еще *вдох*, но уже не такой полный, ведь там, внутри меня, уже есть нечто, которое я удерживаю. И я не собираюсь прекращать *вдыхать*, так как обратное действие — выдох — для меня становится смерти подобным, и я *вдыхаю* и *вдыхаю*, раздуваясь от величия своего мнимого Я, наполняясь, все более и более, и уже не столь важно чем, главное — много и все это мое. Такое состояние порождается жадностью или завистью, а иногда ревностью. Страдают, находясь в таком положении, многие, *но не все готовы сделать выдох*.

В этом мире всегда наступает предел всему. Вселенная бесконечна, но не безгранична. Как это понять? А не поймешь, только ощутить это можно, катаясь миллиарды лет по этой бесконечной ленте под именем Вселенная. И сменяется ее местоположение относительно чего-то большего, а внутри, по

сути, ничего не меняется. Только нам, людям, забывшим себя, кажется, что все в первый раз, и он же будет последним.

Вот и хочется вдохнуть и не выдыхать, оставить все себе и наслаждаться этим. По сути, тормозим вечный процесс. А для того чтобы заставить нас все-таки сделать выдох, Вселенная дет нам коленом под зад. И тут кому уж как повезет. Кто-то легко отпустит то, за что долго цеплялся, и вздохнет облегченно и пойдет на поиски других приключений. Но много есть людей которые держатся за свою Игру, боясь отпустить. Держатся за все то, что когда-то давало наслаждения. Держатся, дорожа всем этим, не помня другой Игры, а полностью предоставив себя во владения Ей. Только Ей. И когда они исчерпают все ресурсы своей любимой Игры, съедят ее, происходит заикливание. Змея поедает свой хвост, постепенно подбираясь к голове.

Глава 24

Сценарии

Мы приходим сюда, на Землю, из разных Игр. И то, что тут все рядом находимся, на одной площадке, совсем не означает, что все мы из одной Игры. Да, все наши пути пересекались и мы тысячи раз встречались друг с другом. Роли мои менялись, и ваши тоже, иногда на совершенно противоположные. Положительные герои становились злодеями, а разбойники переполнялись добротелью. И, не узнавая друг друга, потеряв память, мы все равно сохраняли чувство узнавания. Что-то невыразимо большое и вечное — индивидуальная направленность, которую мы *понимаем и чувствуем в своем сердце*.

И это позволяло вопреки всем принятым шаблонам — любить своего злейшего врага, любить его вопреки всем доводам «здравомыслящих людей». Любить, потому что память об ином ходе событий, о другой игре с этим существом стучит в сердце, не давая ему иссохнуть в дикой злобе.

И это спасало. От чего? Вероятно, от забвения своей извечной сути, переходящей по ступеням созидания вначале, а потом и в разрушение того, первоначально созданного творения. И затем вновь по руинам, расчищая эмоциональные завалы, начинаем созидать, чтобы потом разрушить. Вот так, по лестнице вверх-вниз, вверх-вниз.

На какой-то ступеньке этой лестницы останавливаемся, замираем, вращая в нее корнями (так как уж очень по нраву пришлась Игра и Сценарий). Затем начинаем считать ее своей, сначала не желая с нее сойти, а потом взращиваем страх — потерять это местоположение. И всеми фибрами своей души начинаем цепляться за эту ступеньку, то есть Игру и Игроков. Но сила иллюзии иссякает не вдруг, конечно, а постепенно, и все это начинает рассыпаться. А корни-то уже разрослись во все стороны. Укоренились мы в этой своей любимой Игре, изучили правила, получили статус, приспособились. И поглядывать начинаем на ступеньку повыше — заманчиво получить большие возможности. Подпрыгнуть бы, долететь до неё, да крылья на корм корням пошли, и попытка прыжка переходит в падение. Ноги-то еще там, на прежней высоте, а мордочка уже в лужице, которая на ступеньку ниже. Обидно, как обидно падать у всех на виду. И вместо того чтобы освобождать свои ноги от вросших корней на том месте, где нас уже нет, начинаем пускать пузыри, наполняя их своей обидой.

Кроме ступенек, если осмотреться, есть еще много кое-чего интересного. Можно назвать это интересным или полезным, а можно и не вешать ярлыков. Только вот ступени Игры настолько впитали наше внимание, настолько стали понятны и знакомы, привычны и родны, что не возникает сомнения, что оно так было, есть и будет. Вот это самое Есть, то есть Кушать, является очень интересным действием, на которое стоит обратить внимание.

Ступени впитали наше внимание, то есть Съели. Что это такое — ступени? А это наши бывшие воплощения, прошлые жизни то есть. Вот эта, которая там, на высоте, такая огромная и практически без границ — это тоже Я. Как мое имя звучало тогда? Планета ли, Звезда ли, а может, Вселенная?

Безмерное количество времени пребывания в этой роли, владения неограниченным пространством, светом и звуком. Отсюда, из своего маленького человеческого тельца, не понять всего в полной мере, только восторг и восхищение от минувших возможностей. А еще огромная грусть, необъятная, необъяснимая. Грустим об утерянном владычестве. Там ступенька есть и пониже. И там оставлен мой след. Она не так безгранична по сравнению с предыдущей. Велика она, конечно, мне сегодняшней. Великая и всемогущая, как там меня называли?.. Да, наверное, уже не так важно, думается мне, глядя на

это колесо Мебиуса, состоящее из ступеней воплощений, того, что называется Я. Чем «пониже» они расположены, тем и площадка поменьше, да и поскромнее условия проживания. Так по нисходящей спирали катимся, катимся, получая впечатления от всего происходящего с нами, а впечатляясь — наслаждаемся. И счастьем, и горем, и победами, а потом и поражениями, встречами и потерями, вдохновением и забвением. *Забывать*. За-быть. За пределом того, где Быть. Если там мы Быть, то как называть то, в чем сегодня находимся?

Не-Быть. Находимся в том, что не существует, Иллюзия, Майя. Она кажется единственным, что есть, мы аукаем во Вселенную, надеясь услышать братьев по разуму, только там тишина. Не потому, что не отвечают или некому, а потому, что не слышим ответа. Нам-то, эгоистам, надо, чтобы ответили на нашем, родном языке. Чтобы они к нам, а не мы к ним. Мы-то, люди, считаем себя пупом вселенной, но живем на её окраине, на выселках.

Мы за занавесом, за—Быть. Где есть Быть, там о нас знают, слышат, и им кажется непонятным, как это тут нам плохо, слепым и глухим.

Со стороны всегда легко и интересно наблюдать. За тем, как кто-то, например, копает землю. Ловко так, лопатой туда-сюда. Легко! И только непонятно потом, почему бросил эту лопату-то да и свалился на землю, на тот же самый бугорок, который накидал. Ведь было так красиво и легко. А если решите, что проблема его изнеможения в лопате, и желая помочь, попробуете забрать ее... Из рук не вырвать — мое это, мое.

Освобождаться надо не от лопаты и места того, где канавы копают, а *от сценария в уме*, тогда из наблюдаемого переходишь на место наблюдателя. И так, потихоньку, надо из подвальчика Вселенной выходить, по шаткой да скользкой лестничке! А вот когда из недр подвальчика да на Свет Божий, там и лестничка попримечательнее высветится, со ступеньками пошире.

Из подвала своей самости вылезти — труд немалый. А вот потом, при свете да по устойчивым ступеням, может быть, и полегче двигаться. Да только соблазнов зацепиться на достигнутом положении, с каждым шагом все больше и больше. И желающие себе всю ступеньку, которая повыше, захватить, тоже имеются. Сначала начинается обнимание, а потом всем становится тесно, и вроде бы это и является оправданием следующего действия — расталкивания локтями ближних. То есть тех, кто слишком (на твой взгляд) приблизился к тебе. Потому что они тоже желают вот на этой понравившейся, ставшей тебе родной ступеньке закрепиться, пустить корни.

Выражение есть такое — «Искоренение привычек». Вот и искореняем привычки, *только в основном друг дружке*. С одной стороны, можно и обидеться на всех. А если копнуть поглубже, то видно, что помогают не прирасти к этому, уже ставшему родным и знакомым, болоту, а шагнуть дальше и выше.

Но есть еще такое действие, как толкнуть в спину. Это, конечно, не одобряется вслух, хотя частенько присутствует во взаимоотношениях.

Некое разнообразие присутствует в Восхождении.

«Давайте все вместе... (шагнем, осудим, выгоним, исключим и так далее)».

«Я один, ко мне не подходить, а то... (спрыгну, побую, убью и так далее)».

«А вот его поднимем, поможем шагнуть на то, что повыше, а он нас отсюда вытянет».

И помогают ведь, только вот мало кто вспоминает об этом (много примеров есть в Истории).

Ну а там, на отшибе, никому не мешая, не указывая, в связке друг с другом, с подстраховкой, идут те, кто к восхождениям готов. Без суеты, шаг за шагом, передавая опыт с верхних этажей — нижним, блюдя правдивость и праведность, пытаются передавать без искажений знания, так и идут из века в век, из тысячелетия в тысячелетие. Говорят — доходят. Это те говорят, кто в хвосте находится (в общем, на нашем с вами уровне). Им сверху по цепочке передали, дескать, первый — дошел.

Как их назвать, впрочем, без разницы: есть Буддисты, есть Кришнаиты, Дон Хуановцы — названия не важны. Суть в Сотрудничестве. Тут прослеживается некое целесообразие, никто не соперничает ни с кем, не хвастает достигнутым уровнем, а каждый на своей ступеньке делает то, что по его природе и местоположению положено. Служат Богу и друг другу; кого-то подтянут (при условии, что тот старается изо всех сил), кому помощь оказывают. А кого-то и поддержат, если вдруг оступился по незнанию или торопливости. И ведь — Идут! Не удерживают силой недовольных своим положением собратьев. На других ступеньках места достаточно, недовольный иди недовольным — с Богом, там тебе и интересней потолкаться да в Революциях поучаствовать, кого-нибудь свергнуть, сдернуть за ногу.

Так что на самом деле каждый выбирает сценарий по душе, и если уж завяз в какой-то Игре, то сам из нее и выходи, без обвинений кого-либо, в первую очередь себя.

Глава 25

Колесо, колесо, колесо Воплощений и Времени,
Недостатка в тебе не видать,
Привели мне коня, но без сбруи и стремени,
И попробуй себя тут догнать.
По хранилищам клада да памяти
Я без устали в вечность бреду,
Кто-то кличет меня, чтоб себя найти
В этом огненном, плотном бреду.
И по спицам сомнения времени,
По причинам, закрытым в ночи,
Ходим в вязких запрудах сомнения.
Ходим в страхе — коль Знаешь — молчи.

Тяжесть загрузилась в тело. Незаметно так, слабыми потоками струясь из чужого пространства. Реально давит на плечи, усиливая напряжение, возникшее несколько дней назад в теле. Я не обращала на это особого внимания, думая, что все исчезнет само собой. Но не тут-то было. С утра придавило так, что казалось, позвоночник поскрипывает. Откладывать просмотр и разбор выкатившейся откуда-то ситуации уже было невозможно. Придавило сильно.

Я погрузилась в напряжение и обнаружила Нечто, напоминавшее огромного седого великана, распластавшего руки-крылья в поднебесной вышине, застывшего в непрерывном движении. Непричастность к моей проблеме явно читалась в той конфигурации, которая проявилась в пространстве по частям, сквозь туман, дымившийся гейзерами в пространстве. Проявились неявные контуры формы: головы, рук и спины, которая чем-то напоминала человеческую фигуру. Огромный пространственный Хребет. Такая ассоциация возникала при первом восприятии появившейся голографики. С моей проблемной реальностью это, казалось, не имело ничего общего. Неимоверно огромные размеры впечатляли, хотя сравнить все это было не с чем, дабы уточнить огромность. Чем же притянуло мое внимание это пространство? На первый взгляд, ничего из всего объема, воспринимаемого мной, не отвечало на поставленный вопрос. Похоже, он по своей сути был неконкретен. А что тогда ожидать от такой постановки вопроса, какой ясности?

Разочарование, которое постепенно пыталось просочиться и заполнить меня, я отметила и предложила ему найти другое пристанище для себя и там питаться, а я на сегодня Едой себя не ощущала. Стоит только этому липучему состоянию разочарованности дать в своем уме прибежище, как оно быстренько сожрет все мое внимание, а саму меня пихнет в сон.

Щелчком в пространстве восстановилась устойчивая картинка, и ее можно было рассмотреть, не боясь, что через мгновение дуновением какого-то другого ритма ее снесет с уровня моего восприятия и она потеряется. Голографическое пространство обрело четкость и яркость. Явно проступила площадка, сооруженная как раз на хребте того существа, которое воспринималось как парящее в пустоте. Возник вопрос: велика ли она? Сравнить опять было не с чем, единственно, что наблюдала я, — края не просматривались, словно их не было. И нечто невообразимо знакомое присутствовало во всем этом. Как будто что-то нашептывал чей-то тихий, до боли знакомый голос. Но вспомнить, чей это голос, никак не удавалось. Ощущение от этого было примерно такое: имея на руках билет с указанной датой спектакля, номером ряда и места, ты подошел к тому месту, где должен присутствовать тот самый номер, но... там пусто. Нет надписи, нет ряда, да и кресло отсутствует, а стоит чистый столик, как в кафе, и едва уловимый голосок нашептывает тебе в ум:

— Зарезервировано, зарезервировано... — и опять, и опять.

— Для кого? — автоматически возникает вопрос. В ответ — колючая симфония ветра наполняет то место, где у людей обычно сердце, шипы втыкаются в тело...

— Зарезервировано, зарезервировано, зарезервировано.

И никого, только едва-едва угадывается присутствие того, на чье внимание я натываюсь последнее время при любой попытке как-то изменить направление движения. Мною играют, как мячиком. Пытаюсь поймать это внимание, но оно ускользает нитью между моими пальцами. Все вопросы пропадают, не успев прозвучать. И вот моя настойчивость вознаграждается, возникает ответ.

— Ты не имеешь права на эту площадку. Она зарезервирована — ни для кого. Ты никогда не ступишь на нее, только вот на этом отгороженном пятачке, помеченном красными флажками, ты можешь иногда стоять на одной ноге — левой. Права стоять на правой ноге ты лишена.

— Так! Тут меня лишили Права, а в другом месте — Голоса. И что же это? Меня лишили Права Голоса! Вот так! Нет уж. Я не соглашусь с этим. Протестую. Протестую...

Темное пространство, втянувшее меня в себя, пропиталось болью, и эта боль, и эта темнота запрудили мое сознание, до сих пор бывшее ясным и чистым. Хотя мое тело веками было недвижимым, воля удерживала понимание и осознание происходящего. Удерживание в процессе происходящего проистекало по плану, не мной предусмотренному. Но полагаю, что когда-то мое согласие на это было дано.

Итак, мне сейчас предстоит вспомнить нечто важное, поняв которое, можно будет подобрать ключ к происходящему сегодня. Самое главное сейчас пойти в ту точку пространственно-временного местоположения, которое не заполнит ум глюками, а покажет действительное положение вещей на сегодняшний день.

По сути, как только ты понимаешь причину происходящего, роли Игроков и те посылы или задачи, ими поставленные или же перед ними, осознаешь свою позицию и роль в происходящем событии, как тут же начинают происходить изменения и неотвратимо все начинает двигаться и меняться.

И о только что понятом и принятом за Истину можно говорить как о Ложном. Почему? Да потому что там уже все поменялось.

И тот, кто условно был «друг», может изменить свою позицию и превратиться во «врага». Начать преследовать совершенно другие СВОИ цели, а они почему-то на сегодняшний день совершенно противоположны моим. Вот и возникает совершенно другой расклад сил. А тот, кто в прежней ситуации казался «врагом», на самом деле, при рассмотрении события с другой позиции, сдерживал меня от опрометчивых шагов, обусловленных моими амбициями, в то время даже для меня скрытых. И каждый раз возникает задача со многими неизвестными. И кажущимися с первого взгляда незнакомыми Игроками.

Но если хорошо присмотреться, взглядеться в суть Игры этих Фигур, то прослеживается очень четкая линия Индивидуальной Игры у каждого, которую ни с чем и ни с кем не спутаешь. Дух Игрока один и тот же. «Запах» Игрока не спрячешь, хотя многие пытаются это сделать, введя Иллюзии, которые уведут неопытного сталкера в совершенно противоположную сторону.

Говоря об этом, не преследую цели кого-то обвинить. Предполагается, что если я сейчас страдаю оттого, что меня предают, клеветают, ещё и пытаются пользоваться мной при этом, то где-то, в незапамятные времена, когда-то, на Вселенских Переходах, я поступала так же. Хотя мне кажется, что нет, но, весьма вероятно, я не помню этого, или же с тогдашней позиции мне мои действия казались справедливыми и целесообразными.

Глава 26

Вопрос, висящий в Веках.

— За что меня так с регулярной настойчивостью упаковывали в саркофаг? Да и ладно, если бы после смерти. А то в полном расцвете сил, и не в безумии в то время я находилась, а как раз в полной осознанности и дееспособности. Что же на самом деле происходило, в чем причина того, что по прошествии тысяч, а может, и более времени по мне звонят Колокола?

Эти колокола в моем сердце, уме, сознании. Они не дают мне уснуть, хотя со всех сторон сыпятся советы и пожелания:

— Остановись, успокойся, не дергайся, не лезь туда.

Все это направлено на то, чтобы я испугалась сама себя, поверила в свою никчемность. Остановилась, испугавшись других, перестала докапываться до причины страданий, своих и чужих. Вы думаете, что мои страдания не связаны с такими же ощущениями других? Еще как связаны.

Примерно как в этом кошмарном сне.

Сумерки. Я плыву рядом с другими по реке, и она холодна, водоросли и коряги цепляются за ноги, холод проникает в сердце, и судороги начинают сковывать мое тело, а чайки пикируют и пытаются выклевывать мне глаза, предполагая, что Дух уже покинул тело. А самая наглая птица села на голову, долбя по темечку, желая успеть посмаковать еще теплую пищу. Там есть и те, другие люди, плывущие рядом, они тоже испытывают нечто похожее.

Некоторых крутит в водовороте так, что они уже не понимают, где у них руки, а где ноги. Они слишком много хотели в своих прежних жизнях. И теперь самые противоречивые желания сбылись все одновременно. И получился — Ад. Тем, кто погружается в пучину водорослей своих желаний, непросто.

Они, конечно, пытаются схватить кого-то за ноги, кто-то от отчаяния, кто-то со страстным желанием выплыть. Наши страдания как-то связаны, ведь мы в одной реке и течение несет нас в одну сторону, захлебываемся одной и той же водой. Мы связаны одной Причиной.

— Почему мы здесь, хватаемся друг за друга, пытаюсь глотнуть еще раз воздуха, а получается, топим того, кто не отбрыкивается от цепких пальцев. Да и того, кто вытаскивает тонущего, «нежненько» цапаем за шею и душим. Почему? Почему топим друг друга?

— Посмотрите! Река кишит утопающими, а дно устлано трупами, руки которых судорожно сжимают чью-то руку или ногу. У некоторых в руках обрывки чьей-то одежды, вероятно, тех, кто не позволил себе пойти на дно. Вырвался из цепких ручонков собратьев.

По берегу этой бурлящей реки бегают люди. Они что-то кричат, размахивают руками, дают советы. А из воды несется призыв:

— Как же! Вам легко давать советы, вы шагайте к нам и сами посмотрите, как тут нам на самом деле. Трудно или легко следовать вашим советам.

И кто-то шагает. Сначала по колено, пытаюсь протянуть руку и вытянуть кого-то. Потом дальше, по горло, погружаясь в чужие проблемы. И тут... его подхватывает волна возмущенной воды. Теперь берег оказался вдали, и ему самому необходимо прилагать усилия, чтобы с ходу не оказаться на дне. Уже не до помощи другим, выплыть бы самому. А со всех сторон тянутся руки, просящие помочь, и тех, кто едва держится на поверхности, и тех, кто уже идет ко дну. Вот тут я понимаю, что необходимо делать выбор. Или вместе со всеми идти ко дну, или быстро разворачиваться, несмотря на крики. Не обращая внимания на угрозы, а заявлять о несогласии погружаться в пучину их мира. Как можно быстрее возвращаться к берегу. И когда уже под ногами твердое дно и берег виден ясно и четко, можно сделать передышку. Собравшись с мыслями, я обнаруживаю, что, двигаясь в этом направлении, в котором двигалась по наитию, достигла опоры, передышки и понимания происходящего. Некоторой свободы выбора и передвижения.

Вот тогда-то в мою спину понеслись проклятия, да не только мне, а и другим, тем, кто тоже выплыл.

— Не вытаскили, не помогли, не подставились под нашу беду, убежали.

Я это понимаю и начинаю испытывать вину. Добравшись до берега, скорее, скорее пытаюсь построить мосточек. Тем, кто требовал помощи, бросаю веревку, дабы кто-нибудь ухватился и помог сам себе, а я тут, на берегу подтяну да подсоблю.

Но что же происходит? Я удивлена и не понимаю...

Помощь принимают не те, кто кричал и обвинял, а те, кто молча пытался удержаться на плаву. Они-то зубами хватаются за эту соломинку, усиленно гребя руками к берегу. Кто-то слеп и глух и только на чувствовании плывёт к этому самому мосточку.

А что же те – орущие и скорбящие?

А они в безумии продолжают Свою Игру в *утопавших*. Это приносит им наслаждение, вдохновляет — это Их Жизнь. А меня, вроде бы знающую, как выйти из передрыг, как закончить Игру в Несчастных, Больных и Обиженных, меня прогоняют, дабы те, которые хотят проснуться и освободиться от пучины Вод этой Реки, не услышали это и не потянулись к Берегу. Обвинители мотивируют так:

— Это твой берег, нам и остальным нужен другой, лучше, чище, и вообще это не берег, а остров, а если это остров, то это не то, это тупик, лучше мы тут тихонько потонем и погнием.

— Да, это не Мой Берег, это просто такое место, называемое Берегом, это не принадлежит ни мне, ни вам. Да и Река вам не принадлежит, хоть и называете ее Своей. Она тоже сама по себе. Это мы, существа, привязываем себя к чему-нибудь, а потом вопим во весь голос: «Оно меня поймало».

— Простите меня за все, я вас давно простила. И уже начинаю любить. Отпустите меня из своих топких и илистых умов, я заканчиваю эту Игру в Пльвущих и Утопленников, да и бегать по берегу с протянутой рукой надоело. Ты протягиваешь руку, чтобы помочь, а тебя принимают за попрошайку.

— Кто хочет быть свободным, пожалуйста со мной, будем учиться летать, и не над рекой, выискивая падаль, чтобы поест, а в высоте, где только Небо и Ветер.

— Я приглашаю в полет, без зависимости и подставы. Создадим стаю свободных в полете существ. И если нет, то я все равно буду учиться летать, и я буду летать!!!

— Я прощаю и перестану удерживать всех! Во все века и времена. Отпустите и вы меня.

— Я СВОБОДНА!!! Я просыпаюсь из этого кошмарного сна.

В свободном полете
 огня передел,
В небесной охоте
 плечом суть задел.
Рыдают сказанья,
 проклятье сбылось.
Уйду из преданья,
 сквозь время —
 насквозь.
В небесном полете
 из сути причин
Изыск в той охоте
 в обилие личин.
И маски все сброшу,
 завоет шакал,
Там пепел порошей
 мой след заметал.

Глава 27

Смешные обстоятельства. Неожиданное знакомство. И ментальное пространство заполнилось нескончаемым потоком болтовни из ума этого человека. Ну, день, два — я ещё могу понять, и ладно бы просто безобидная чепуха. По пространству проходили конкретные вопросы, на которые сложно было не отвечать. Я придерживаюсь такого правила: не надо лишний раз влезать в пространства людей и искать ответы на вопросы, которые проще задать тут, в этой реальности. Во-первых, вторжение никогда не проходит незамеченным, вопрос только в том, осознает это тот человек, в уме которого вы ковыряетесь, или нет. Но реакция на ваше вторжение всегда будет. Проявиться она может по-разному. И в отношении вас, возможно, будет направлен удар, потому что вторглись без приглашения. Совет: контролируйте свой ум. Короче, забитый мусором дурацких вопросов эфир сильно напрягал. Пришлось погружаться в то событие, где я встречалась ранее с этим существом.

Ассирия.

Новый век правления лучезарного страшилища. Пока еще не могу вспомнить себя, ни имя свое, ни роль во всей этой истории. Единственное, что назойливо маячит перед глазами — это чьи-то черные как смоль волосы, продолговатое лицо и немигающий взгляд. Волны волос, как рябь на море. Как же мне тебя вспомнить, и себя заодно, а то мысли твои висят в пространстве плотной стеной. Ты трогаешь мои чувства, непрестанно задаешь свои вопросы и силишься понять, что же привело тебя в этой жизни ко мне. Может быть, чувство мести, той желтой и жгучей, что сидит у тебя в печени. А тут, в этой реальности, ты совсем не похож на себя. Только по манере безапелляционно задавать вопросы и вытягивать нужный ответ, по некому неуловимому желанию властвовать над всеми. Как же так случилось, что и голос, и лицо изменились, тело тоже стало другим — женским, а склонность к магии

осталась, сохранив качество и структуру волос. Неумные желания спрятаны так далеко, что только по проявленным признакам на теле, а конкретно — лице, их можно определить. Каким ветром тебя занесло, я, конечно, догадываюсь. Тем самым влажным магическим, по которому ты движешься к возможности воплощения своих желаний. Ты никогда не считался с мнением других, да и вообще не считался ни с кем и ни с чем. Проявляя своевластие даже в мелочах, тебя не касавшихся — в какой одежде должны ходить твои подданные, какие дети должны у них рождаться и сколько. Каждая вещь в твоём жилище должна была занимать свое место и быть определенного цвета и формы. Ориентация входа и выхода, высота и ширина ступеней, а об орнаменте на стенах и говорить излишне. Ты контролировал все, что мог охватить своим вниманием. За некачественно или неточно воспроизведенную пиктограмму, символ, рисунок в те времена ты лишал права называться Мастером и отправлял провинившегося выращивать животных.

Цвет твоей одежды высчитывался Астрологами, так чтобы он соответствовал характеристике планетарного единства. Все это на самом деле было магией пространства, слов, цвета, звука, жилища. Она пропитала в то время всё твоё царство. И проводником ее был ты. **Теперь, в двадцать первом веке, это называется Фэн-шуй.** Ты этим владел виртуозно. На магии держалось твоё царство и цело, но корни его уже начали гнить. Ты этого не замечал, упоенный своей самостью. Дух призрачной победы торжествовал во всем, чего касалась твоя рука и твой ум. Постороннего наблюдателя это восторгало, тебя славил. А каково жилось подданным под гнетом твоего правления. Их души оскудели и опустели от постоянного навязывания желаний. Их Дух приходил в упадок. Хотя, на первый взгляд, не было ничего зловещего во всех этих магических штучках. Ничего лишнего. Что плохого в том, что вы должны хотеть процветания государству, своим детям — благополучия, вы должны быть могущественны и не покоряться. Любые чужаки должны разбиться о вас, как о стену. И так в душах каждого строились стены, только впереди был открыт проход вперёд к светлому будущему. Забывалось и стиралось из памяти все, что было неудачным, некрасивым, все, что казалось поражением. Сжигали манускрипты и уничтожали тех, кто не хотел забывать.

— В моем царстве наступит рай.

Эти слова укором до сих пор звучат в моем уме. Тогда казалось, что имени твоего мне не забыть никогда, а сейчас я не помню даже своего. Мне необходимо вспомнить его обязательно, для того чтобы понять, а кто же я там, свою роль и что же я натворил с собой и с другими.

— Попробую пойти по чувствам, может быть, они выведут к истине.

Начинаю скользить вниманием по тем крохам воспоминаний, за которые цепляется мой ум. Постепенно чувства приобретают окраску и объем. Начинаю чувствовать боль. Больно моей душе, потому что так, как я там живу, то, что я делаю, противоречит моему внутреннему пониманию, моим принципам. Я как будто раздвоенный. Левая часть моего сознания — послушная и благонадежная, предприимчивая, готовая служить. Благоговеино внимающая каждому вздоху повелителя. Эта часть полностью принадлежит тебе, всемогущий владыка. И повелевая, ты был всегда уверен, что все будет в точности исполнено. Ты владел моим умом. А вот вторая часть — сильная, знающая, в ней зрел бунт, подавленный бунт. Я всегда знал и понимал — все мои поступки, которые я совершал, следуя твоим приказам, противоречили глубинному пониманию истины и справедливости, и это приносило невыносимые страдания. Между этими двумя моими Я находилась пропасть, с каждым днем она становилась всё шире и глубже. Чтобы перестать предавать свою душу, я предал тебя.

Я убил свое тело, выпив яд. Вместо пышных похорон, полагающихся мне по статусу, повелитель приказал закопать меня, как собаку. Вероятно, отомстил. Магам чуждо чувство любви и благодарности, а тем более Великим Магам. Никто не мог понять, почему я это сделал. Я не нуждался ни в чём, была и власть, и роскошь. Но Правая рука, в моём лице, отказалась служить своему повелителю. Я так и не вспомнил свое имя. Вероятно, ты стер его в своей и моей памяти. Как стирал и другие события, тебе неудобные. Как стирал с лица земли всех неудобных тебе.

Несколько дней назад, уходя из моего дома (в своём новом, женском теле), ты сказал:

— Я через вас увидела кармический узел, могу ли я его развязать?

И я ответила: да конечно, если хватило сил увидеть, то развязать всегда можно.

— И я, как Великий Странствующий дух говорю тебе, Великому Странствующему духу: развяжем узлы, простим друг друга, и каждый пойдет своим путем. Теперь я помню, я был твоим братом, помощником и правой рукой. Тенью твоей был.

Друг сказал: диагноз таков — наступили трудные времена в твоём правлении, и ты, дорогой, решил подучиться на стороне как людишками управлять. Родился у знакомого властителя и выведал все его секреты. Оказалась, что магия противна твоей внутренней структуре, и когда стало очевидно, что пользоваться ей ты не хочешь, а большего не узнать, ушел из тела. Самость подвела в очередной раз, в очередной раз пытался прогнуть свою линию чужими руками. В этой системе твоего не получится. Правда, в этой жизни оно отозвалось работой с Фэн-шуй, но те давние противоречия не дали пойти этим знаниям в сегодняшний мир. Понимание восстановилось, знания сложились, а передать их людям не получилось, даже заработать на этом как следует. Вот именно потому, что зарабатывать на этом, как он тогда, не захотела, ты и не дала себе влиять такой магией на мир людей снова.

Слышу я все, как ты жалуешься и стонешь про свои страдания, а людям уже тошно от них. Они хотят развлекаться, а не плакать над твоими проблемами. Люди не хотят видеть страдания и хотят помнить только хорошее. Сидят люди на заднице и требуют — сделайте нам хорошо. Требуют от правителей благ для себя и слушаются до поры до времени. А как получают желаемое, то они готовы начхать на президента и прочих государей.

Говорят: теперь мы сами умеем править, вы нам не нужны. И рушится государство под напором таких бездельников.

На чем споткнулся наш незадачливый правитель? Не учел, что эта планета — для экзамена. Каждый пишет диссертацию духовную о том, как поднять духовность и сделать людей счастливыми. А потом ее защищает на практике в миру.

— А постройка, дорогой, теперь по своей программе общество добра и справедливости.

Каждый аспирант предлагает свою модель высокой комиссии. Затем отправляется на Землю строить Рай по своему проекту. В нашей истории столкнулись две направленности. Один предлагал решить проблему через служение государству и строю, другой — через служение своей личной воле, культ личности такой: делайте что вам говорят и будете счастливы, потому что я знаю, в чем ваше счастье. Вот такой фэн-шуй мировой получился, правда, с одним недостатком — душа портиться и черстветь начала.

А без блага для Души диссертацию не защитишь, не проходит это по условию. Главное условие — это спасение Души человеческой от поругания и греха. Грех этот описан в десяти заповедях. Другой диссертант облажался на том, что идеи его для людей были заоблачны и непонятны. Как рядовому эгоисту объяснить, для чего необходимо служить обществу и людям, что именно в этом благо его будет? Эгоисту нужен немедленный результат. Такая позиция ума называется прагматизмом, и наш диссертант в попытке услужить человечеству сам попался на крючок прагматизма. За что и пребывает сейчас вместе с другими эгоистами на этой Земле. Чтобы, так сказать, изнутри понять их желания, чаяния и привычки. Увидеть, в чем был прокол в работе с ними. Действуя непривязано в отношении к плодам своим, он просмотрел мотивацию рядового гражданина, ориентированную на мгновенное воздаяние. Сделал доброе дело — получи конфетку. Если конфетку дадут завтра, то гражданин уже вряд ли свяжет ее со своим благим поступком, а запросто припишет благо другому своему действию, например —ю магии. Поэтому стратегия кармического воздаяния хоть и прошла для высших Юг, теперь в Кали-Югу пробуксовывает. Из-за того что люди потеряли истинное видение причин и вытекающих из них следствий. Происходит это из нежелания получать негативное кармическое воздаяние за свои поступки. Проще не помнить ту массу греха (нарушения божественных законов), чем сполна и осознанно получить за них. Неосознанно получать даже приятно — можно поплакать, что несправедливы законы в этом мире, и из-за этого его надо менять. Совершенно новый вид деятельности открывается.

В Кали-Югу проще работают методы жесткого наказания, нежели нравственного обучения. Хотя нужных результатов они тоже не дают. Проблема заключается в неумном желании людей наслаждаться при любой погоде, но лучше пусть это будет происходить в комфорте. Отказаться от наслаждений трудно, потому что какой-то «герой» защитил диссертацию по ответно-раздражительному механизму души. Благое дело сделал — будет тебе и благодать сладкая, а неблагое — будет страдать душа и мучиться. Туда же встроили и совесть, что бы управлять через нее чувствами человека. Плохо работает, особенно в Кали-Югу. Бессовестными все становятся и плюют на воспитание и совестливых учителей. Иногда особо рьяных просветителей прибывают к кресту, чтоб другим неповадно было такие нравоучительные речи вести.

Что делать? Извечный вопрос. Как прийти к миру и пониманию, счастью, наконец? Вернемся к тому рецепту, который принес Христос, — простить, искренне и действительно истинно простить всей душой, ибо в душе живут наши чувства. Ведь он простил тех, кто мучил его перед смертью, тех, кто сделал ее многострадальной. А мы порой не можем простить самой малости, какой-нибудь мелкой обиды и нелестного слова в свой адрес. Христос предателя своего простил, а мы убить готовы того, кто недодал нам чего-нибудь или не выполнил прихоть нашу эгоистичную. Простить и отпустить агрессию и вражду к близким и врагам, смирить гордыню для этого придется, а иначе невозможно простить. Пока живет горделивая самость, невозможно принять свою судьбу. Горделивая самость — первый враг на пути духовного воина. Она быстро приведет его к гибели тела и души. Смирите гордыню самости и простите все прегрешения, свои и чужие.

Поднимите завидующие глаза от земли, не тяните из нее последние соки. Нет на ней счастья, и не будет, пока здесь живет гордыня и царствует месть.

Второй враг — жадность (зависть, ревность). Она держит вас рабом ваших чувств на планете. Пожирает ваше внимание, накрепко привязывает ваш Дух к Телу и страстям человеческим.

Третий и наихудший враг — Ложь. Хотя на самом деле с нее все и начинается. В погоне за желанием существо начинает врать и изворачиваться, как уж на сковородке, запутывая себя и других. Путая следствия и причины, меняя события, создает удобную только себе реальность, с тем чтобы в итоге взять то, что хочется иметь в своем распоряжении. Постепенно это начинают делать все, ведь мы учимся друг у друга. Здесь ведь школа! Придумал, как обмануть соседа, глядишь, и тебя уже кто-то сумел надуть.

Чтобы выйти из всего этого для начала перестаньте врать хотя бы сами себе. Это сложно — привычка берет свое. Привычка — это то, что человек не может и не хочет, остановить.

Есть люди, которые не врут, говоря: «Хочу править миром». Искажают при этом намерение. Объясняют, что-де для всеобщего блага стараются, на деле же хотят получить для себя почести, награду моральную и материальную.

Благо для всех?! Но при этом ненавидят соседа, который что-то не то творит. Что станет с тем соседом, когда новоявленный вождь придет к власти? Потому и руки короткие, а рога спилены.

Глава 28

Последние годы стало весьма модно говорить о прошлых жизнях. Как в грибной год повылезали кудесники, высчитывающие ваши прошлые воплощения, где и кем вы были. Называют смешные цифры 3, 18, 65 жизней. Может, и можно высчитать какой-нибудь фрагмент из тех бесчисленных воплощений, но они так далеки от понимания того, что это такое на самом деле. Для них это что-то вроде старого безобидного фильма. На самом деле все это находится не где-то там, позади, а здесь, рядом с нами, в настоящем. Те же любимые обнимают нас, как и тысячи лет назад, и смотрят теми же глазами, но из других тел. И от обид болит та же самая душа.

Линейный человеческий ум разделяет время на прошлое и будущее, помещая между ними настоящее. В реальном Божественном мире время едино и неразделимо. Все существует сжато в едином миге существования, в бесконечной спирали развития и падения духа. Для того чтобы прожить эту иллюзию времени, нам и был дан ум. Он кроит и делит цельное время на череду воплощений, череду жизней и смертей.

Какая плата за эту иллюзию.

Смешная! Надо только поверить по-честному, что все это существует взаправду, и окунуться в пучину страстей этого существования. А потом уж не плачь. Ведь награда — наслаждение.

Как далеко мы можем зайти за этой наградой, за позволением побыть в роли творца этого мира. Как далеко зашел Люцифер в своем стремлении превзойти Создателя.

«Бедные хорошие люди» страдают якобы от неблагополучия. А на самом деле от несбывшихся желаний. Ведь обещано было все — бесконечное наслаждение и мгновенное исполнение желаний. И всё это на принципе свободной воли, которую никто не смеет нарушить. Такова была гарантия.

Одного не учли, что твоя свободная воля рано или поздно пересечется со свободной волей другого такого же существа, и вы опрокинетесь в пучину уже нешуточных страстей в этом мире, в войну за проведение Своей Свободной Воли. Своей и только своей. И так думает каждый.

Чья воля должна воплотиться? Кому отдать предпочтение, на чьи мольбы ответить Создателю?

Делить было нечего, когда мы были всемогущими и не вошли в миры ограничений. Все изменилось тогда, когда возник первый дефицит. Как каждому существу получить желаемое? По какому принципу раздавать блага божественной милости? Бог решил дать людям возможность разобраться в этом вопросе самим. Что тут началось... Плоды мы пожинаем до сих пор.

Богу оставалось следить только за тем, чтобы не нарушилось равновесие мира и люди не опрокинули его в бездну. Великие полубоги поставлены служить этим весам. Когда одна чаша весов начинает слишком перевешивать, на другую подбрасывают гирьку для равновесия или снимают с той, что тяжелее. А в мире человек выглядит так: пришел Герой и ушел в мир иной, исполнив свое предназначение. Сколько было совершено покушений на Фиделя Кастро? Несколько сотен, а он все живой. Не американцам решать, кому из лидеров истории жить, а кому нет. Не в их это власти, а во власти божественного провидения, под которым мы все ходим.

— В моей власти решать: распять тебя или помиловать, — сказал прокуратор.

— Нет твоей власти надо мной больше, чем та, что дана тебе свыше, — ответил Мессия.

Так приводятся в действие вселенские принципы самоорганизации и равновесия. Закон сохранения поддерживает систему в относительном покое до момента завершения каждого цикла игры. А потом наступает Великая Пралайя и боги сметают все наши постройки.

А чтоб души не залипали на наслаждениях, их уравнивали страданиями и тяготами телесно-материального существования. Теперь вот хочется понаслаждаться, а вместе с маслом дают пуд соли. Съешь — дадут еще. И за толику мирского счастья люди готовы заплатить всем на свете: счастьем, здоровьем, любовью. Как мотыльки, привлеченные светом, они летят на свою погибель, а потом кричат во все инстанции о том, как тяжело жить.

Если быть внимательным к знакам мира, то легко можно заметить, как то далекое прошлое проникает в этот наш сегодняшний день. При условии, что ты хотя бы частично знаешь или помнишь свое прошлое. Это сродни воспоминанию об одноклассниках, которых иногда встречаешь через много лет. Они такие же. Чем меньше игнорируешь эти знаки, тем быстрее они откроют проход к тому времени и пространству, из которого идут сигналы.

Глава 29

С приходом вечера усиливалось необъяснимое давление. Схватила мусор и понесла его на помойку. Не хотелось ни с кем говорить. Возникло желание замкнуться и спрятаться. Я стала всматриваться и вслушиваться в те чувства, которые то вспыхивали, то пропадали. Предыдущей ночью в сновидении парикмахеры стригли мне волосы...

В боку усилилась боль, которая беспокоила уже больше недели. Опять в сновидении спасала ребенка, освобождая от каких-то пеленок, в которых он задыхался. Раньше это была подушка. А месяц назад — от молока, оно превращалось в клей и забивало ему рот и нос, не давая дышать. Наутро все эти неясные ощущения оформились в одиночество, присутствовало чувство чего-то безвозвратно отнятого или утерянного. Проявилась ментальная картина женщины, стоящей на коленях, руки которой хватались за траву. Она дико рыдала о какой-то невосполнимой потере. В пространстве повисла дикая ненависть. Определить, чья и откуда, было невозможно. Все это перекрывалось темным пятном.

По этому пятну я сползаю вниз, ниже и ниже. Натыкаюсь на чье-то желание свернуть кому-то шею. Затем на пожелание смерти детям, моим будущим детям. Еще глубже и ниже — моим прошлым детям. И как всегда, идя по этим ступеням прошлого, не знаешь, как и какое пространство распахнется. Внезапно рыдания стали сотрясать мое тело. Рыдала неистово и здесь, и там, в полном несогласии с происходящим.

— Нефертити, спаси моего сына, останови их.

Но та, к которой я обращалась, была неприступна и холодна, как будто меня не слышала. Лицо ее было красивым.

— Заберите богатство и власть, мне данную, верните только сына. Я знаю, кому это надо, я отдам все и не буду проклинать вас. Я буду только благодарить богов.

Не вернут, сердцем я чувствовала, не вернут, забрали не для того, чтобы возвращать. И опять Осирис вспомнит имя того маленького мальчика.

— Как тебя зовут? Твое имя, маленький мальчик?

Он поворачивается с серьезным лицом без тени страха.

— Я не забуду тебя, мама, я буду все помнить.

Там я потеряла рассудок и перешла в другое измерение. На земле осталась непрощенная обида, боль и ненависть. Время правления Аменхотепа (А-мэн-т-хо-тэ-э-бп).

История, произошедшая в глубокой древности, постепенно выплыла на поверхность. Мир устроен так, что, всё хорошо спрятанное, пройдя определенный цикл, оказывается на поверхности. И тогда делай с этим что хочешь. Можешь рассматривать, а можешь не рассматривать — имеешь полное право не обращать на это внимания. Но если в какой-то древней истории осталось много тобой не пережитого, то она, эта история, будет всё время фонить и не давать спокойно жить, сколько бы веков ни прошло!

Родила царица близнецов. Одного — светлогожего, здорового, а другой серенький родился, как довесок. Сросшиеся голени у них оказались. Первого левая ножка, а тот, который поменьше, да побольнее, правой ногой оказался приросшим к единоутробному брату. Но эта их история в следующей книге, а моя попроще, да и ближе к собственному телу.

И опять множество вопросов, ответы на которые не торопятся рвануться мне навстречу. Их нахожу, только погрузившись полностью в эмоцию, которая сочится из глубин неосознаваемого прошлого. А это опять новая душевная боль от забытых во времени событий. Конечно, рада была бы вас порадовать веселым повествованием, но, увы...

— Я не забуду тебя, мама, я все запомню, — маленький мальчик спокойно смотрит на меня без тени страха на лице. Не потому, что не понимает происходящего, а потому, что осознает происходящее в полной мере. Да и как ему не осознавать, ведь он рожден Помнящим себя.

— Нефертити, спаси моего сына, это же в твоих силах! Помогни, скажи свое слово! — на коленях я стою перед величественно восседающей подле своего правителя и мужа Аменхотеба царицей. Холодное, красивое лицо её как маска. Ни малейшего проявления эмоций, даже взгляд не опустила на меня.

— Как же так можно — стать за такой короткий срок правления бессердечной и ничего не чувствующей! Ведь это твой племянник. Сын твоего единоутробного брата. Неужели ты не помнишь, как он в детстве помогал и спасал тебя от многих неприятностей, в которые ты попадала не по своей воле. Неужели всё оказалось забыто тобой, вместе с твоим восшествием на престол правления? — Все эти вопросы, прозвучавшие в моём уме, я не решилась произнести вслух. Внимающих ушей вокруг и цепких глаз много очень. И борясь за место поближе к трону, они непременно истолкуют любое, даже справедливое замечание, как измену Солнцеликому.

— Чудовище он, а не Божество, которым он себя мнит!

По его приказу и с его одобрения жрецы уводят моего мальчика.

Все мое детство прошло в служении на храмовых церемониях. Я знала порядок всех обрядов и ритуалов, проводимых жрецами. Я, рожденная в семье служителей внешнего круга, с детства прониклась пониманием истинного предназначения служения и сразу могла отличить в любой церемонии присутствие чьей-нибудь закулисной игры. Сегодня это случилось со мной, я оказалась пешкой в чужой игре за власть.

— Н'Асхаил, ты думаешь, я не чувствую твою откровенную радость от того, что меня лишают сына, законного наследника своего отца Атона. Наследника титула и всех земель, принадлежавших отцу, который уже ушел в Мир Мертвых. Он реально при жизни обладал духовной силой и властью, и к его советам прислушивались многие жрецы. Еще несколько зим, и власть перейдет к моему сыну. Уже сейчас в нем видится прежняя сила Атона, его разум и воля.

— А кто ты? Сын кухарки, прославившийся своим умением получать выгоду даже от самого себя. Ты подкупил астролога, и тот составил подложный гороскоп. По его расчётам жрецы представили способ сделать правителя бессмертным. Нужно было только получить душу Помнящего Себя. Потом они проведут его по порталам памяти и сотрут все воспоминания, чтобы он стал безызвестным потерянным Духом. Затем, используя магию, завершат ритуал. В результате Правитель может получить ожидаемое бессмертие, а исполнители — высокую милость и награды.

Чувствую, как этот сценарий начинает разворачиваться и постепенно увлекает меня в происходящее. Ум заставляет проигрывать его снова и снова. Подталкивает к желанию вывести всех на чистую воду, но ужасная боль потери отталкивает сознание от погружения в ту реальность.

Я решила оторваться от повествования, сварить кофейку, и обдумать. А может кофейная гуща покажет какую-нибудь картинку, и это станет мне подсказкой. Я не верю в предсказание будущего, основанное на кофейной гуще. Вода напитывается эманациями человека, который держит кружку. После этого кофейная жидкость по-иному структурируется и может содержать в себе всю информацию о прошлом и настоящем человека. Частички гущи ложатся на поверхность кружки в соответствии с информационной структурой, приобретенной жидкостью от контакта с индивидуальным человеческим информационным полем. Фактически отпечатывается матричная программа, которая в данное время имеет сильную тенденцию влиять на вашу жизнь. В задачу гадалки входит умение правильно считать информацию и не исказить её призмой своих личных проблем, предвзятости или желанием угодить клиенту. Сказать ему то, что он хочет услышать. А что хотят люди услышать про себя?

— Всё будет хорошо, удача повернётся лицом, а не попой.

— Ты выйдешь замуж, и только за богатого и красивого.

— Бизнес твой расцветёт сам по себе, все проблемы исчезнут, а враги получат по заслугам.

Клиенты потом сидят и ждут с надеждами, когда это всё сбудется! А жизнь как по рельсам шпарит по той матричной программе, которая выплыла на поверхность в силу сложившихся условий.

Кофейная чашка всегда отражает тот диапазон восприятия реальности, на котором находится Мастер. В котором он работает и в котором живёт повседневной жизнью. Если гадалка живет в проблеме, как найти подходящего партнёра, то ее повествования и будут на уровне соперниц, порчи, замужества и разводов. Тот Мастер, который завяз в «праведных» и справедливых войнах, обеспечит вам проявления того плана, где и вы будете биться с «врагами». Это не критика коллег по цеху, а сведения, полученные из реального наблюдения действительности.

У меня, например, тоже все, что я ни делаю: гадаю ли на кофе, диагностирую проблемного клиента, делаю массаж, — всегда обнаруживаю матричные программы, хочу я этого или нет. В кофейной чашке моего клиента всегда присутствует фрагмент его прошлой жизни. Иногда и не знаю, как сказать об этом, человеку, для которого понятие «чакры» является непонятным и чуждым. Или случается спонтанный отсев, те, кто не желает разбираться со своими внутренними проблемами по-настоящему, ко мне просто не доходят.

Так, а что же у меня отразилось в чашке. Глянув, я опять подивилась тому, как Мир каждое мгновение отображает наш *внутренний мир*. Посредством ли кофе, карт, событий, людей или снов. Инструментов у него множество!

На дне чашки проявилось несколько букв, которые переходили в две сросшиеся, похожие друг на друга фигуры. По краям, люди в длинных одеждах тянули руки вверх, то ли за подаянием, то ли пытались поймать летящих птиц. Они карабкались друг другу на головы, застилая глаза одеждами. И все застыли в своём движении. Все рвались наверх, не видя, что двигались на дно чашки, а когда я поставила чашку на стол, то они вообще оказались вверх ногами. В верхней части — коленопреклонённая фигура, обращенная к профилю Нефертити, какой мы тут ее знаем по изображениям, дошедшим до нас. Но почему-то медленно сползающая вниз. Любопытный товарищ подошел и углядел караван верблюдов.

Чашка так раскрылась, что, только глядя в неё, можно написать целый рассказ. Но тогда я сильно отвлеклась от основной линии.

Смею заметить, что каждая прожитая жизнь оставляет свой след в сознании. А в следующих жизнях это может выражаться совершенно по-разному.

После прожитой жизни остается интерес к той стране, в которой она проходила. Нравится музыка, культура, язык этой страны. Хочется там побывать. Или не хочется, если там возникали большие проблемы.

Глава 30

Лена тормозит с утра с писаниной. Стала смотреть. Вышла на планету, невидимую в Солнечной системе, пятую от Солнца. Она впитывает слова, идеи, мысли, впечатления. Сны, образы, фразы,

насыщенные силой. И таким образом она постепенно уплотняется и когда-нибудь станет плотной. И те существа, чьи образы она впитала, будут потом притянуты к ее поверхности и будут вынуждены жить на ней. Так планетка заботится на стадии роста о своем будущем населении. Впитывает эманации планет, и старые планеты, умирая, становятся потом спутниками новой планеты. Притягиваются и падают на нее метеоритами. Видимо, и мы с Марса не просто так здесь застряли. Возможно, Гея впитала наши сновидения, а потом притянула нас. Она впитала не только нас, но и мысли тех, кто думал о нас, чтобы помочь вырваться с нее. И потом им пришлось родиться на Земле.

Марс нас отпустил, он пресытился и отпустил. То, что мы попали в ловушку, — это наши проблемы. А Марс уже охладел ко всем этим играм, он пресытился и отпустил нас. А Гея была ненасытна и впитала нашу цивилизацию. Так и человек может охладеть к радостям жизни, к интригам, к играм и уйти на покой. Выглядит это как шар, скатанный из теста, а поверх намотаны стеклянные перекрученные нити.

Можно страдать по этому поводу, а можно иначе. Планета, как губка, впитывает наш ментальный мусор, и он не загрязняет окружающие миры. Кто притянется, тот и будет жить там с подобными себе товарищами. Грезы в песнях о далеких мирах, на этих импульсах и ловятся люди. И как бы нам ни хотелось игнорировать свои мысли, отвечать за них придется. Как часто слышишь: о чем-то подумал, а глядишь, мне сделали. Купили то, о чем грезил. А как часто человек в мыслях убивает других соплеменников. Как часто желает недоброго.

Глава 31

Сначала вспышка памяти озарила тело, принадлежащее мне, одновременно местоположение в пространстве. Меня поразило великолепие этого многомерного плана сфер.

Тело нельзя было назвать ни мужским, ни женским, но как ни парадоксально, можно было сказать, что менталитет женский, и что самое необъяснимое, тут же сказать с уверенностью: «нет, мужской». Присутствовала некая целостность, почти в первозданном виде.

Телесная оболочка не была из мяса и крови. Плотность, конечно, присутствовала, но она напоминала плотность только что выпавшего толстым слоем пушистого снега. Конфигурация, можно сказать, человеческая: две ноги. Так, а дальше, к удивлению, обнаруживаю множество рук, хотя, наверно, с человеческой точки зрения, невозможно расположить гармонично на теле шесть рук. Пара красивых изящных рук, можно сказать, спереди и пара таких же, вы можете, наверно, подсказать — сзади, — нет, еще раз спереди, хотя с другой стороны.

Дело в том, что это тело увенчивают две головы, и это не кажется уродством, а даже очень гармонично и красиво выглядит. Еще одна пара рук располагается по бокам. И они все независимо друг от друга производят какие-то движения. Плавные и точные, как в очень сложном древнем ритуальном танце.

Ниспадающая, как из болотных водорослей, одежда свободно облегает тело, прикрывая ноги. Ступни не похожи ни на что, привычное в нашем мире. Нет, вроде, они чем-то напоминают ноги большой птицы. Ноги существа, которому одинаково удобно идти в любом направлении относительно тела. Чтобы пойти в противоположном направлении, не существует понятия «повернуться» и «вернуться». А также понятия «движение вперед». И понятие времени тоже совершенно другое, присущее совершенно другому восприятию сущностной основы мироздания.

Нет «Завтра» и «Вчера», есть только «Сегодня». И соответственно никаких планов «завтрашнего дня, месяца, года» не существует. Нет сожаления о прошлом, о неудавшихся, невоплощенных идеях. Нет этого Умоблудия, так присущего людям системы Солнца. Только восприятие того, что присутствует, и принятие тех впечатлений, которые возникают от восприятия. И необъяснимо великая Ответственность и Служение. Служение не за что-либо. Ни за предполагаемые возможности и почести. Ни за ранги или особое покровительство, под которым можно творить беззаконие, нарушая все принципы Гармонии. Нет. Просто Служение в Ответственности и пребывании в Наслаждении от постоянно творимого действия.

Глава 32

Танец

Под сводами колонн было не протолкнуться. Дышащая толпа сливалась в единое существо. Только сверкание глаз выдавало различные настроения пришедших сюда: кто-то пришел за помощью, кто-то просто поглазеть, ну а некоторые — чисто со скуки. Были и те, у кого в глазах был страх, они пришли влекомые толпой, не по собственному желанию, а по недоумению.

Толком рассказать о происходящем в храме никто не мог. Рассказни, бродившие в городе на этот счет, были разноречивы. Но развлечений в то время было не так много. Поэтому люди, несмотря на свою занятость или свой страх, приходили сюда и, наверно, пытались понять то действие, которое здесь происходило. Многие приходили, просто подталкиваемые своим любопытством, не думая о том, зачем им это действительно надо.

Под сводами храма было тесно от толпы человеческих тел, но та площадка, на которой должно было происходить представление, была свободна. В ожидании начала толпа тихонько гудела, как пчелы возле улья, но не было никаких громких выкриков. Даже дети молчали и пытались понять, зачем их сюда привели. Они еще не потеряли тонкого чувствования. Дети робко жались к родителям, обнимая их за шею, и пытались спрятаться от людского внимания. А может, от того необъяснимого, что ожидалось здесь.

Послышался скрип открываемой двери, и толпа расступилась, пропуская на площадку странное существо. Тело его было скрыто одеждой, которые казались бесформенными. Тот, кто был спрятан под этой одеждой, поднялся по узкой лестнице и остановился, прислушиваясь. Пытаясь почувствовать тот узор напряжений, который возник от людских глаз, от их внимания и ожиданий. Настроиваясь на тот рисунок, по которому оно будет через несколько мгновений двигаться в танце. Почувствовав пространство, оно поежилась. Затем спокойно освободилось от одной части одежды, потом из оставшегося вороха одеяний. Сделав шаг вперед, толпа застыла в молчании. Кто-то это уже видел раньше, присутствовал на представлении. Но всё равно люди смотрели на это, как на нечто новое, не виданное ранее.

Многие пришли впервые, они не знали, чего ожидать, но тоже затихли. Существо переступило с ноги на ногу и осмотрелось. Его можно было назвать девушкой, но выглядела она весьма необычно. Она отличалась своим цветом кожи от собравшихся зрителей. Здешние люди были смуглы, темноглазы и отличались веселым нравом. Все были полны жизненной энергии, в меру любопытны и в меру доброжелательны. Общественное мнение не затемняло их рассудок, сковывая рамками приличия.

Девушка шагнула и снова огляделась по сторонам. Видимых глаз эмоций на ее лице не промелькнуло. Стройная, кожа её казалась голубовато-мраморной. На оголенных плечах виднелись перышки. Как будто оципали птицу и оставили в каком-то беспорядке маленькие перышки на её коже. Это выглядело весьма необычно. Лицо гладкое, вытянутое. Глаза. Глаза не птичьи, не человеческие — большие, темные, пугающие своей бездонностью. Казалось, они занимали одну треть лица. Нельзя было объяснить глубину, шедшую из этих глаз, но она завораживала. Девушка посмотрела вверх, как будто прося прощения у тех, кто наблюдает сверху за всей этой суетой. Глянула поверх голов и тряхнула головой. Послышались первые аккорды нехитрой музыки. Музыканты сидели в тени, и их не было заметно до того, как они взяли в руки инструменты.

Девушка запрокинула голову, резко выбросив вперед руку, будто обращаясь куда-то в пространство, видимое только ей. Голос, похожий на клекот птицы, разрезал тишину. Он был наполнен жгучей болью. Болью существа, потерянного, оставленного и преданного. Песней назвать это было нельзя. Как мы условно называем звуки, издаваемые птицами песней, так можно сказать и про девушку, что она запела, начав двигаться. Ее гибкие, с тоненькими пальчиками руки словно начали перебирать пространство вокруг себя, разглаживая в нем складки какой-то невидимой ткани — ткани Мироздания. Двигаясь, она перебирала пальцами каждую складочку, каждый невидимый шовчик, пытаясь найти ту расщелину, в которую можно было выйти. Глаза зрителей не успевали следить за движениями её тела. Танец напоминал порыв ветра, который закруживает в себе всё, что попадет под его влияние, и, набирая силу, превращается в ураган. Танцующая будто стала невидима, а перед глазами зрителей стали разворачиваться невиданные ими досель чудесные виденья. Они словно погрузились в сон наяву. Каждый грезил своим, отличным от сна другого, рядом стоящего соседа. Внезапно призрачный ветер

стих, девушка резко остановилась и замерла. Казалось, она нашла то, что искала. Нашла и погрузилась в неведомое искомое.

Люди смотрели, открыв рот, но не совсем понимали, о чем она пытается им рассказать. Но воспринимая её танец, они все чувствовали боль и безысходность её поиска, красоту, которая заполняла все пространство и погружала людей в легкий транс. Невозможно было описать танец простыми человеческими словами.

Йодра — так звали девушку. Она каждый раз перед выходом на подиум ожидала, что хоть кто-нибудь откликнется на ее рассказ. Ждала, что кто-то поймет ее речь, и она найдет родственную себе душу на этой заброшенной планете, куда волею судеб ее завела Вечность. Йодра каждый раз рассказывала новую песню, беря совершенно другую интонацию, другое пространство, предполагая, что вот на этот раз кто-то почувствует и откликнется, или может быть, вспомнит. Но ничего такого не происходило. Люди приходили, с каждым разом их становилось больше, с каждым разом они все плотнее обступали подиум, но отклика в их сердцах, такого, какой ей был необходим, не было.

Это примерно то же, что и танцевать у бушующего моря или океана. Волны плещутся, они живые, они каким-то образом пытаются достать твои ноги, выплеснуть себя. И тебе кажется, что они понимают и откликаются на твою эмоцию. Ты начинаешь сильнее изливать эмоции и разговаривать с океаном, но тебе его трудно перекричать. Он гудит, и гонит волну за волной, волну за волной. В отчаянии ты хочешь броситься в него, пытаешься получить отклик. Он поглотит тебя. Можно обидеться, отвернуться и уйти прочь — он только брызнет морской пеной тебе в спину, и все. И на мокром песке останутся твои следы, медленно смываемые набегающей волной. И скоро твоих следов не будет, они исчезнут. На песке останется едва заметная цепочка ямок, похожих на след. Их занесет песком подоспевший ветер. И ничего у тебя и от тебя не останется.

Такое чувство она испытывала каждый раз, уходя с подиума, заканчивая свой танец. И в этот раз ее уже не разочаровало отсутствие отклика. Йодра теперь не ждала его от душ этих существ. Ей просто некуда было деваться — она была жива, пока танцевала, пока имелась потребность в ее танце. Пока народ стекался на представления и нес в этот храм свои подношения за возможность посмотреть на маленькую птичку, сошедшую с небес. Послушать ее щебет, непонятный, но ласкающий слух. Посмотреть на чудные движения и получить необычные впечатления.

И она танцевала. Без напряжения, без признаков того, что это была жизненная необходимость, а с удовольствием от делания и желанием рассказать о чем-то сокровенном. Она вынимала его из глубин своей души и россыпью самоцветов бросала в толпу. Но это видела и понимала только она. Люди просто радовались красоте, которая растекалась вокруг них, поглощали ее и уходили довольные. От этого в их сердцах радости становилось больше.

Закончив танец, она застыла, как изваяние, вознеся тонкие руки к небу, и пыталась вымолить милость у богов, которые упрятали ее сюда, в покинутую небом Землю. Но каждый раз боги молчали в ответ.

Йодра никогда не ждала от зрителей благодарности. И в этот раз, подойдя к своей одежде, она нырнула в нее и в сопровождении двух охранников спустилась по ступенькам. Толпа так же молча расступилась и пропустила их. Люди расходились, погруженные в свои переживания. Возможно, их затронуло все это, но они до конца не понимали всей полноты случившегося. Через время пространство храма опустело, и только скомканные бумажки валялись на полу. Оброненное кем-то украшение пыталось сверкнуть камнями и просилось обратно к людям, на чью-нибудь руку. А возле колонны в пыли валялась сандалия с порванными завязками. Кто-то не заметил и ушел почти босиком. Впечатления для него были такими необъятными, что он, погрузившись в них, забыл про себя.

В храме стало пусто. Залетевший ветерок сначала нехотя начал лениво облизывать колонны, затем, развеселившись и набрав силу, стал гудеть. Все закончилось на сегодня, как будто ничего и не было.

Йодра, придя в жилище, где коротала свои дни, вышла на террасу, нависшую над морем. Зачирикала на своём необычном языке, словно продолжая прерванный разговор с ветром. Он усилился, загудел, словно подтверждая, что слушает её.

— Я танцую уже давно, и когда это началось, не помню. Вероятно, еще в тех пространствах, когда была еще бестелесной. Движение энергий переполняло меня, и подчиняясь направлению времени, я создавала свой танец. Со-творяла фантастические пространственные структуры, которые потом растворяла в прах и создавала новые.

Я танцую уже давно. Пытаюсь рассказать всем существам повесть о тех переливах материи, о тех переливах сознания, через которые я проходила, тем языком, который мне подвластен. О тех промежутках безвременья, где зависало мое тело, сознание и чувство. О тех промежутках безмолвия, где я была и где меня не было.

Я танцую телом, танцую душой, танцую эмоциями. Они двигаются вокруг меня искристыми волнами и создают свой необычный танец, который касается душ других людей. Эмоции создают пространство танца вокруг них. Я пытаюсь в танце показать то, что невозможно сказать языком. Я пытаюсь донести то, что невозможно высказать или объяснить. Это можно только почувствовать. Мой Танец прерывался неоднократно, и остановленное время холодцом застывало вокруг меня. И в этом холодце невозможно было танцевать, можно было только петь. А потом и песнь остановилась, оставалось только дыхание. И теперь, когда осталось только дыхание, я пытаюсь снова начать танцевать.

Танец — это гораздо больше того, что они видят. Это больше того, что они чувствуют. Танец — это нечто необъятное. Я танцую перед ними, потому что у меня нет языка, понятного людям. Того, на котором я могла бы говорить с ними. Могла рассказать о своих переживаниях и различных движениях моей души. О падении и взлётах. Всём том, что происходило во временных промежутках, в тех состояниях и в тех пространствах, которые остались в прошлом. Как остается пепел от костров переживаний, от костров самости. От всего того, что многие называют жизнями.

Глава 33

В основу «Танцев Хартум» легло то понимание мира, о котором говорил Дон Хуан в своем учении, то, о чем пишет господин С. Н. Лазарев в своих трудах «Диагностика кармы». И много понимания почерпнуто из книг В. Жикаренцева. Огромная благодарность этим людям за правдивое изложение своего видения и понимания мира. Именно Правдивое. Почему? Да дело в том, что авторы описывают не только как весело и задорно у них все проходит, и работа с клиентами, и личные проблемы, которые возникают. Вот это и самое важное, для меня, во всяком случае. Потому что, описывая возникновение своих проблем, они пытаются найти причину и каким-то образом решают ее, более или менее успешно. И когда начинающая я, не имевшая рядом Учителя и попадавшая по своему незнанию или глупости в крутые переделки, находила аналогичные случаи в трудах этих авторов, и мой ум наблюдал закономерность происходящих «неприятностей». И уже отношение к этим событиям в корне изменилось. И пришло определенное понимание этого Мира. Его законов и принципов. И если это озарения, то они стали появляться после долгих лет упорной и постоянной работы над собой, в выявлении своих, как я называю, «залипух», то, что С. Н. Лазарев называет «блоками».

Все что я делаю, пишу или говорю, это испробовано, проэкспериментировано лично на себе. Я не теоретик — я практик. Потребность в написании книг возникла из того, что приходится экономить время и не тратить его на повторения одного и того же. Время освобождается для нахождения нового и еще не изведенного мной.

Вернемся к «Танцам Хартум». Возникает закономерный вопрос, а при чем тут «Диагностика кармы» Лазарева, и учения Дон Хуана, а В. Жикаренцев с его работой над ограничивающими убеждениями — вообще не в пень-колоду.

Нет, уважаемые, все это и положило основу тому, что я назвала «Танцами».

Вероятно, каждая новая работающая методика перерастает сама себя, видоизменяясь и метаморфозируясь.

Создавая «Танец», я предполагала, что группу может посещать каждый желающий. Что тут такого? Танцевальные движения под хорошую музыку, которую мы тщательно подбирали, тратя на это целые дни. И поначалу меня вдохновило то, что где бы я это ни демонстрировала — практически у всех были восторженные отзывы и желание посещать занятия. Только вот, на удивление, день ото дня занимающихся в группе становилось все меньше, и меньше, и меньше. На их место приходили новые, но из них тоже немногие задерживались. Но из всего этого радовало то, что с оставшимися людьми работать было одно удовольствие. И метод «Танцев» отполировался с бешеной скоростью, потому что в

группе остались только те, кто действительно хотел изменить свою жизнь к «лучшему», и видя те результаты, которые происходили с их телом, эмоциями, и как менялись их отношения с миром — они прилагали еще больше стараний для достижения своих целей. Хотя каждый свое желание танцевать объяснял по-своему. У всех была своя причина. А результат по прошествии года был весьма интересен.

И одно общее надо заметить: все, кто регулярно приходил на танцы, научились комфортно сосуществовать сами с собой, а как следствие, менялась их жизнь, начиная качественно другое наполнение. И это у всех без исключения. Глядя на все это происходящее, иногда я просто удивлялась их успехам. В то время, когда происходила такая «текучка» в группе, по правде сказать, у меня возникало недоумение по этому поводу. И я искала причины в себе, но явных, которые бы действительно влияли на статистику, не находилось. Это не зависело ни от времени занятий, ни от местоположения зала, в котором оно проводилось, ни от города, в котором это происходило. Единственное, что я отметила, это зависимость моего самочувствия и количества присутствующих на занятиях. И это имеет свое объяснение.

«Танцы» — это не хореография, это скорее то, что Карлос Кастанеда назвал «Тенсегрети», но переработано и переведено на язык танца так, как я это «получила» или «считала» с того плана, водительство Иерархии.

Понимание того, что является следующим шагом, произошло 1 января, утром. Вы как себя чувствуете наутро после Нового года? И считаете это праздником? Последние годы этот период изменения временного календарного цикла я проводила в одиночестве, и нашла подтверждение собственному убеждению, что утверждение «с кем встретишь Новый год, с тем его и проведешь» — Ложь с Большой Буквы. И одиночество в праздник было не из-за отсутствия приглашений или желающих прийти в гости, а от усталости от «вечных праздников», которые начинались 25 декабря и заканчивались в мае.

Итак, вернемся к тому дню, когда сформировался метод. То, что это был танец, всем и так понятно, но как это делать, в какой последовательности. Несколько недель я кружилась в движении, ища понимания и прослеживая реакцию тела, эмоций и ума. Результаты порадовали, начали происходить изменения в ту сторону, что люди называют «позитив». И я предложила нескольким участникам лекций, которые я проводила со своими знакомыми. И они согласились с энтузиазмом. Честно сказала им, что в принципе я не совсем знаю, как это надо строить, но буду делать. Ответ был — мы на все согласны.

Спасибо вам всем за доверие и поддержку, без вас этот метод мог бы и не случиться.

Начали с движений похожих на шаманские танцы и «Тенсегрети» вместе взятые. Используя понятие «Тенсегрети», опираюсь не на те упражнения, которые описаны в книге «Дар Орла», а на учителя в своем сердце. И так, ступенька за ступенькой, вместе с учениками, началось восхождение к пониманию Принципа Великой Гармонии. Метод возникал без помощи какой-либо литературы и известных техник, как бы сам по себе, но ценой невероятных усилий и насмешек со стороны всезнающих. Сомнения иногда подкрадывались и захватывали меня. Но я вспоминала снова Дон Хуана: «Если Воин не знает, что и как надо делать, он будет делать вид, как будто знает, что и как делать».

Только теперь, когда возникло понимание принципа того, что делаю, и пришло понимание необходимости того изолирования от источников информации о танцующих и танцевальных направлениях. Чтобы не было обезьянничества с моей стороны — это одно. И другое — для того чтобы была необходимость выйти к источникам «Танца» не по чьим-то стопам, а по Зову Безмолвия в сердце.

Необходимо отметить помощь Мира через знакомых и незнакомых людей. Как по мановению волшебной палочки, представилась возможность заниматься в прекрасном зале. Спасибо огромное этому Человеку. А через время возникла чудесная возможность к доступу богатейшей фонотеки, где существует такой выбор музыкальных произведений, о котором я даже не мечтала. И тебе, Человек, благодарность великая.

И нам, не имеющим даже начального музыкального образования, пришлось прослушивать многочасовые музыкальные композиции, чтобы подобрать музыку к занятиям. Дело это оказалось совсем не простым. И разбирались с этим только по точкам видения и информации, полученной невербальным методом. И теперь, когда методика окрепла и крепко стоит на ногах, когда уже в нескольких городах появились последователи. И у них на занятиях, уже с их учениками иногда происходят чудеса, вполне обоснованные. Я утвердилась в том, что мне просто удалось в нужное время

оказаться в нужном месте, в необходимом для восприятия потока сообщений «сверху». Не я открыла метод «Танцы Хартум», а он открыл меня, осветив мою жизнь смыслом.

Барнаул, 2005 год